63.3(2)5
П-50

ПРОВЕРЕНО 1935 г.
в
каталог

ПРОВЕРЕНО
1941 г.

1941

8215

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

РПМ БАН, з. 126, т. 300 000, 1.III.94

СПЕЦФОНД

РП

63.3(2)5
П-50
9(47)8(003)
П 51
3445
80
1965
1987
8215
92/746
Г 4

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!".

П. ПОЛИВАНОВЪ.

Алексѣевскій равелинъ.

Отрывокъ изъ воспоминаній.

21042
№ 8215
210
210

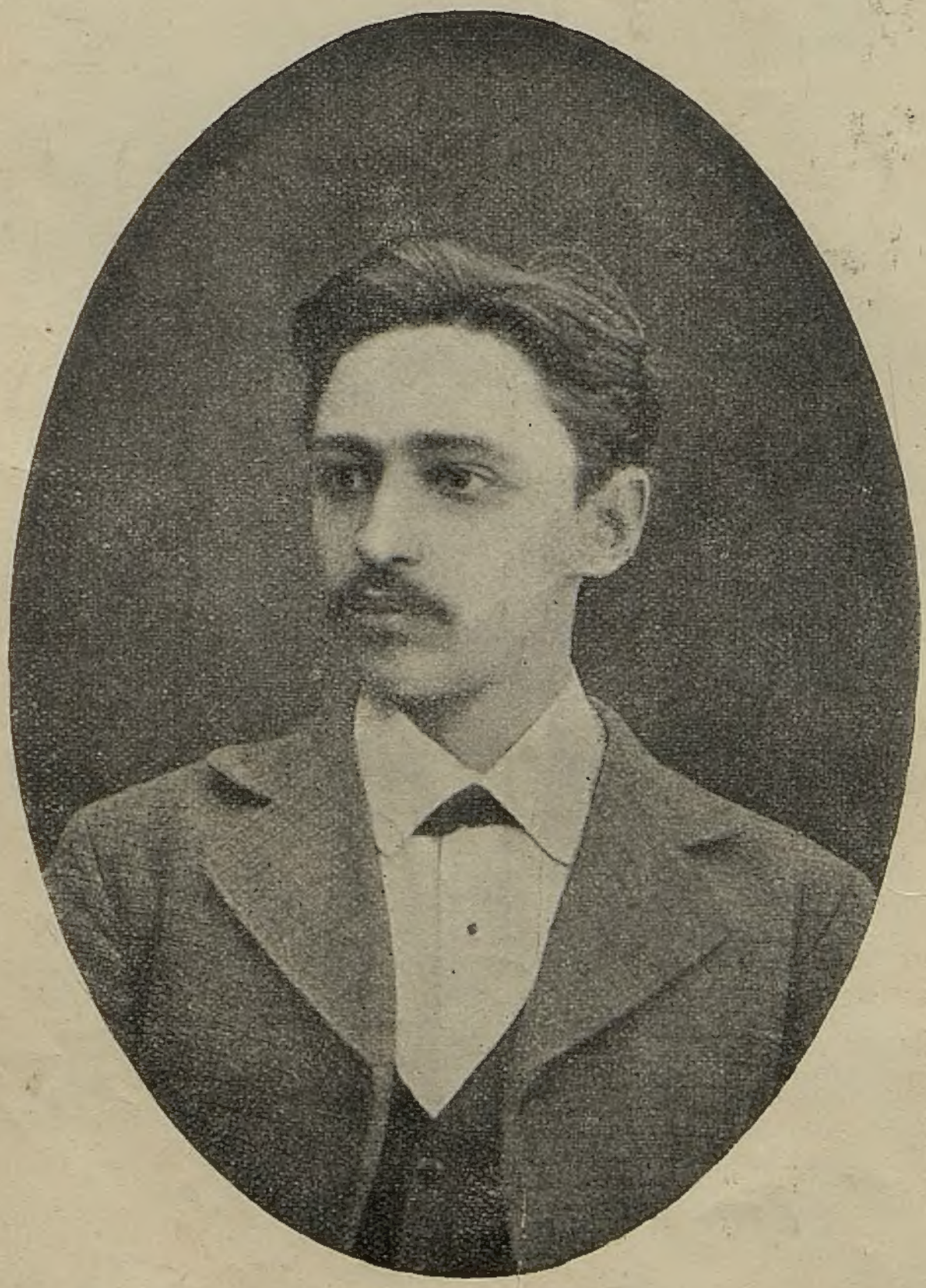
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Изданіе 2-ое (дополненное).

92/746

„ВЪ ЗНАНІИ И БОРЬБѢ—СИЛА И ПРАВО".
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Вл. РАСПОПОВА.
1906.

Типографія „Будущность“, 2-я Роджественская, 14.



Петръ Сергѣевичъ Поливановъ.

ОТЪ АВТОРА.

Выступая передъ публикой съ этимъ „отрывкомъ“, я считаю необходимымъ прежде всего оговориться, что не имѣю ни малѣйшихъ претензій ни на литературное, ни на историческое значеніе моихъ воспоминаній, котораго они, конечно, имѣть не могутъ. Сверхъ того, меня долго останавливало отъ опубликованія этихъ страницъ и то соображеніе, что я долженъ разсказывать о своей тюремной жизни тѣмъ людямъ, которые сами и притомъ вмѣстѣ со мной пережили все то, о чемъ мнѣ приходится говорить; а потому мои воспоминанія могутъ имѣть только личный интересъ—интересъ для людей, меня знающихъ, и съ мыслью о нихъ—съ мыслью о томъ, что можетъ быть когда нибудь эти записки очутятся въ дорогихъ дружескихъ рукахъ,—я взялся за перо. Кто знаетъ? Можетъ быть судьба занесетъ сюда кого-нибудь изъ близкихъ, можетъ быть я выйду на волю, можетъ быть, когда меня уже не будетъ на свѣтѣ, кто-нибудь изъ болѣе счастливыхъ товарищей вынесетъ изъ тюремныхъ стѣнъ разсказъ о томъ, что я пережилъ и передумалъ и дружескій глазъ съ участіемъ пробѣжитъ эти строки, написанныя старымъ товарищемъ, другомъ юности, который до конца жизни сохранилъ теплое воспоминаніе о тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ такъ тѣсно связанъ въ далекіе молодые годы, въ годы борьбы и надеждъ *).

---

*) Эти трогательныя строки написаны авторомъ въ Шлиссельбургѣ еще въ началѣ 90-хъ годовъ. Его предчувствіе въ нѣкоторой части уже исполнилось: болѣе счастливому товарищу удалось вывезти эти строки изъ тюрьмы, а именно тогда, когда самого автора уже нѣтъ на свѣтѣ. Издатель заранѣе увѣренъ, что въ настоящее время много, очень много дружескихъ глазъ съ участіемъ пробѣгутъ эти строки, съ участіемъ тѣмъ большимъ, что самъ авторъ такъ трагически и такъ преждевременно отошелъ въ вѣчность.

Отрывокъ изъ воспоминаній.

I.

Поздно вечеромъ 27 октября 1882 г. поѣздъ, на которомъ я былъ привезенъ въ Петербургъ, въѣхалъ подъ навѣсъ вокзала Николаевской желѣзной дороги. Я сидѣлъ какъ водиться, въ заднемъ служебномъ вагонѣ и слѣдовательно очутился противъ наименѣе оживленной части платформы. Подойдя къ концу, я увидѣлъ сквозь покрытое инеемъ запотѣвшее стекло лишь пустую платформу, довольно слабо освѣщенную дальнимъ фонаремъ, вокругъ котораго виднѣлось мутное трепещущее сіяніе, указывавшее на то что воздухъ, какъ это часто бываетъ въ осеннее время въ Петербургѣ, наполненъ густымъ туманомъ. Мимо меня торопливо пробѣжалъ смазчикъ; желѣзнодорожный жандармъ „по долгу службы“ заглянулъ въ окошко; затѣмъ промелькнулъ кондукторъ, не то телеграфистъ,—хорошенько ужъ не помню,—и только публики тутъ не было видно. Она валила тѣсной суетливой толпой черезъ вокзалъ къ выходу, торопясь скорѣе получить изъ багажнаго отдѣленія свои вещи скорѣе нанять извощика и скорѣе добраться, если не до своихъ пенатовъ, то по крайней мѣрѣ до Знаменской гостиницы. У меня не могло быть никакихъ подобныхъ заботъ. И такъ какъ по мнѣнію всѣхъ философовъ древнихъ и новыхъ временъ, духъ человѣческій тогда только становится способнымъ къ возвышенному созерцанію, когда онъ не отягченъ никакими земными помыслами и заботами, то покамнѣ оставалось только предаться этому занятію.

Но къ великому моему огорченію созерцать было рѣшительно нечего, кромѣ какого-то сѣденькаго жандарма и штабъ-офицера, который вдругъ появился передъ моимъ

окномъ, и такъ неожиданно, что я не могъ разобрать, съ небесъ ли слетѣлъ, или изъ земли выросъ сей архангелъ, начавшій тотчасъ же мирно прохаживаться взадъ и впередъ подъ моимъ окошкомъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ моего присутствія, а повидимому всецѣло погрузясь въ созерцаніе не то своихъ аксельбантовъ, не то величія Божія, являемаго въ его твореніи. Послѣднее я заключилъ изъ тѣхъ взоровъ, которые онъ часто возводилъ, за неимѣніемъ небесъ, къ желѣзному потолку вокзальнаго навѣса. Это зрѣлище не представляло для меня ничего новаго и ничего привлекательнаго, а потому я опять усѣлся на свое мѣсто и, закуривъ папироску, откинулся въ уголъ скамейки, то слѣдя за кольцами дыма, то прислушиваясь къ долетавшимъ до меня звукамъ обычной суматохи, сопровождающей прибытіе поѣзда и разъѣздъ публики. Глухой топотъ шаговъ, свистки локомотивовъ, отрывистыя приказанія желѣзнодорожнаго начальства, говоръ публики, стукъ экипажей по мостовой, пронзительные крики извощиковъ и покрывающій тѣхъ время отъ времени внушительный басъ жандарма, энергически водворяющаго порядокъ,—все это сливалось въ одинъ общій гулъ, нагонявшій на мой утомленный мозгъ какую-то душевную дремоту, полное оцѣпенѣніе мысли и чувства, при которыхъ человѣкъ охваченъ совершеннымъ равнодушіемъ ко всему окружающему, совершенно не желаетъ думать о чемъ-либо, волноваться чѣмъ-либо, не хочетъ ничего, кромѣ развѣ того, чтобъ подъ этотъ не смолкаемый гулъ ему можно было бы „забыться и заснуть“. Но мое забытье было не продолжительно. Скоро гулъ началъ слабѣть и изъ него стали отчетливо выдѣляться отдѣльные звуки. Говоръ и топотъ стихли. Дребезжащій стукъ колесъ сталъ рѣже. Видимо публика разъѣзжалась. Еще нѣсколько минутъ и все затихло, кромѣ дежурнаго локомотива, который давалъ какіе-то отчаянные, должно быть сигнальные свистки, да бѣготни хлопотни поѣздной прислуги. Вотъ еще свистокъ,—и я встрепенулся отъ неожиданнаго толчка: дали задній ходъ. И заглянулъ въ окно: дѣйствительно поѣздъ подавался назадъ. Скамейка, стоящая на платформѣ, фонарь, куча верешокъ и еще какіе-то тюки — все это прошло другъ за другомъ передъ моими глазами, а сѣдой архангелъ тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ шелъ подъ моимъ окномъ, не спуская съ него

глазъ и все-таки какъ будто меня не замѣчая. Мы остановились въ совершенной тьмѣ у самаго конца платформы. Мои жандармы стали оправлять свою аммуницію и собирать вещи, бросая поминутно нетерпѣливые взгляды на дверь. Черезъ нѣсколько минутъ она отворилась и показался тотъ самый желѣзнодорожный жандармъ, который заглядывалъ ко мнѣ въ окно. Онъ что-то тихо сказалъ моему унтеру и вышелъ.—„Ну, пожалуйте", обратился ко мнѣ старшій. Я всталъ, застегнулъ пальто, оправилъ кашнэ и пошелъ за нимъ къ выходу изъ вагона, а второй жандармъ взялъ мои вещи. Мы сошли на платформу и направились, минуя нѣсколькихъ разставленныхъ по ней жандармовъ и полицейскихъ, куда-то во тьму кромѣшную, гдѣ въ отдаленіи я замѣтилъ группу вѣроятно „особо на сей предметъ командированныхъ чиновъ", въ числѣ коихъ оказался и мой сѣденькій офицеръ. Скоро я замѣтилъ, что меня ведутъ тѣмъ же самымъ путемъ, по которому въ декабрѣ 78 года вели меня при отправкѣ въ ссылку, чтобъ усадить въ вагонъ. И въ самомъ дѣлѣ, пройдя еще немного, мы очутились на мостовой въ томъ же, какъ мнѣ казалось, мѣстѣ, гдѣ тогда я вышелъ изъ кареты. „Подавай!", скомандовалъ кто-то. Къ намъ подъѣхала карета. Мы усѣлись. Подскочившій полицейскій захлопнулъ дверцу, но еще нѣсколько минутъ мы продолжали стоять на мѣстѣ, пока тотъ же грубый начальственный голосъ не крикнулъ: „Пошелъ!".

Мѣрное колебаніе упругихъ рессоръ убаюкивали еще лучше, чѣмъ тряска вагона, но скоро я замѣтилъ, что жандармы забыли завѣсить окно кареты, и что слѣдовательно мнѣ можно будетъ еще разъ взглянуть на Питеръ, на картину его вечерней уличной жизни. Сначала не попадалось ничего, на что бы я могъ остановить взоръ. Мы ѣхали по Невскому и довольно быстро. Мимо насъ поминутно мелькали экипажи, а въ сторонѣ—освѣщенныя окна магазиновъ, вывѣски, фонари. На тротуарѣ было довольно много народу, но въ туманѣ и на такомъ значительномъ разстояніи всѣ фигуры теряли свои опредѣленныя очертанія и превращались въ одинаково безцвѣтные силуэты живыхъ тѣней. Къ тому же, очевидно, не „прогуливать себя", какъ выражался одинъ мой знакомый почтенный нѣмецъ, вышли они на улицу въ такой часъ и такую погоду, а каждый шелъ по сво-

му дѣлу, каждый спѣшилъ, каждый ежился отъ пронизы-
ающей его сырости и отъ капель воды, отъ времени до
ремени падающихъ за шею и, Богъ ихъ вѣсть, откуда бе-
ущихся. Уже вдалекѣ отъ Литейнаго я замѣтилъ среди
рохожихъ студента—медика, а его форменное пальто про-
удило во мнѣ рядъ забытыхъ воспоминаній о питерской
изни, Академіи, ея знаменитой библіотекѣ, сходкахъ... сло-
омъ обо всемъ, что „было и что не будетъ вновь“. Каре-
а повернула за уголъ и мы покатили по Литейному.

Одно за другимъ мелькали зданія, пробуждая въ душѣ
овый рядъ забытыхъ воспоминаній. Я такъ увлекся ими,
то почти не замѣтилъ, какъ мы доѣхали до Пантелеймо-
овской и повернули по ней налѣво. Тутъ на самомъ пово-
отѣ мнѣ бросились въ глаза двѣ женскія фигуры, которыя ужъ
братили вниманіе на нашу карету и проводили ее взглядомъ.
то былъ послѣдній взглядъ можетъ быть сочувствія, мо-
етъ быть сожалѣнія, по крайней мѣрѣ взглядъ безъ зло-
ы и ненависти, который пришелся на мою долю. Вѣроятно
нѣ замѣтили жандарма, а можетъ быть и меня успѣли раз-
лядѣть, ибо, какъ нарочно тутъ мы ѣхали очень тихо и
изко отъ тротуара. Это были двѣ молоденькія и мило-
идныя стриженыя синьориточки, несомнѣнно курсистки.
одной виднѣлись изъ подъ наброшеннаго на плечи пледа
вязка книгъ; въ рукахъ у другой былъ бумажный мѣшокъ,
зъ котораго выглядывалъ кончикъ булки. „Чай пить идутъ“,
ромелькнуло у меня въ головѣ, и вспомнился мнѣ рядъ
частливыхъ вечеровъ, проведенныхъ за чайнымъ столомъ,
дѣ мы грызли печенье, можетъ быть купленное въ той же
амой булочной, куда сейчасъ заходили эти барышни. Рядъ
овыхъ воспоминаній волна за волной охватили меня, и
ердце заныло щемящей тупою болью. Но вдругъ карета
становилась передъ воротами. Въ оконце калитки выгля-
улъ часовой жандармъ, очевидно уже поджидавшій насъ.
ію же минуту замокъ щелкнулъ, ворота отворились, и мы
ъѣхали на знакомый мнѣ дворъ III отдѣленія *) (нынѣ
табъ корпуса жандармовъ), но остановились не у этого
одъѣзда, который я ожидалъ, а у слѣдующаго, направо отъ
его.

---

*) Собственной Его Величества канцеляріи.

Старшій вышелъ изъ кареты, взошелъ на крыльцо
сталъ подниматься вверхъ по лѣстницѣ, освѣщенной лампою
„Казначейская“, прочелъ я надъ дверью. Очевидно, онъ по
шелъ доложить о моемъ прибытіи дежурному офицеру. Че
резъ нѣсколько времени онъ вернулся, попросилъ меня вый
ти и пошелъ назадъ къ 1-ому подъѣзду. Я слѣдовалъ з
нимъ, а за мной 2-ой жандармъ. Оба они „подтянулись“
не смотрѣли болѣе сонливыми рохлями. Замѣтно было, чт
ихъ сердца чуютъ близость начальства. Мы поднялись н
площадку 2-го этажа. Прямо противъ насъ была дверь, ве
дущая въ помѣщеніе, гдѣ производятся допросы, — „Канце
лярія для производства дѣлъ по преступленіямъ государ
ственнымъ“, гласила надпись, но жандармъ повернулъ на
право въ коридоръ, отворилъ дверь, и мы очутились въ ка
кой-то прихожей, имѣвшей довольно пустынный видъ. Н
вѣшалкѣ висѣли 2—3 пальто, въ углу виднѣлись калоши
зонтикъ. На диванѣ примостился какой то старый преста
рый лысый и беззубый хрычъ въ форменномъ зеленомъ 2-х
бортномъ сюртукѣ, вѣроятно швейцаръ или курьеръ, кото
рый при нашемъ появленіи поспѣшно вскочилъ на ноги
протирая глаза. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ за письмен
нымъ столомъ дежурный чиновникъ, очень молодой и очен
развязный субъектъ, занимавшійся прикладываніемъ печат
и надписываніемъ чего-то на бланкахъ, которыхъ перед
нимъ лежала цѣлая кипа. Переговоривъ съ моимъ жандар
момъ, онъ ушелъ во внутреннія комнаты и минутъ через
5 оттуда вышелъ ко мнѣ пожилой бритый господинъ съ ти
пичной канцелярской физіономіей, очень любезный и вѣж
ливый. Поздоровавшись со мной, онъ обратился къ жандар
му, который тѣмъ временемъ пошелъ за моими вещами,
только что снова появился въ дверяхъ, держа въ руках
мой немногосложный багажъ: „это не нужно, вѣдь «они»
здѣсь не останутся“. Дежурный чиновникъ что-то тихо шеп
нулъ ему. „Ну, хорошо, поставь тутъ“, сказалъ онъ оста
новившемуся было въ недоумѣніи жандарму.

„А гдѣ же дежурный офицеръ?“

„Сейчасъ придутъ, за ними послали“, доложилъ хрыч
Дѣйствительно, онъ не заставилъ себя долго ждать: скор
послышался звонъ шпоръ и прочихъ аксесуаровъ полной жан
дармской формы, и въ прихожую вошелъ офицеръ, плотны

й бравый, съ окладистой бородой и очень почтенной лысиной, совсѣмъ даже не по чину: онъ былъ всего лишь поручикъ. На немъ были нацѣплены и револьверъ и шашка, и рядунка, и эполеты, и аксельбанты, и прочее. Все это сверкало и звякало при каждомъ его движеніи, что, видимо, очень нравилось бравому поручику, и онъ поминутно щелкалъ каблуками и отряхивалъ свою сбрую. Они тихо заговорили между собой. „Знаете, рядомъ съ тѣмъ, который давно“, сказалъ офицеръ. Чиновникъ одобрительно кивнулъ головой и любезно распростился со мной, а бравый поручикъ не менѣе любезно попросилъ меня „пожаловать“, а затѣмъ обратившись къ ставшимъ по моимъ бокамъ жандармамъ, скомандовалъ: „сабли вонъ“.

И повели меня „раба Божія“ столь торжественно, какъ никогда еще не приходилось ходить въ предѣлахъ тюремной ограды. Въ судъ слушать приговоръ въ окончательной формѣ меня вели тоже парадно, подъ конвоемъ цѣлой полуроты пѣхоты, десятка конныхъ полицейскихъ и множество околоточныхъ; но тогда вели по улицамъ города. Теперь впереди шелъ жандармъ съ обнаженной шашкой, сзади жандармъ съ обнаженной шашкой, а сбоку офицеръ.

Мы вышли на дворъ и направились къ тому самому подъѣзду, у котораго стояла карета. Мнѣ опять бросилось въ глаза надпись: „казначейская“, и я, бывшій раньше въ II отдѣленіи на допросѣ, но не сидѣвшій тамъ, нѣсколько недоумѣвалъ, куда меня ведутъ. Мы поднялись во второй этажъ и свернули направо въ коридоръ, надъ которымъ была та же самая надпись. Пройдя нѣсколько шаговъ офицеръ отворилъ дверь въ свое помѣщеніе, столь же торжественно скомандовалъ: „сабли въ ножны“ и столь же любезно попросилъ меня сѣсть на диванъ, предложивъ при этомъ папиросу. Жандармы стали обыскивать мои вещи, а онъ записывалъ ихъ въ книгу. Затѣмъ обыскали меня самого и хотя поручикъ выворачивалъ мои карманы съ самой очаровательной улыбкой, но эта процедура настолько тяжела и унизительна, что привыкнуть къ ней невозможно, какъ бы любезно она ни производилась. И ни улыбки, ни новое предложеніе папиросы послѣ обыска, отъ которой я, понятно, отказался, не могли заглушить во мнѣ чувства оскорбленнаго человѣческаго достоинства. По тѣлу пробѣжала дрожь и я почувствовалъ...

Я почувствовалъ большое облегченіе, когда обыскъ кон
чился и меня повели опять между двумя жандармами с
саблями наголо тѣмъ же коридоромъ на лѣстницу. Мы под
нялись въ слѣдующій этажъ и едва ступили на площадку
какъ двери, находившіяся съ обѣихъ ея сторонъ и снаруж
не имѣвшія ничего особеннаго, распахнулись настежь. З
ними была видна 2-ая желѣзная рѣшетчатая дверь, запер
тая на замокъ. За ней стоялъ жандармъ, очевидно просу
нувшій сквозь рѣшетку руку и распахнувшій при нашем
приближеніи наружную дверь. Фигура этого часового был
очень типична: молодое безусое круглое лицо съ крайне наг
лымъ выраженіемъ, ухарски заломленная набокъ фуражк
безъ козырька, обнаженная шашка въ рукахъ, — „оприч
никъ“, такъ и просилось на языкъ. На противоположной
сторонѣ площадки за такой же рѣшетчатой дверью виднѣ
лась фигура часового, котораго разглядѣть я не имѣлъ времени

По приказанію офицера „опричникъ“ отперъ замокъ
отодвинулъ засовъ и отворилъ дверь. Мы вошли въ кори
доръ. Направо былъ расположенъ рядъ камеръ; налѣво глу
хая стѣна. Когда я проходилъ мимо № 1, его замокъ об
ратилъ на себя мое вниманіе: онъ былъ не только запертъ
но и запечатанъ сургучной печатью, ярко краснѣвшей н
осьмушкѣ бумаги, привязанной къ дужкѣ замка. На друго
день я убѣдился, что всякій разъ какъ дверь этого № отво
ряли, а это было довольно часто, къ замку снова прикла
дывалъ печать самъ офицеръ, нарочно для того приходив
шій. Ни у меня, ни у моего сосѣда слѣва, въ № 3, ничег
подобнаго я не видѣлъ. Ключи были на рукахъ у жандарма
который самъ отворялъ дверь, лишь въ присутствіи часо
ваго, становившагося тогда въ коридорѣ противъ отворенно
двери. Но я забѣгаю впередъ. И такъ, пройдя запечатанны
№, жандармъ остановился у слѣдующей двери, № 2, отпер
ее, и я очутился въ просторной, имѣвшей довольно прилич
ный видъ, комнаты. Изъ всѣхъ камеръ, которыя я тольк
видѣлъ на своемъ вѣку, она въ наименьшей степени носил
тюремный характеръ. Офицеръ попросилъ меня раздѣться
Мнѣ дали бѣлье, и очень хорошій халатъ на красной под
кладкѣ. Потомъ онъ спросилъ меня, не хочу ли я чаю и
забравъ мой портсигаръ, сказалъ, что здѣсь нельзя курит
своихъ папиросъ, а даютъ казенныя по 10 штукъ въ день

— „У тебя есть для нихъ папиросы?“ спросилъ онъ жандарма, не „опричника“, а другого, который между тѣмъ накладывалъ мое платье. Это былъ мѣстный ключникъ или какъ ихъ тамъ называютъ!

— „Не знаю, Ваше благородіе, кажется, есть.“

— „А то спроси у вахтера“.

Пожелавъ мнѣ спокойной ночи, и предупредивъ, что свѣчу гасить нельзя, поручикъ граціозно раскланялся, щелкнувъ при этомъ шпорами, и я остался одинъ.

Камера, какъ я уже упомянулъ, производила довольно пріятное впечатлѣніе, если, разумѣется, кутузка можетъ быть сколько-нибудь пріятной. Полъ былъ деревянный, крашеный. Дверь съ мѣдной ручкой имѣла бы видъ совершенно обычной комнатной двери, если бы только посерединѣ не было прорѣзано 4-хъ угольное отверстіе со стекломъ и, конечно, заслонкою въ коридорѣ. Круглая печь, обитая желѣзомъ, два большихъ и низкихъ окна (правда, стекла были въ нихъ матовыя, и при лунномъ свѣтѣ на нихъ отчетливо обрисовывались тѣни желѣзныхъ брусковъ рѣшетки), подвижной столъ со шкапикомъ внизу, стулъ, желѣзная кровать того фасона, какъ онѣ бываютъ въ гостиницахъ средней руки, окрашеная съ блестящими мѣдными шариками на столбикахъ и въ головѣ и въ ногахъ, хорошее байковое одѣяло, чистое бѣлье, отмѣченное буквами Ш. К. Ж. т. е. „штабъ корпуса жандармовъ,“ толстая стеариновая свѣчка въ подсвѣчникѣ, не казенная тюремная лампа, все это показалось бы мнѣ теперь чуть не раемъ, но въ ту минуту я положительно былъ не способенъ достойно оцѣнить всѣ прелести третьеотдѣленской кутузки. Я не ожидалъ того сюрприза, который мнѣ готовился, но все таки понималъ, что не на свободу ведутъ меня везутъ въ Петербургъ, и при мысли о томъ, что можетъ быть завтра этотъ же самый поручикъ также очаровательно щелкнетъ шпорами и также предупредительно спроситъ у жандарма: „а что есть у тебя для нихъ канталы?“ или что нибудь подобное,—при такой мысли у меня поднималась желчь и чувство негодованія душило и гнело меня, такъ что въ первое время мое закоснѣлое сердце нисколько не было тронуто тѣмъ комфортомъ, которымъ меня окружило благопопечительное начальство, и даже той отеческой заботливостью, съ которой оно прислало немного погодя

пачку плохихъ папиросъ и 2 кружки холоднаго чаю съ трехъ копѣечнымъ розаномъ. Напившись чаю, я замѣтилъ что сильно утомленъ и меня начало клонить ко сну. Поэтому, пройдясь нѣсколько разъ по камерѣ, и докуривъ папиросу, я улегся на кровать, закрывшись поверхъ одѣяла еще халатомъ—въ камерѣ было довольно свѣжо,—и сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

На другой день, я, быть можетъ, еще не скоро проснулся бы, но меня разбудилъ жандармъ. Я открылъ глаза и, увидѣвъ на стулѣ тазъ съ рукомойникомъ и фаянсовую мыльницу, и въ рукахъ жандарма полотенце, догадался, что онъ пришелъ подать мнѣ умыться. Нужно, значитъ, вставать. Умылся, набросилъ на себя халатъ и сѣлъ пить чай, опять тѣ же двѣ кружки, только чай былъ горячій и вмѣсто розана—маленькая булочка; а жандармъ со своимъ умывальнымъ приборомъ пошелъ къ моему сосѣду въ № 1. И вотъ тутъ я и замѣтилъ, что послѣ того какъ оттуда вышли, замокъ снова опечатали, и это производилъ самъ офицеръ. Дѣлая наблюденія въ теченіе всего дня я убѣдился, что это регулярно повторялось каждый разъ, когда туда заходили. Послѣ чая я пришелъ въ довольно благодушное настроеніе и занялся болѣе обстоятельнымъ осмотромъ своего новаго жилища, причемъ отдалъ ему должную справедливость. Надолго ли оно будетъ моимъ? Зачѣмъ меня сюда привезли? Вѣдь я знаю, что здѣсь держатъ только слѣдственныхъ и обыкновенно очень недолго, а затѣмъ переводятъ въ другія тюрьмы. Куда же дѣнутъ меня? Рядъ вопросовъ тѣснился въ моей головѣ, и я не могъ найти на нихъ положительнаго отвѣта. Наиболѣе вѣроятнымъ казалось то, что въ виду особаго характера моей провинности, власти сочли нужнымъ не держать меня до весны въ Саратовѣ во избѣженіе побѣга или, по крайней мѣрѣ, попытокъ къ моему освобожденію, а рѣшили держать меня въ болѣе надежномъ и изолированномъ мѣстѣ. Но вѣдь такимъ мѣстомъ могла бы быть и Московская тюрьма, въ которой тогда зимовали не только административно ссыльные, назначенные въ Сибирь, но и поселенцы, и каторжане. Правда, *Толстой* (тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ) говорилъ сестрѣ Новицкаго, что насъ обоихъ будутъ держать въ Саратовѣ до весны. Но къ его словамъ я уже научился относиться съ недовѣ-

ріемъ. Вскорѣ послѣ объявленія (19 окт.) мнѣ помилованія въ Саратовѣ зашелъ ко мнѣ губернаторъ (Алексѣй Александровичъ *Зубовъ*, нынѣ служитъ въ Вѣдомствѣ Имп. Маріи, кузенъ моей матери, значитъ мой двоюродный дядя) и началъ плакаться, что ему изъ-за меня было много непріятностей, и что онъ просилъ убрать меня поскорѣе. Моему отцу онъ въ тоже время выражалъ опасеніе, что подъ острогъ уже ведутъ подкопы со всѣхъ четырехъ сторонъ, что онъ боится какихъ-нибудь новыхъ непріятностей, такъ какъ у людей, подобныхъ мнѣ, способныхъ на такое самопожертвованіе, всегда есть такіе же преданные друзья. Тогда я только посмѣялся надъ его кудахтаніемъ. Но я былъ очень удивленъ, когда 25-го вечеромъ пришелъ ко мнѣ полиціймейстеръ и объявилъ, что получена телеграмма, предписывающая отправить меня въ Петербургъ съ первымъ же поѣздомъ. Я много и долго думалъ, но ни до чего додуматься не могъ. Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что держать меня въ крѣпости будутъ до самой отправки партіи въ Сибирь. Я былъ еще настолько наивенъ, что „за такіе пустяки“, какъ попытка освобожденія вооруженной силой, сопровождавшаяся убійствомъ, не считалъ возможнымъ попасть въ Алексѣевскій равелинъ, который, казалось мнѣ, предназначенъ только для цареубійцъ и членовъ Исполнительнаго Комитета. Отъ тревожныхъ опасеній и воспоминаній я неожиданно переходилъ къ воспоминаніямъ болѣе радостнаго характера. Съ чувствомъ горячей любви и признательности вспоминалъ я „пятерыхъ“, которые дали знать мнѣ въ тюрьму, что готовы умереть для моего освобожденія, и такъ или иначе, но они вырвутъ меня „изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи.“

Помню, я былъ тогда не только тронутъ этимъ, но еще и перепуганъ. Я послалъ имъ сердечную благодарность за такое отношеніе, но прибавилъ, что по моему глубокому убѣжденію я его не заслуживаю. Ихъ жизни слишкомъ мнѣ дороги, они слишкомъ нужны для дѣла, чтобъ я рѣшился поставить ихъ на карту ради своего избавленія отъ каторги. И я умолялъ ихъ сложить головы на какомъ-нибудь другомъ, болѣе плодотворномъ дѣлѣ.

Вспомнилось мнѣ затѣмъ мое трогательное прощаніе съ очень милымъ молодымъ артиллеристомъ, которому непре-

мѣнно хотѣлось проводить меня изъ дому и снова попросить для себя какой-нибудь болѣе активной роли въ нашемъ предпріятіи. Раньше онъ предлагалъ свои услуги въ качествѣ кучера, и очень огорчился, когда я сказалъ ему, что таковой уже имѣется, да и помимо того я не сталъ бы путать его въ это дѣло.

— „Позвольте, П. С., мнѣ по крайней мѣрѣ стоять на тротуарѣ противъ острога. Если что-нибудь случится, я брошусь съ саблей. Вы знаете, саблей можно много сдѣлать", заключилъ онъ многозначительно, и при послѣднихъ словахъ опустилъ лѣвую руку на эфесъ. Онъ былъ очень милъ въ эту минуту. Но то, что онъ говорилъ при этомъ было въ такой же мѣрѣ нелѣпо. Я сталъ убѣждать его, что подобная вещь никакой пользы не принесла бы, что мундиръ не произведетъ никакого эфекта, и напрасно онъ полагаетъ, что передъ нимъ всѣ разступятся и станутъ послушны его приказаніямъ. Онъ перебилъ меня на первомъ словѣ и сказалъ: „одинъ мой мундиръ могъ бы произвести впечатлѣніе" Къ тому же у него есть роль въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь онъ долженъ, согласно уговору быть на извѣстномъ мѣстѣ за городомъ, чтобы встрѣтить насъ въ томъ случаѣ, если намъ придется круто и нужно будетъ удирать туда. Съ большимъ горемъ отказался онъ отъ своего дѣтскаго, но несомнѣнно героическаго замысла, и, обнимаясь на прощанье, мы оба прослезились. Услыхавши много лѣтъ спустя, уже въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, что въ 83 г. онъ бѣжалъ заграницу, я отъ души порадовался и подумалъ что подъ звѣзднымъ знаменемъ Соединенныхъ Штатовъ ему будетъ лучше житься, чѣмъ въ сѣни крылъ двуглаваго орла.

Размышленія эти были прерваны визитомъ браваго поручика, который сообщилъ мнѣ, что сейчасъ сдаетъ дежурство другому офицеру, а самъ пойдетъ съ докладомъ, такъ не желаю ли я сдѣлать какихъ-нибудь заявленій? Онъ ихъ немедленно передастъ. Я тогда еще мало былъ знакомъ съ тюремной терминологіей и это слово произвело очень непріятное впечатлѣніе на мой непривычный слухъ. Вѣдь это чертъ знаетъ что такое! Что же онъ предлагаетъ мнѣ? Давать показанія, что ли? Выдавать? Стать шпіономъ? Вѣроятно эти мысли отразились на моей физіономіи, потому что

поручикъ улыбнулся и добавилъ: „можетъ быть вамъ книгъ нужно, можетъ быть на волю написать хотите?“.

„Конечно хочу“, отвѣчалъ я. „А вотъ не можете ли вы кстати сказать мнѣ зачѣмъ меня сюда привезли?“ „Право не знаю. Васъ конечно пригласятъ и все объяснятъ, а пока досвиданія“.

Мы распрощались, и я опять сталъ продолжать изученіе камеры. Мнѣ хотѣлось найти слѣды моихъ предшественниковъ. Но къ сожалѣнію я нашелъ довольно много надписей, нацарапанныхъ на стѣнахъ, но всѣ онѣ были такъ затерты, что ничего нельзя было разобрать. Лишь на окнѣ уцѣлѣло одна, написанная пальцемъ по слою пыли: Дворковъ, и больше ничего. Фамилія была мнѣ незнакомая и никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній я не нашелъ. Послѣ я открылъ, что одна изъ затертыхъ надписей сдѣлана имъ же, но ничего не могъ въ ней возстановить кромѣ той же фамиліи. Попробовалъ было вступить въ бесѣду съ моими сосѣдями, но ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ. И я, простучавъ нѣсколько разъ, потерялъ надежду ихъ дозваться и прекратилъ свои попытки, тѣмъ болѣе, что надзиратель былъ очень бдителенъ и бесѣдовать было затруднительно.

Проходитъ часъ, проходитъ другой. Я слышу, какъ въ коридорѣ смѣняютъ часового, какъ щелкнулъ замокъ и кого-то увели на допросъ должно быть, такъ какъ по коридору проходитъ со звономъ и бряцаніемъ офицеръ. Опять кого-то увели, кого-то привели, въ № 1-й зашелъ офицеръ и нѣсколько минутъ разговаривалъ тамъ, а уходя, запечаталъ замокъ. Я отчетливо слышалъ: „подай сюргучъ“. Время шло, а ни книгъ, ни бумаги мнѣ не приносили. Меня это начинало раздражать, такъ какъ я догадался, что это было одно изъ обычныхъ жандармскихъ издѣвательствъ и, конечно, рѣшилъ, чтобъ не давать имъ повода къ дальнѣйшему глумленію, самому объ этомъ ни въ какомъ случаѣ не заговаривать, а спокойно ждать, когда имъ угодно будетъ соблаговолить дать мнѣ, что нужно, или отвѣтить отказомъ. Но никакого отвѣта я не дождался, а дождался только обѣда, который подали мнѣ, по моимъ предположеніямъ, около часу. Часовъ не было, а всупить въ разговоръ было противно, да при томъ въ отвѣтъ я, навѣрное, получилъ бы стереотипное: „не могу знать“. Обѣдъ, не въ обиду будь сказано

Вячеславу Константиновичу Плеве, который тогда былъ директоромъ департамента полиціи и въ то время, какъ и потомъ, поочередно съ *П. Н. Дурново* доблестно исполнялъ обязанности тюремщика и палача, былъ прескверный, а я грѣшнымъ дѣломъ, избаловался за время моей тюремной жизни и привыкъ къ хорошему столу, съ фруктами, съ хорошимъ виномъ, съ сигарами, такъ какъ все это доставлялось мнѣ родными безпрепятственно. А тутъ въ мискѣ какая то подозрительная бурда, въ которой плаваетъ ненавистная мнѣ вермишель, а бифштексъ жевать было только барбосу впору.

Увы! какъ скоро этотъ обѣдъ сталъ для меня недосягаемымъ идеаломъ кулинарнаго искусства! Какъ часто, вытаскивая за ножку чернаго таракана изъ приснопамятныхъ равелинскихъ щей, я вздыхалъ объ этой вермишелѣ! Какъ часто, глотая затхлую кашу, съ постнымъ масломъ, я вспоминалъ изящную наружность этого бифштекса, гарнированнаго хрѣномъ и картофлемъ, соблазнительный ароматъ жареннаго мяса, несравненный видъ его подливки!

Сдѣлавъ послѣ обѣда еще одну попытку вызвать стукомъ моихъ сосѣдей, я началъ ходить изъ угла въ уголъ, отъ времени до времени останавливаясь и прислушиваясь, не зоветъ ли кто меня въ стѣну. Но кругомъ царила тишина, и даже шаговъ моихъ сосѣдей не было слышно, хотя я прикладывалъ ухо къ стѣнѣ. Попробовалъ я еще обратить на себя вниманіе сильно топая пяткой при ходьбѣ, и выстукивая шагами вопросъ: „Кто вы?“ Но, во-первыхъ, полъ былъ, какъ я уже упоминалъ, деревянный, а потому звукъ получался очень глухой и не могъ далеко распространяться. А во-вторыхъ, это сразу замѣтилъ часовой и сталъ безпокойно заглядывать въ дворное окошечко, бросая на меня укоризненные взгляды. Пришлось и отъ этого отказаться. Все, что я могъ сдѣлать, чтобъ оставить по себѣ память, это написать пальцемъ на запыленномъ окнѣ годъ, число, мѣсяцъ и фамилію. Я ходилъ долго, такъ что наконецъ пятки заныли и голова начала кружиться, но никакъ не могъ разогнать неотвязныхъ думъ, упорно меня преслѣдовавшихъ, Предчувствіе чего-то очень сквернаго, явившееся у меня сейчасъ же, какъ только полиціймейстеръ пришелъ мнѣ объявить о полученіи телеграммы, предписывающей немедленно отправить меня въ Петербургъ, не

8445

оставляло меня всю дорогу. Теперь оно облеклось въ положительныя формы. Я былъ почти увѣренъ, что попаду въ Петропавловскую крѣпость (но не въ Алексѣевскій равелинъ,—это мнѣ въ голову не приходило); какъ меня тамъ будутъ держать Богъ вѣсть, но несомнѣнно, что сношеній тамъ или нѣтъ, или хоть и есть, но очень плохія. А у меня много вещей, которыя необходимо передать кому-нибудь изъ близкихъ людей, кто могъ бы взяться за устройство моихъ личныхъ дѣлъ. Это меня страшно тяготило, ибо я считалъ возможнымъ, что я теперь навсегда отрѣзанъ отъ вольнаго міра и никогда уже не буду въ состояніи устроить и разъяснить то, что могъ бы уладить часовой разговоръ, одно обстоятельное письмо. Останься я еще день или два въ Саратовѣ, вернулась бы изъ Петербурга сестра и на свиданіи я могъ бы сказать ей все, что нужно. Я очень досадовалъ на себя, что упустилъ случай въ наше послѣднее свиданіе. Еще болѣе досадовалъ, что не послалъ письма неоффиціальнымъ путемъ, чтобъ ей передали тотчасъ же, когда вернется. Но какъ я могъ предполагать, что дѣло приметъ такой оборотъ послѣ всего того, что говорили власти, послѣ положительнаго увѣренія Толстого, что я до весны останусь въ Саратовѣ. Не менѣе тяжело мнѣ было то, что я не могъ передать на волю кое-какихъ подробностей дѣла, окончательно снимавшихъ съ меня отвѣтственность за неудачу предпріятія, о которомъ я не рѣшился говорить раньше по своей глупой деликатности. Да, не легко было на душѣ!

Часовъ около четырехъ явился жандармъ съ подносомъ въ рукахъ. На немъ были поставлены чай, сахаръ и булки, но ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей онъ мнѣ не принесъ и я, считая невозможной забывчивость со стороны жандарма, не сдѣлалъ ему никакого вопроса, и изъ этого обстоятельства вывелъ очень основательное заключеніе, а именно, что всякимъ церемоніямъ со мной приходитъ конецъ. Прошло не болѣе получаса послѣ того, какъ я напился чаю, когда тотъ же жандармъ принесъ мое платье и попросилъ одѣться. „А наконецъ-то! подумалъ я. Это, вѣрно и есть то самое приглашеніе, о которомъ говорилъ утромъ офицеръ. Стало быть сейчасъ разъяснится моя участь!“ Между тѣмъ жандармъ сталъ убирать съ постели одѣяло и бѣлье. „Чего ты?“ Замѣтилъ ему стоявшій въ две-

ряхъ унтеръ. „Да вѣдь на вовсе“.... отвѣчалъ тотъ.—„Всѐ равно, погоди“, строго вымолвилъ старшій, и жандармъ остановился. Я одѣлся и двинулся было къ двери. „Погодите, сейчасъ придетъ офицеръ“, остановилъ меня часовой. Почти въ ту же минуту въ коридорѣ загремѣлъ замокъ и раздалось бряцаніе шпоръ. Явился новый офицеръ не менѣе бравый, не менѣе вѣжливый и не менѣе обвѣшанный разными бирюльками жандармскаго костюма. Опять раздалось приглашеніе „пожаловать“, опять раздалась команда: „сабли вонъ!“ и опять по коридору двинулось тріумфальное шествіе. Меня привели въ комнату дежурнаго офицера, гдѣ я нашелъ другого поручика, очень молодого и вовсе не браваго—даже въ синихъ очкахъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ въ накинутой на плечи мѣховой шинели. На полу стояли мои вещи и мнѣ предложили сейчасъ же расписаться въ ихъ полученіи. Я догадался, что меня куда-то увозятъ и что сопровождать меня будетъ этотъ молодой офицеръ въ синихъ очкахъ. Молча взялъ я перо и написалъ свою фамилію въ книгѣ, подсунутой мнѣ дежурнымъ, который заботливо положилъ на нее руку, чтобы я не перевернулъ и не бросилъ преступный взглядъ на списокъ вещей какого-нибудь другого заключеннаго. Предосторожность, впрочемъ совсѣмъ излишняя, такъ какъ въ этой книгѣ не были выставлены фамиліи, а только номера камеръ, занимаемыхъ арестантами. Когда я исполнилъ эту формальность, меня снова попросили „пожаловать“, и шествіе тронулось обычнымъ порядкомъ. Выйдя на лѣстницу, дежурный офицеръ распрощался со мной, очень любезно пожелавъ мнѣ всего хорошаго, и очень граціозно приложивъ руку къ околышку фуражки, и тотчасъ же обратился къ одному изъ жандармовъ, который забряцалъ шпорами, спускаясь по лѣстницѣ, и внушительно произнесъ: „стучи больше!“ При этомъ его физіономія приняла выраженіе такого строгаго величія, что жандармъ былъ положительно уничтоженъ этимъ замѣчаніемъ.

II.

Мы усѣлись въ карету, поручикъ рядомъ со мной, а два жандарма напротивъ. Дверцу захлопнули и мы тронулись. „Куда же вы меня везете?“ обратился я къ своему спутнику.

„Да сейчасъ узнаете... не все ли равно, получасомъ раньше, получасомъ позже“... лѣниво протянулъ поручикъ. Я ничего не сказалъ на это, и онъ, помолчавъ немного, прибавилъ; „А какъ вы думаете, куда васъ помѣстятъ?“ „Въ крѣпость“, отвѣтилъ я. „Ну вотъ“, процѣдилъ онъ сквозь зубы и утвердительно наклонилъ голову. На мое счастье окно кареты, какъ и вчера, не было завѣшано, и я принялся глядѣть во всѣ глаза, будучи уже несомнѣнно убѣжденъ, что въ послѣдній разъ любуюсь Питеромъ. Въѣхавъ на Литейный, карета повернула на лѣво, миновала съ одной стороны зданія окружного суда и Предварительнаго дома, а съ другой—патроннаго завода, и мы въѣхали на новый, мнѣ не знакомый мостъ Александра II, который въ 78 году, когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, еще строился. Я снова увидѣлъ широкій просторъ рѣки, пароходы, баржи, лодки, тѣснящіеся у пристани, стаю дикихъ утокъ, колыхающихся на поверхности воды, и вспомнилось тутъ мнѣ, какъ я былъ удивленъ этимъ зрѣлищемъ, когда въ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и какъ тогда во мнѣ заговорили охотничьи инстинкты. На противоположномъ берегу возвышались знакомыя мнѣ зданія медико-хирургической Академіи, а далѣе, ниже по теченію, виднѣлись угрюмыя стѣны Петропавловской крѣпости, которыя, казалось, прямо выступали изъ темныхъ водъ рѣки, и представлялись болѣе низкими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, конечно по сравненію съ высокими зданіями, окаймлявшими набережную.

Не знаю, какъ кому, а мнѣ всегда эта крѣпость казалась мрачнымъ пятномъ, портящимъ впечатлѣніе прекрасной картины, которую представляетъ Нева съ ея оживленной, покрытой разнаго рода судами поверхностью, съ ея мостами, гранитными набережными, многоэтажными домами, дворцами и общественными зданіями, высящимися на обоихъ берегахъ. Быть можетъ и мнѣ крѣпость не рѣзала глаза, если бы только съ ея стѣнами не было связано представленье о той печальной роли, какую она играла и будетъ еще играть долгіе годы въ жизни русскаго общества. Всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на нее издали, она казалась мнѣ какимъ-то отвратительнымъ темнымъ сырымъ колоссальнымъ паукомъ, который далеко вокругъ раскинулъ свои сѣти, жадно сосетъ людскую кровь и стоитъ вѣчной угро-

зой передъ глазами всего мыслящаго, всего чувствущаго человѣческое достоинство. Понятно, теперь непріятное чувство, съ какимъ я на нее глядѣлъ, было еще сильнѣе, чѣмъ въ былое время. „Тамъ мой гробъ“, мелькнуло у меня въ головѣ, какъ только мой взглядъ упалъ на стѣны Трубецкого бастіона.

Переѣхавъ Неву, мы очутились въ хорошо знакомыхъ мнѣ мѣстахъ, гдѣ на каждомъ шагу оживало у меня какое-нибудь свѣтлое воспоминаніе, особенно на Петербургской сторонѣ, гдѣ почти постоянно жилъ я и большинство моихъ друзей. На Большой Дворянской, почти каждый домъ, каждая вывѣска напоминала мнѣ что-нибудь. Вотъ домъ, гдѣ въ мартѣ 78 года мы обсуждали новую программу, причемъ я былъ всенародно уличенъ въ „анархизмѣ“ за горячій протестъ противъ введенія въ программу стачекъ, какъ одно изъ наиболѣе сильныхъ средствъ борьбы, рекомендуя вмѣсто нихъ фабричный терроръ. Вотъ „съѣстная лавочка“, гдѣ „въ минуту жизни трудную“ я нерѣдко лакомился пустыми щами съ кашей, или супомъ точно такъ же, какъ намъ теперь даютъ подъ названіемъ „перловаго“. Въ этомъ домѣ жилъ мой дорогой другъ, тоже уже погибшій, *Д. И. Шиловцевъ*. Вотъ рядомъ зеленная, гдѣ мы часто съ Анной Васильевной покупали рѣпу, служившую намъ дессертомъ, за неимѣніемъ лучшаго. Вотъ домъ, гдѣ мы обсуждали нашу программу. На углу домъ 7/13. Здѣсь нѣкогда жилъ я, далѣе по правой сторонѣ Софья Ивановна съ Анной Михайловной. На мгновенье мелькнулъ въ глубинѣ Малой Дворянской домъ, гдѣ я былъ арестованъ вмѣстѣ съ *Исаевымъ*, *Дубницкимъ* и *Соколовымъ*, а вотъ и участокъ, куда насъ привели. Далѣе на Большой Дворянской квартира Анны Васильевны. Троицкій переулокъ и воспоминанія объ одномъ изъ самыхъ дорогихъ товарищей, *Е. А. Дубровинѣ*. Гдѣ ты теперь, дорогой мой? Тамъ, на Карійской каторгѣ вспоминали ли вы съ Сергѣемъ обо мнѣ такъ часто, какъ я вспоминаю о васъ въ своемъ казематѣ? Я жадно глядѣлъ, припавъ лицомъ къ стеклу и словно стараясь запомнить, какъ можно лучше, все, что только попадалось мнѣ на глаза: полицейскаго, стоящаго на посту, дворника, зѣвающаго у воротъ, жирнаго лавочника въ бѣломъ фартукѣ, появившагося на порогѣ своего магазина колоніальныхъ товаровъ, изво-

щика, понукающаго своего одра, собаку, перебирающуюся черезъ улицу, кухарку, бѣгающую по тротуару съ какимъ-то бѣлымъ сверткомъ въ рукахъ, несущагося ей навстрѣчу студента въ широкополой поярковой шляпѣ. Подъѣзды со звонками и мѣдными дощечками, вывыски, окна съ гардинами, — все это стало мнѣ дорого, какъ послѣдніе образы вольнаго міра, мною утраченнаго, отошедшаго въ область минувшаго, въ область воспоминаній. Мнѣ казалось, что мы не ѣдемъ, а просто летимъ, и я изумился, когда увидѣлъ, что мы въѣхали уже на Кронверкскій проспектъ. Хотѣлось бы еще хоть нѣсколько минутъ подышать воздухомъ воли. Но передъ нами уже понтонный мостъ, за которымъ виднѣется, словно разинутая пасть колоссальнаго звѣря, ворота трижды проклятой Петропавловской крѣпости. Я успѣлъ только бросить прощальный взоръ на Неву, когда мы ѣхали по мосту, и очутился подъ сводами Петровскихъ воротъ. Миновавъ бульваръ и бѣлое зданіе какой-то канцеляріи, мы свернули налѣво, по направленію къ такъ хорошо знакомымъ нашему брату деревяннымъ воротамъ. Не доѣзжая до нихъ, офицеръ велѣлъ остановиться, и, приказавъ жандарму ѣхать далѣе однимъ, направился въ комендантское управленіе. Выходя онъ посмотрѣлъ цѣлы ли у него пакеты, одинъ съ моими деньгами, другой съ бумагами обо мнѣ. Я тоже взглянулъ на нихъ и увидѣлъ, что на обоихъ конвертахъ не было никакой надписи, кромѣ № 2-ой камеры, въ которой я сидѣлъ въ штабѣ корпуса жандармовъ. Ворота отворилъ жандармъ, стоявшій тутъ на часахъ, и мы въѣхали въ узкій переулокъ. Справа тянулся очень высокій деревянный заборъ, за которымъ находился монетный дворъ, слѣва—зданіе тюрьмы Трубецкого бастіона. Здѣсь начиналась Екатерининская куртина, въ верхнемъ этажѣ которой находятся громадныя залы съ какими-то архивами (нынѣ она уничтожена, на ея мѣстѣ стоятъ казармы). Въ одной изъ нихъ часто производятся допросы сидящимъ въ Трубецкомъ бастіонѣ. Тамъ же судили верховнымъ судомъ *Каракозова* (1866), *Соловьева* (1879), Въ нижемъ этажѣ находятся одиночныя камеры, выходящія окнами на Неву. До постройки тюрьмы Трубецкого бастіона (въ 68 г.) Екатерининская и Невская куртины были обычнымъ мѣстомъ заключенія слѣдственныхъ политическихъ арестантовъ. Но въ мое время въ

Невскую не сажали никого. Кажется уже тамъ и тюрьмы не было, а въ Екатерининскую сажали очень рѣдко въ исключительныхъ случаяхъ, или въ видѣ наказанія, или въ цѣляхъ изоляціи. Заключенный тамъ подвергался ночью нашествію цѣлаго полчища крысъ.

Карета остановилась у одного изъ подъѣздовъ. Я было привсталъ, но жандармъ остановилъ меня. „Подождите еще", сказалъ онъ и выглянулъ въ окно. На крыльцѣ не было никого; дверь была затворена. Нужно, стало быть, кого-то или чего-то ждать. Ждать пришлось не мало, полчаса слишкомъ, а при моемъ душевномъ состояніи это время казалось еще болѣе продолжительнымъ. Я испытывалъ нѣчто подобное тому, что испытываетъ больной передъ операціей, что вообще чувствуетъ человѣкъ въ томительномъ ожиданіи чего-нибудь мучительнаго, ужаснаго, подавляющаго, но въ то же время неизбѣжнаго и неотвратимаго, когда мозгъ работаетъ съ лихорадочной энергіей и рисуетъ поразительно ярко картины ожидаемыхъ страданій, когда задолго еще до наступленія реальныхъ мукъ, человѣкъ переживаетъ ихъ въ душѣ такъ живо, такъ отчетливо, что наступленіе роковой минуты кажется ему облегченіемъ, отрадой, предѣломъ его страданій и онъ начинаетъ съ болѣзненной страстностію жаждать, чтобъ эта минута скорѣй наступила; ожиданіе болѣе мучительное, чѣмъ самая мука.

Минута шла за минутой. Куранты Петропавловскаго собора проиграли одну четверть часа, другую, а все нѣтъ никого. Я сталъ коченѣть отъ холода, такъ какъ былъ одѣтъ очень легко: въ лѣтнемъ пальто, въ томъ самомъ, въ которомъ былъ арестованъ, безъ калошъ, въ однѣхъ ботинкахъ. Жандармы тоже затосковали. Одинъ все поглядывалъ на свои часы, другой все вздыхалъ съ чувствомъ покорности судьбѣ, но наконецъ не выдержалъ.—„Какъ долго"—произнесъ онъ съ укоризной.— Съ *Лѣсникомъ*, поди, чай распиваетъ", отвѣчалъ ему первый. „Съ Лѣсникомъ... Съ Лѣсникомъ!.. Да вѣдь Лѣсникъ въ 78 году возилъ въ Харьковъ Мышкина и другихъ осужденныхъ въ каторгу по процессу 193-хъ, припомнилось мнѣ. Ужъ не повезутъ ли меня сейчасъ еще куда-нибудь? Это очень возможно. Вѣдь про Лѣсника тогда говорили, что ему постоянно даютъ подобныя порученія. Но куда же меня могутъ везти? Не въ Шлис-

сельбургъ ли? Въ то время, нужно замѣтить, уже ходили слухи о томъ, что въ Шлиссельбургѣ возобновляется политическая тюрьма, упраздненная со времени Николая I, и что даже туда перевезены нѣкоторые изъ содержавшихся въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ томъ числѣ *Нечаевъ*. Я не зналъ, что Лѣсникъ назначенъ смотрителемъ тюрьмы Трубецкого бастіона, и быть можетъ долго бы еще фантазировалъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи. Но дверь отворилась, на крыльцо вышелъ унтеръ, не жиндармскій, а изъ такъ называемыхъ присяжныхъ, и махнулъ рукой. Жандармы поднялись и забрали мои вещи. Мы вышли изъ кареты, поднялись на невысокое каменное крыльцо и пройдя черезъ кордегардію, очутились въ тюремной прихожей. Это была длинная и высокая комната довольно неприглядnаго вида. Полъ былъ грязенъ. Половикъ, протянутый отъ входа до двери, ведущій въ тюремный коридоръ, былъ очень потертъ. Краска на стѣнахъ мѣстами облупилась, мѣстами совсѣмъ утратила свой первоначальный цвѣтъ отъ сырости, копоти и насѣвшей густымъ слоемъ пыли. Въ переднемъ углу вдоль стѣнъ тянулась глаголемъ длинная деревянная скамейка, передъ которой стоялъ деревянный столъ. Въ противоположномъ углу слѣва, была узкая деревянная дверь, окрашенная въ какую-то темную краску. Она, какъ оказалось, вела во внутренность тюрьмы. Въ стѣнѣ, прилегающей къ садику, гдѣ гуляютъ заключенные (онъ находится внутри тюремнаго зданія), прорѣзаны два окна, нижнія стекла коихъ были матовыя, а потому прихожая освѣщалась очень плохо. Я засталъ здѣсь моего поручика. Онъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ съ папироской въ зубахъ и, видимо, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Человѣкъ онъ былъ еще молодой, служилъ въ жандармахъ еще не долго и не успѣлъ освоиться съ тяжелымъ ремесломъ. Я тоже закурилъ папиросу, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заглянулъ черезъ отворенную дверь въ кордегардію, гдѣ были видны солдаты-гвардейцы, покуривавшіе „цыгарки“, и рядъ ружей, составленныхъ у стѣны, посмотрѣлъ на висѣвшую близь двери инструкцію для караула и, ненайдя тамъ ничего любопытнаго, прислонился къ обитой желѣзомъ печкѣ, чтобъ нѣсколько отогрѣться.

Такъ прошло минутъ пять. Вдругъ дверь отворилась, и въ

прихожую вошли присяжный, остановившійся тутъ же у порога, и плотный румяный старикъ съ длинной сѣдой бородой, одѣтый въ тужурку съ капитанскими погонами. Это былъ, какъ я узналъ уже послѣ, *Домашневъ,* завѣдывавшій жандармами, которые съ 80-го года были назначены въ крѣпость для наблюденія не только за арестантами, но и за присяжными, которымъ въ свою очередь было приказано слѣдить за жандармами. (Называю Домашнева капитаномъ, ибо тогда жандармы носили пѣхотные чины, а не кавалерійскіе, какъ это пошло съ 84 года.) Онъ поздоровался съ моимъ поручикомъ, пожавъ ему руку, и они, отойдя въ сторону, стали тихо говорить между собою. Рѣчь шла, конечно, обо мнѣ, и я почувствовалъ себя очень неловко, особенно отъ тѣхъ безцеремонныхъ взоровъ, которые на меня бросалъ этотъ старикъ. Я отошелъ отъ печки и сталъ снова прохаживаться по комнатѣ. „Ну, иди!“ вдругъ раздалось за моей спиной. Я обернулся и остановился въ недоумѣніи. „Иди, иди!“ грубо повторилъ старикъ, указывая рукой на дверь. Кровь ударила мнѣ въ голову. Нѣтъ сомнѣнія, эти слова относятся ко мнѣ! Съ этой минуты я уже не человѣкъ, а лишенный всѣхъ правъ состоянія ссыльно-каторжный, котораго можетъ оскорблять всякій бурбонъ. Конечно, я ждалъ, что могу встрѣтить подобное обращеніе, конечно, я старался заранѣе убѣдить себя, что на подобнаго рода вещи нужно смотрѣть философски, что оскорбляться грубостью и наглостью людей, во власти которыхъ я нахожусь, противорѣчило тому презрѣнью, съ какимъ я смотрѣлъ на нихъ, и прочее. Увы! не въ первый разъ въ жизни, и не со мной первымъ оказалось, что броня философіи очень не крѣпка, если умъ говоритъ одно, а чувство другое. И какъ бы я не старался увѣрить себя, что стою выше всѣхъ оскорбленій, наносимыхъ мнѣ злымъ и глупымъ человѣкомъ, но все-таки я не въ силахъ былъ слышать грубаго обращенія на „ты“. По спинѣ пробѣжала нервная дрожь, въ вискахъ стучало, мелькнуло было въ головѣ мысль — на грубость отвѣчать грубостью, но къ счастью, я быстро овладѣлъ собой и удержался. Въ самомъ дѣлѣ, въ такихъ условіяхъ вступать въ борьбу — значитъ, подвергать себя новымъ еще большимъ поруганіямъ и тѣшить своихъ враговъ, которымъ твои страданія доставляютъ величайшее удовольствіе и наслажденіе.

Я въ первые же дни заключенія въ крѣпости рѣшилъ, что въ тюрьмѣ нужно, или, сохраняя полное хладнокровіе, спокойно покоряться своей участи, или же, если вступать въ борьбу, то только съ тѣмъ, чтобы не оставаться въ живыхъ. Ничѣмъ нельзя такъ порадовать нашихъ враговъ, какъ доставивъ имъ новый случай ругаться надъ тобою, и ничто не можетъ ихъ такъ сильно злить, какъ ясность духа и спокойствіе, котораго не могутъ сломить всѣ измышленныя ими пытки.

Поручикъ мой поклонился и что то процѣдилъ сквозь зубы, указывая мнѣ на капитана. Я не разобралъ его словъ, отчасти потому, что они были сказаны тихо, отчасти потому, что былъ сильно взволнованъ, но все-таки понялъ, что онъ прощается со мной и передаетъ меня этому бурбону. Я отвѣтилъ поручику поклономъ и пошелъ по направленію, указанному мнѣ рукой поручика. Присяжный, стоявшій у двери, открылъ шествіе, указывая мнѣ путь, за нимъ я, за мной капитанъ. Ступивъ черезъ порогъ, я очутился въ ярко освѣщенномъ коридорѣ. Слѣва шли камеры, начиная съ № 1, и мнѣ сейчасъ же бросился въ глаза рядъ жестяныхъ, окрашенныхъ въ блѣдную краску резервуаровъ для воды, которые находились у каждой камеры съ правой стороны двери, на высотѣ аршинъ двухъ съ полу. Справа была стѣна, выходившая въ садикъ. Окна въ ней были, какъ и въ прихожей, матовыя. Часового убрали изъ коридора, но зато тамъ была цѣлая толпа унтеровъ—присяжныхъ и жандармовъ, которые сейчасъ же окружили меня со всѣхъ сторонъ. У № 8 коридоръ поворачивался подъ тупымъ угломъ направо, гдѣ за каменной лѣстницей во второмъ этажѣ виднѣлся такой же рядъ камеръ, а слѣва коридоръ расширялся въ полукруглую площадку, уходившую довольно далеко въ уголъ зданія. Съ каждой стороны площадки было по двери; правая вела въ открытое мѣсто, находящееся подъ лѣстницей; лѣвая, въ какое то помѣщеніе, гдѣ хранятся вещи заключенныхъ, нѣчто вродѣ цейхгауза, а въ глубинѣ находилась третья дверь — дверь № 9, такимъ образомъ, вполнѣ изолированнаго отъ прочихъ камеръ, за исключеніемъ № 46, расположеннаго точно такимъ же образомъ во второмъ этажѣ. Въ послѣдствіи я замѣтилъ, что эта тюрьма имѣетъ видъ правильнаго 5-ти угольника, по четыремъ сторонамъ

котораго въ обоихъ этажахъ расположено по восьми камеръ въ рядъ, да еще въ каждомъ углу находится по одной, стоящей совсѣмъ особнякомъ, и всѣхъ камеръ 72. Какъ только мы поровнялись съ № 8, окружавшая меня толпа, сдвинулась тѣснѣй и повернула налѣво. Дверь въ № 9 была открыта, и у нея стояли еще два—три жандарма, такъ что, когда я вошелъ въ камеру, то былъ окруженъ цѣлой дюжиной, если не болѣе, разнаго рода архаровцевъ. Капитанъ сказалъ мнѣ: „нужно раздѣться!“ Я снялъ шляпу и положилъ ея на столъ. Стоявшій рядомъ жандармъ подхватилъ ее, лишь только она коснулась стола, и передалъ другому, тотъ третьему, и не успѣлъ я глазомъ моргнуть, какъ моя шляпа очутилась внѣ камеры. Быстрота и отчетливость этого процесса поразили меня. Едва ли когда можно увидать на плацъ-парадѣ столь совершенное выполненіе ружейныхъ пріемовъ. Видно было, что люди набили себѣ руку и стали артистами своего ремесла, и что въ этомъ ремеслѣ выработались свои точно опредѣленные пріемы. Быстро при содѣйствіи полъ дюжины умѣлыхъ рукъ освободился я отъ разныхъ частей своего костюма, и еще быстрѣе исчезали они изъ моихъ глазъ. Наконецъ я остался въ чемъ мать родила. „Садись“, буркнулъ кто-то, и пара дюжихъ рукъ легли сзади на мои плечи. Я опустился на подставленный мнѣ стулъ; одинъ изъ унтеровъ сталъ перебирать гребенкой мои волосы, другой шарить подъ мышками, третій искалъ, не спрятано ли у меня что нибудь между пальцами ногъ, 4-ый полѣзъ ко мнѣ въ ротъ... До сихъ поръ я еще никогда не подвергался столь тщательному и столь безцеремонному обыску. Я даже не могъ себѣ представить, чтобы служебное рвеніе могло простираться такъ далеко, и никогда еще эта процедура не потрясала меня такъ сильно, не оскорбляла такъ глубоко, какъ въ настоящую минуту. Спасибо хоть за то, что меня такъ же быстро обыскали, какъ раздѣли, и затѣмъ вся орда хлынула къ выходу, оставивъ меня голаго среди камеры. Взглянувъ на койку, я увидалъ брошенный на ней истрепанный синій халатъ безъ подкладки и пару совершенно истоптанныхъ туфель. Больше ничего. Всунувъ ноги въ туфли и закутавшись въ халатъ, я оглянулся еще разъ кругомъ, но не замѣтилъ даже признаковъ какихъ-нибудь другихъ вещей. „Что это значитъ?“ спрашивалъ я самъ себя: „неужели

здѣсь всѣхъ держатъ въ такомъ костюмѣ?“ Но мое недоумѣніе продолжалось недолго. Дверь снова отворилась и вошелъ старикъ капитанъ съ присяжнымъ, державшимъ въ рукахъ цѣлую охапку какихъ-то тряпокъ, которыя онъ свалилъ въ кучу на койку. „Нужно раздѣться“, опять сказалъ мнѣ Домашневъ. Я снялъ халатъ и туфли, присяжный забралъ ихъ, и они оба повернулись было къ выходу. „Постойте, капитанъ“ остановилъ я его: „не можете ли вы распорядиться чтобы дали кипятку, чай и сахаръ у меня есть въ вещахъ“. „Теперь нельзя“, перебилъ онъ: „завтра все узнаете, все завтра. Здѣсь такой порядокъ, а вотъ ужинать дадутъ сейчасъ“. Съ этими словами онъ быстро вышелъ изъ камеры. Присяжный послѣдовалъ за нимъ и, крикнувъ мнѣ очень грубо: „лампы не тушить!“ захлопнулъ дверь.

Я остался одинъ нѣсколько озадаченный этимъ, и дрожа отъ холода сталъ разбирать брошенное на койку тряпье. Тутъ оказался полный костюмъ. Я взялъ сначало бѣлье и пришелъ въ ужасъ: это было нѣчто невыразимое. Оно казалось сшитымъ изъ такой дерюги, которая развѣ на мѣшки идетъ, да еще въ добавокъ ни разу не стирано и обнашивать его приходилось на собственномъ тѣлѣ. Такъ была жестка эта дерюга, и въ ней сидѣло такъ много щепокъ, что онѣ кололи мою ладонь, когда я провелъ ей по рубашкѣ. Но дѣлать было нечего, и пришлось надѣвать это бѣлье, которое все же защищало отъ холода. Навернувъ на ноги суконныя портянки, съ непривычки тоже очень раздражавшія ноги, я обулся въ громадные коты, подбитые гвоздями, мѣстами проходившими сквозь стельку и коловшими пятку, и мой туалетъ былъ оконченъ. Штаны мнѣ напоминали мексиканское кальцонеро, съ тою только разницей, что разрѣзъ былъ не съ внѣшней, а съ внутренней стороны, и я догадался, что онъ сдѣланъ для того, чтобы пропускать цѣпи ножныхъ кандаловъ. Такимъ образомъ для полной формы мнѣ только ихъ не хватало. Но и безъ этого украшенія я уже совсѣмъ утратилъ человѣческій видъ, и бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что я, бывшій минуту тому назадъ изящнымъ джентльменомъ въ черной парѣ, могъ бы съ несомнѣннымъ успѣхомъ играть роль вороньяго пугала въ огородѣ. Мнѣ было очень холодно

и въ ожиданіи обѣщаннаго ужина я сталъ ходить по камерѣ, чтобы согрѣться, но это оказалось весьма затруднительнымъ, такъ какъ меня стѣснялъ новый костюмъ, въ особенности штаны, которыя съ меня сваливались, и башмаки, гвозди которыхъ кололи мою ногу. Попробовалъ было ходить босикомъ, оказалось неудобно: полъ асфальтовый холодный. Наконецъ въ двери открылась форточка, и мнѣ подали деревянную ложку, кусокъ чернаго хлѣба и оловянную миску, наполненную какимъ-то хлебовомъ. Заглянулъ въ эту миску, и не могъ разобрать, что это такое. Усѣвшись за столъ, я поворотилъ ложкой и увидѣлъ, что это горячая вода, въ которой плаваетъ нѣсколько десятковъ горошинъ. Это блюдо показалось мнѣ болѣе оригинальнымъ, чѣмъ вкуснымъ. Но во первыхъ я былъ голоденъ, а во вторыхъ была горячая, и потому не мудрствуя лукаво я послѣдовалъ совѣту апостола Павла „предлагаемое ядите“. Выхлебавъ все до послѣдней ложки, я нѣсколько отогрѣлся и сталъ осматривать камеру, очень мнѣ не понравившуюся.

Она выглядѣла не жильемъ, а какимъ-то подваломъ, даже запущеннымъ подваломъ, и находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи со щеголеватымъ видомъ коридора. Въ ней было такъ сыро, что въ обоихъ углахъ у наружной стѣны не только виднѣлись большія пятна, поднимавшіяся съ полу на довольно значительную высоту, постепенно съуживаясь къ верху, но даже капли высочившейся воды, а на самомъ полу небольшая лужа. Съ окна, расположеннаго на высотѣ около трехъ аршинъ отъ пола, по откосу подоконника вода стекала крупными каплями, такъ что на утро внизу образовалось чуть не цѣлое море. Полъ былъ грязенъ и видимо давно не метенъ. Мебель состояла изъ четырехъ предметовъ, прикрѣпленныхъ неподвижно: слѣво отъ входа деревянное судно, въ которомъ стояло желѣзное ведро, справа рукомойникъ съ краномъ и желѣзной раковиной, отъ края до самаго пола шла деревянная обшивка, покрытая листовымъ желѣзомъ. Посреди камеры у лѣвой отъ входа стѣны находилась желѣзная кровать, прикрѣпленная ножками къ полу, а изголовьемъ къ стѣнѣ, и расположенная поперекъ камеры. Рядомъ съ изголовьемъ въ стѣну былъ вдѣланъ столъ изъ толстаго листового желѣза съ желѣзными же подпорками,

точно такого вида, какъ теперь у насъ въ Шлиссельбургѣ (но гораздо больше размѣромъ). Мой осмотръ былъ прерванъ присяжнымъ, который отворилъ форточку и спросилъ посуду. Я отдалъ ему ложку и миску и тутъ обратилъ вниманіе на то, что щель въ двери надъ форточкой, служащая для наблюденія за арестантомъ, не была задвинута заслонкой. Это довало мнѣ возможность въ свою очередь наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ коридорѣ. Но несмотря на незначительныя размѣры этой щели, она была въ палецъ толщиной и вершка въ три въ длину, черезъ нее можно было обозрѣвать все пространство, находящееся въ полѣ зрѣнія моего наблюдательнаго пункта. Послѣ я замѣтилъ, что это было не случайность, а общее правило, по крайней мѣрѣ щели всѣхъ камеръ, гдѣ были заключенные, оставались открытыми всю ночь до утра. Закрывали же ихъ только въ особыхъ случаяхъ на время, когда, напримѣръ, вечеромъ привозили новаго арестанта и т. п. Приложивъ глазъ къ стеклышку, я увидѣлъ часового, прохаживавшагося по коридору и двухъ присяжныхъ, распивающихъ чай за столомъ у окна, какъ разъ противъ моей двери. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ газету, другой, развалясь на стулѣ, курилъ папироску. Эта картина тотчасъ же напомнила, что послѣ ужина и мнѣ слѣдовало бы покурить. Но увы и ахъ! мои папиросы были унесены вмѣстѣ съ моимъ платьемъ, и по сему можно было заключить, что здѣсь о куреніи и думать нечего. Благодаря нервному напряженію и быстрой смѣнѣ разнаго рода сильныхъ ощущеній, которыя мнѣ пришлось испытывать въ послѣдніе дни, лишеніе табаку не такъ болѣзненно отозвалось на мнѣ, какъ можно было ожидать, и не только въ этотъ вечеръ, но и въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней. За то потомъ, когда возбужденіе нѣсколько улеглось, чувство неудовлетворенной потребности дало себя знать, и я испытывалъ страданія, понятныя только тому, кто самъ будучи курильщикомъ, бываетъ принужденъ оставаться безъ табаку. Все таки, чтобъ не дразнить себя этимъ зрѣлищемъ, я счелъ за лучшее отойти отъ двери и началъ прохаживаться по моему подвалу. Но опять мой костюмъ такъ меня затруднялъ при ходьбѣ, что я рѣшилъ лечь спать, тѣмъ болѣе, что началъ чувствовать усталость. Легъ я не раздѣваясь, потому что въ камерѣ было

очень холодно, а постель была накрыта только какой-то истасканной и дырявой тряпкой, представлявшей изъ себя лишь весьма отдаленный намекъ на одѣяло. Не знаю хорошенько, отчего, но я долго не могъ заснуть. Отчасти можетъ быть оттого, что было еще рано, отчасти оттого, что холодно, а болѣе всего отъ тревожныхъ мыслей и чувствъ, наполнявшихъ мою душу.

Это былъ первый день моей каторжной жизни. Я не успѣлъ не только испытать, но просто даже ознакомиться со всѣми ея прелестями, а ужъ и того, что видѣлъ, было вполнѣ достаточно, чтобъ чувствовать ужасъ при мысли о томъ, что меня впереди ждутъ годы, долгіе годы такихъ страданій и униженій, а въ заключеніе смерть. Такъ не выгоднѣе ли предупредить неизбѣжную развязку и избавиться отъ безплодныхъ страданій? Я слалъ тысячи проклятій человѣку, уничтожившему ядъ, данный ему для передачи мнѣ, а съ другой стороны возникали тѣ же самые вопросы, передъ которыми я уже столько разъ останавливался въ нерѣшительности. Имѣю ли я право такъ распорядиться своею жизнью? Принадлежитъ ли она только мнѣ одному? Нѣтъ ли тутъ съ моей стороны эгоизма и малодушія? Всякій, навѣрное, ставилъ себѣ въ подобныхъ условіяхъ эти вопросы, и я думаю, что отвѣтъ на нихъ неопредѣленное рѣшеніе даютъ не логическія построенія, не данныя ума, а данныя чувства, и все тутъ зависитъ отъ интенсивности того или другого душевнаго настроенія, которое и опредѣляетъ дальнѣйшіе по ступки человѣка. Много лѣзло мнѣ въ голову всякой всячины, и часто я ворочался съ боку на бокъ. Наконецъ, утомленіе взяло свое: голова отяжелѣла, глаза стали слипаться, мысли начали путаться, и я заснулъ вскорѣ послѣ того, какъ часы пробили полночь.

III.

Когда я проснулся, было еще совершенно темно, но изъ коридора доносился уже топотъ шаговъ и хлопанье дверей. Щель надъ форточкой была задвинута заслонкой. Я догадался, что утренній обходъ тюрьмы начался, и дѣйствительно скоро очередь дошла до меня. Въ замкѣ тихо щел

кнулъ ключъ, дверь распахнулась и въ камеру вошла цѣлая толпа. Одинъ взялъ со стола лампу, другой перемѣнилъ ведро, третій сталъ наскоро подметать шваброй полъ, четвертый еще что-то дѣлалъ пятый такъ себѣ глядѣлъ и мигомъ все было окончено. Я всталъ съ постели и пошелъ къ умывальнику. Присяжный сунулъ мнѣ полотенце. „А гдѣ же мыло?“ спросилъ я его. Онъ только махнулъ отрицательно головой въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Такой роскоши нашему брату не полагается“ подумалъ я: нечего дѣлать, обойдемся и безъ мыла. Такъ мнѣ пришлось умываться, безъ мыла вплоть до перевода въ Шлиссельбургъ, т. е. годъ и десять мѣсяцевъ. Умылся я, отерся полотенцемъ и взглянулъ на столъ, ожидая увидѣть поставленный тамъ чай. Но увы, тамъ лежалъ лишь ломоть чернаго хлѣба. У меня промелькнуло въ головѣ, что чай здѣсь, пожалуй, не даютъ, и это подозрѣніе перешло въ твердую увѣренность, когда присяжный освѣдомился желаю ли я кипятку. „Пожалуй, дайте,“ сказалъ я, нѣсколько удивленный такимъ предложеніемъ. Минуты черезъ 2—3 форточка отворилась, и мнѣ подали жестяную кружку съ водой, только не горячей, а теплой, какой добрые люди полощатъ себѣ ротъ послѣ обѣда. Машинально я сдѣлалъ глотокъ другой, потомъ стало противно и я, выплеснувъ воду въ раковину, сталъ завтракать чернымъ хлѣбомъ. Только что я поѣлъ, форточка снова отворилась: оказалось, что полотенце въ камерѣ держать нельзя. Отдалъ я имъ полотенце и подивился такой заботливости начальства, такъ какъ такая мѣра была очевидно вызвана опасеніемъ, что заключенный можетъ повѣситься на полотенцѣ. Окончивъ свой скромный завтракъ, я окинулъ взоромъ все окружающее, и камера показалась мнѣ не презентабельнѣе, чѣмъ вчера. Порадовало меня только то, что стекла въ окнѣ были не матовыя, но и эта радость вскорѣ оказалась преждевременной, такъ какъ свѣту проникало черезъ нихъ все же очень мало. Передъ окнами тюрьмы возвышается крѣпостная стѣна, совершенно заслоняющая солнце и потому въ камерахъ, особенно въ нижнихъ этажахъ, и особенно въ это время года, царилъ постоянный полумракъ. Часамъ къ восьми въ тюрьмѣ началось сильное движеніе, по лѣстницѣ и коридору постоянно раздавался то-
отъ шаговъ, слышалось хлопанье дверей и звяканье шпоръ.

Я сейчасъ же понялъ, что это водятъ на прогулку и сталъ ждать своей очереди. Однако на прогулку меня не взяли, и за все время своего пребыванія въ Трубецкомъ бастіонѣ я не выходилъ изъ казармы.

Часовъ около девяти ко мнѣ пришелъ маіоръ, плотный господинъ съ русой съ просѣдью бородой, какъ я узналъ послѣ—Лѣсникъ *). „Всякій, поступающій сюда, долженъ ознакомиться съ правилами, а послѣ передать унтеръ-офицеру," сказалъ онъ, подавая мнѣ листъ бумаги и глядя не на меня, а куда то вбокъ, и быстро вышелъ. Я сталъ читать эти знаменитыя правила. Они гласили, что ссыльно-каторжные, временно оставленные въ Трубецкомъ бастіонѣ**), содержатся на основаніи тѣхъ же узаконеній, которыя примѣняются къ каторжнымъ, содержащимся въ центральныхъ тюрьмахъ, т. е. въ одиночномъ заключеніи и получаютъ такое же довольствіе; какое именно не сказано,—но зато замѣчательно подробно было изложено все относящееся до одежды заключенныхъ, а далѣе, за перечисленіемъ выдающихся арестанту котловъ и портянокъ, нѣчто вродѣ „заповѣдей господнихъ:" рядъ параграфовъ отрицательнаго характера, гдѣ перечислялось, что заключеннымъ воспрещается, и рядъ параграфовъ положительнаго характера, въ которыхъ говорится о наказаніяхъ налагаемыхъ на заключенныхъ въ случаѣ нарушенія ими тюремнаго установленія. Запрещалось все: свиданія, переписки, чтеніе книгъ, куреніе табаку, расходованіе собственныхъ денегъ, а наказаніе отъ наложенія кандаловъ и карцера послѣдовательно доходили до 500 розогъ и 4000-шпицрутеновъ. Я былъ изумленъ проявленіемъ дикой и мелочной злобы, до которой унижаются наши всесильные мучители, и нѣсколько разъ перечитывалъ параграфъ за параграфомъ—этотъ перлъ бюрократической сви-

*) Тогда эта тюрьма, подчиненная комендантскому управленію крѣпости, была въ вѣдѣніи высшихъ властей, поэтому и смотритель былъ не жандармъ, а армейскій офицеръ. Присяжные были изъ отставныхъ гвардейскихъ унтеровъ.

**) Рѣчь шла о мужчинахъ. Но въ это время въ Трубецкомъ сидѣли на каторжномъ положеніи и двѣ женщины: *Лебедева* и *Якимова*, приговоренныя 9 февраля 82 года по дѣлу двадцати народовольцевъ (*Сухановъ, Фроленко, Тригони, Морозовъ* и другіе) къ повѣшенію. Казнь была замѣнена имъ безсрочной каторгой. Интересно бы знать, показывали ли и имъ эту бумагу?

рѣпости, думая при этомъ, что при такихъ условіяхъ отбирать у заключенныхъ полотенце—вещь, дѣствительно, не лишняя, такъ какъ по прочтеніи этихъ правилъ у каждаго явится мысль поискать, нѣтъ ли гдѣ въ стѣнѣ гвоздика, куда можно бы приладить петлю. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, я долженъ упомянуть объ одномъ параграфѣ, который милостиво разрѣшалъ выводить заключенныхъ на прогулку подъ надлежащимъ карауломъ, при непремѣнномъ условіи соблюденія строгой одиночности заключенія и невозможности сношеній съ другими арестантами.

Размышленія мои были прерваны присяжнымъ, который потребовалъ правила обратно. Я отдалъ ихъ ему и легъ на кровать, прислушиваясь къ топоту шаговъ на лѣстницѣ, не прерывающемуся вплоть до обѣда, и погрузился въ раздумье о всемъ ужасѣ того положенія, въ которомъ я очутился. Я могъ бы примириться съ какими угодно строгостями и лишеніями, но грубое обращеніе было для меня невыносимо. Уже одно „ты“ у меня всю душу перевертывало, а тутъ еще въ перспективѣ розги, шпицрутены.... Да, у меня мурашки забѣгали по кожѣ, когда вчера жандармы стали тащить съ меня платье.... Что же будетъ со мной, если меня начнутъ бить? Что, если когда-нибудь бурбонъ задумаетъ мнѣ показать всю тяжесть начальственнаго гнѣва и примѣнить ко мнѣ параграфъ о поркѣ? Вѣдь отъ одной мысли объ этомъ можно сойти съ ума, а кто знаетъ, что исторіи вродѣ Боголюбовской не повторятся въ этихъ стѣнахъ, гдѣ жандармы царятъ безконтрольно, и откуда сору выносить некому. Я долженъ откровенно сознаться, что меня охватилъ паническій ужасъ при мысли о тѣлесномъ наказаніи, и я да же началъ соображать, какимъ способомъ при этомъ условіи можно лишить себя жизни, если будетъ грозить поруганіе. Но скоро волненіе начало улегаться и я сталъ спокойнѣе разсуждать объ этомъ: вѣдь не завтра же меня погонятъ сквозь строй, такъ чего же раньше времени терзаться и мучиться воображаемыми ужасами? да при томъ эти шпицрутены, вѣроятно, одна угроза, которой у начальства не хватитъ смѣлости привести въ исполненіе, такъ какъ это было бы черезчуръ крупнымъ скандаломъ, для самихъ властей невыгоднымъ. Правительство помнитъ исторію съ *Боголюбовымъ* и послѣдовавшій за нею выстрѣлъ *Засулич*. Оно убѣди-

лось тогда, какъ дорого стоитъ такое удовольствіе. Послѣ дѣла Засуличъ появился секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ предписывалось отнюдь не примѣнять тѣлеснаго наказанія къ политическимъ арестантамъ. И дѣйствительно, его никогда, пока я былъ на волѣ, не примѣняли, хотя и были случаи даже судебнаго приговора къ тѣлесному наказанію. Но, напримѣръ, никто изъ восьми каторжанъ *(Волошенко* и др.*)*, бѣжавшихъ на пути въ Карійскую тюрьму изъ Иркутскаго острога и пойманныхъ, не былъ поротъ, хотя ихъ и приговорили къ плетямъ. И это былъ не единственный случай. Наконецъ, и въ другихъ отношеніяхъ мое положеніе ничего ужаснаго не представляетъ: я оставленъ, согласно этимъ правиламъ, „временно", значитъ до весны, до отправленія въ Сибирь, и съ моей стороны было бы очень большимъ малодушіемъ, еслибы не хватило твердости перенести нѣсколько мѣсяцевъ одиночнаго заключенія, правда, при очень суровыхъ условіяхъ, но все же при такихъ, которыя выносятъ другіе люди. Эти соображенія ободрили меня, и въ особенности успокаивало то обстоятельство, что теперь мое положеніе выяснилось, я ознакомился съ условіями, въ которыя я поставленъ волею начальства, и доволенъ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ ужъ ничего худшаго меня не ждетъ; и въ эту минуту я готовъ былъ сказать вмѣстѣ съ Ларошфуко, что знать въ какой мѣрѣ намъ суждено быть несчастнымъ, составляетъ извѣстный видъ счастья. Нельзя было не подумать, какъ все на свѣтѣ условно и относительно; можетъ ли кто нибудь себѣ представить, что человѣкъ почувствуетъ себя счастливымъ, когда узнаетъ, что ему могутъ всыпать четыре тысячи палокъ? Между тѣмъ со мной было почти такъ.

Постоянно раздававшійся на лѣстницѣ топотъ напомнилъ, что я не одинъ здѣсь сижу. Я началъ прислушиваться и скоро сталъ различать, то легкую женскую поступь, то твердые и крупные мужскіе шаги. Попробовалъ было я считать, чтобы составить понятіе о числѣ заключенныхъ, но скоро спутался. Одно было несомнѣнно, что прогулки длятся какихъ-нибудь десять минутъ, и что здѣсь сидитъ много народу. Сидитъ теперь, а сколько сидѣло прежде? Сколько взоровъ поднималось къ этому запыленному своду, то съ отчаяніемъ и тоской, то съ надеждой, то съ экзальтирован-

нымъ восторгомъ фанатика, умиленнаго мыслію о томъ, что ему выпало счастье и честь доказать своими страданіями преданность одушевлявшей его идеи и украситься мученическимъ вѣнцомъ, которымъ, по его давнему убѣжденію, непремѣнно должна завершиться самоотверженная жизнь борца за народное дѣло. Сколько разъ взоръ заключеннаго блуждалъ по этимъ угрюмымъ стѣнамъ и старался нарисовать себѣ картину далекаго прошлаго: дѣтство, ласки матери, родной домъ, зелень луговъ со сверкающими на ней каплями росы, яркія краски цвѣтовъ и серебристую поверхность знакомой рѣки! Милые образы любимыхъ людей витаютъ передъ его отуманеннымъ взоромъ. Они привѣтливо улыбаются ему, они шепчутъ ему слова утѣшенія... но за дверью звякнула шпора, и очарованье мгновенно разлетается. Передъ нимъ тѣ же голыя стѣны, онъ опять одинъ, отрѣзанный отъ всего дорогого, истомленный долгой неволей, долгимъ одиночествомъ. Сколько разъ загорался здѣсь погухающій взглядъ огнемъ негодованія! Сколько разъ шептались здѣсь горькіе укоры слугамъ деспотизма, считающимъ возможнымъ остановить ходъ развитія человѣческой мысли и заковать ее въ цѣпи такъ же легко, какъ они заковываютъ апостоловъ истины и справедливости! Сколько разъ здѣсь раздавались жгучія проклятья, и сколько разъ выступали на глазахъ юнаго идеалиста слезы всепрощенія врагамъ! Сколько здѣсь загублено молодыхъ силъ, сколько жизней разбито, сколько семей носитъ трауръ по замученнымъ здѣсь дѣтямъ, сколько дѣтей оплакиваетъ мучениковъ-отцовъ! Годы шли за годами, смѣнялись цѣлыя поколѣнія, смѣнялись потоки мыслей и чувствъ, одушевлявшихъ общество, смѣнялись жертвы, смѣнялись палачи, а Петропавловская крѣпость стоитъ неизмѣнно — все та же угрюмая, все та же зловѣщая, все такъ же готовая принять въ свои казематы жертвы людского произвола и невѣжества.

Какая страшная картина получилась бы, если бы можно было собрать во-едино всѣ ужасы, совершившіеся въ этой русской бастиліи, съ первыхъ же дней ея существованія и до нашихъ дней!

Что, если-бъ встали изъ могилъ всѣ эти казаки и раскольники, жертвы дворцовыхъ переворотовъ и дворцовой злобы, мартинисты и польскіе патріоты, декабристы и со-

ціалисты - революціонеры! Сколько грандіозныхъ плановъ сколько разбитыхъ надеждъ, сколько свѣтлыхъ надеждъ мыслей и чувствъ было схоронено въ стѣнахъ разныхъ бастіоновъ, куртинъ и равелиновъ этой крѣпости!

Наступило время обѣда, а я такъ замечтался, что даже не замѣтилъ, какъ открыли форточку, и встрепенулся лишь когда присяжный крикнулъ мнѣ, чтобы я бралъ обѣдъ. Я подошелъ къ двери, и мнѣ дали миску помоевъ, въ которыхъ, по солдатской поговоркѣ, крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой, и немного гречневой каши-размазни. Тѣ, кто не сидѣлъ въ Трубецкомъ бастіонѣ въ то злополучное время (82—83 г.г.), не имѣетъ понятія о томъ, какой мерзостью кормили тамъ, и не только каторжныхъ, но и слѣдственныхъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: супа или щей и гречневой размазни. По средамъ и пятницамъ вмѣсто супа давали горохъ, а на второе — кашу съ постнымъ масломъ.

Масло, даже постное, отпускалось микроскопическими порціями. Мяса полагалось, какъ я узналъ послѣ, двѣнадцать золотниковъ, но въ дѣйствительности давали гораздо меньше. Даже чернаго хлѣба, и того давали мало! Я не могу теперь сказать сколько именно, но помню только одно, что никогда имъ не могъ наѣсться до-сыта, за исключеніемъ тѣхъ двухъ-трехъ вечеровъ, когда на дежурствѣ бывали менѣе другихъ звѣроподобные, отдававшіе мнѣ при раздачѣ ужина, котораго большинство слѣдственныхъ не брало, оставшійся у нихъ неразобраннымъ черный хлѣбъ. А самый ужинъ состоялъ изъ остатковъ супа, бывшаго за обѣдомъ, обильно разбавленныхъ кипяткомъ. На все это я обратилъ вниманіе впослѣдствіи, но въ тотъ день я былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не до ѣды мнѣ было и потому, на-скоро проглотивъ нѣсколько ложекъ, я снова отдался теченію нахлынувшихъ на меня мыслей.

Въ моемъ воображеніи поднимались картины, одна мрачнѣе другой, и временами становилось просто жутко. Нервная система была глубоко потрясена всѣмъ, что мнѣ пришлось испытать, и я долго не могъ придти въ себя. Порою мнѣ приходило въ голову даже сомнѣніе въ дѣйствительности всего окружающаго. Мнѣ думалось, что я просто вижу тяжелый сонъ, и я щипалъ себѣ руки, чтобы убѣдиться, что я не сплю,

не брежу, не вижу галлюцинацій... Дѣйствительно переходъ былъ очень рѣзокъ. Я такъ недавно былъ еще на волѣ, былъ господиномъ своихъ словъ и поступковъ, ничѣмъ не связанъ, ни отъ кого не зависимъ, и вдругъ оказывается, что „у сокола крылья связаны и пути всѣ ему заказаны“... Въ два мѣсяца я прошелъ весь этотъ путь (арестованъ 16 авг., осужденъ 28 сент., смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой 11 окт., объявлено пбмилованіе 19 окт.), на который другіе употребляютъ два-три года.

Да притомъ условія, въ которыхъ я содержался до сихъ поръ, и деликатное отношеніе къ моей личности было въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что окружило меня теперь. И какъ все это внезапно совершилось! Внезапно пришлось мнѣ взяться за это злополучное освобожденіе, внезапно попасть въ тюрьму, внезапно быть предану полевому суду и еще внезапнѣе очутиться въ Петропавловской крѣпости. А что если не все еще кончено, и меня ждетъ еще какая нибудь новая внезапность? Это меня нѣсколько смущало. Но я думалъ, что если-бъ меня не хотѣли отправить въ Сибирь, а посадить въ централку, то это сдѣлали бы прямо, не завозя въ Петербургъ, а возможности чего-нибудь другого мнѣ пока и въ голову не приходило. Все время послѣ обѣда, почти до самаго вечера, я просидѣлъ на постели, погруженный въ эти думы. Наконецъ, когда уже стало смеркаться, часа въ три я рѣшилъ, что нужно чѣмъ-нибудь развлечься,а то, пожалуй, умъ за разумъ зайдетъ, если все витать въ области мечты и фантазіи. Попробовалъ было я постучать, но оказалось, что я совершенно отрѣзанъ отъ другихъ товарищей по заключенію, а надъ головой, хотя, кажется, и есть кто-то, но онъ или не слышитъ или не хочетъ мнѣ отвѣчать. Пришлось заняться ходьбой изъ угла въ уголъ, чѣмъ я добросовѣстно вплоть до самаго ужина и занялся, всего только разъ остановившись въ недоумѣніи, когда опять, во время раздачи чаю, дали кружку горячей воды, съ которой я не зналъ, что дѣлать. Но припомнивъ, что теплую воду пьютъ, когда хотятъ вызвать рвоту, я рѣшилъ, что самое лучшее будетъ вылить ее въ раковину. Присяжные подчивали меня такимъ образомъ еще дня два, потомъ стали дѣлать это не такъ аккуратно, а потомъ и вовсе перестали.

За ужиномъ мнѣ дали тѣхъ же помоевъ, что и за обѣдомъ, вдобавокъ на-половину разведенныхъ кипяткомъ. Хотя я былъ голоденъ, все-же сначала было противно ѣсть такую гадость. Но съ чѣмъ въ концѣ концовъ не примирится человѣкъ? Опытъ и наблюденіе послѣдующихъ лѣтъ привели меня къ выводамъ, совершенно не вѣроятнымъ для свѣжаго человѣка. Но въ настоящій моментъ я еще не былъ въ состояніи примириться съ очень многимъ изъ того, что меня окружало, а прежде всего—съ невозможностью дать о себѣ вѣсточку на волю. — „Все, все, только не это", твердилъ я себѣ. Все готовъ я вынести, отъ всего отказаться, но быть лишеннымъ возможности обмѣняться съ дорогими людьми хотя нѣсколькими строками—просто невыносимо. Это имѣло значеніе главнымъ образомъ не для меня лично, а для нихъ. Я страшно мучился при мысли о тѣхъ терзаніяхъ, какія долженъ быть теперь испытывать мой отецъ, любившій меня до безумія, только и жившій мыслію обо мнѣ. Моя гибель, конечно, тяжелый ударъ для С., но вѣдь у нея цѣлая жизнь впереди, она такъ молода, у ней большой запасъ и душевной бодрости и физическихъ силъ, она черезъ-чуръ живая и впечатлительная натура, чтобы на вѣкъ отдаться личному горю. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ, а живыхъ ждетъ другое дѣло! Я еще до суда убѣждалъ С. бросить всякія хлопоты о свободѣ, такъ какъ предчувствовалъ во 1-хъ, что власти будутъ водить до рѣшительной минуты, а затѣмъ откажутъ; во 2-хъ, потому, что считалъ недобросовѣстнымъ допустить, чтобы она, такая молодая и живая, заживо себя схоронила ради облегченія моей участи. Я вспомнилъ, что не разъ доказывалъ ей, что это вздоръ, что я буду чувствовать себя еще тяжелѣй, если она будетъ со мной, и какъ горячо она мнѣ возражала и на свиданіяхъ, и въ письмахъ, во чтобы то ни стало желая поставить на своемъ. Теперь затруднительный для меня вопросъ начальство разрѣшило самымъ простымъ и радикальнымъ образомъ, засадивъ меня въ крѣпость, а ее взявъ и выславъ въ какія-нибудь „мѣста не столь отдаленныя", чтобы она не мозолила глаза и не натворила бы какихъ-нибудь хлопотъ: вѣдь подобные примѣры бывали! Я очень порицалъ себя за то, что не остановилъ С., когда она собралась ѣхать ко мнѣ изъ Петербурга, не убѣдилъ ее отказаться отъ оффиціальной переписки и хлопотъ

о свиданіи. Тогда мнѣ, само собой разумѣется, было не до такихъ соображеній. Я былъ такъ душевно разбитъ, и мнѣ было такъ дорого всякое слово привѣта и ласки, что читая ея милыя письма, совершенно забывалъ о томъ, что она компроментируетъ себя обнаруженіемъ близости къ такому тяжкому преступнику, и это можетъ отразиться на ея будущемъ. Теперь я страшно упрекалъ себя за эгоизмъ, за непредусмотрительность, но что подѣлаешь? Здѣсь, какъ всегда и во всемъ сказывается универсальная истина, что человѣкъ крѣпокъ однимъ заднимъ умомъ.

На другой день я уже началъ понемногу осваиваться со своимъ положеніемъ. Но мнѣ пришлось испытать еще одно поруганіе, заставившее болѣзненно задрожать всѣ фибры моего существа.

Незадолго передъ обѣдомъ пришелъ ко мнѣ Лѣсникъ и, буркнувъ угрюмо: „пожалуйте“, перевелъ меня во второй этажъ въ другой номеръ (55-й), расположенный точно также въ углу, какъ и оставленный мною внизу номеръ девятый и во всемъ на него похожій, за исключеніемъ того, что тамъ было нѣсколько суше и свѣтлѣй. Тамъ можно было читать только вечеромъ при лампѣ, здѣсь же часовъ съ одинадцати до часу и даже далѣе, и потому не казалось, какъ прежде, что я сижу на днѣ темнаго и сырого колодца. Чѣмъ былъ вызванъ мой переводъ не знаю. Должно быть тѣмъ, что въ номерѣ сорокъ шестомъ кто-то сидѣлъ, и начальство нашло нужнымъ разсадить насъ во избѣжаніе перестукиванья. Внизу, подъ номеромъ пятьдесятъ пятымъ находился номеръ восемнадцатый, единственный, съ которымъ я могъ бы стучать, но онъ оставался не занятымъ въ теченіе всего времени, проведеннаго мною въ Трубецкомъ.

Ознакомиться съ моей новой квартирой было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и такъ какъ у меня нечѣмъ было наполнить время, то послѣ обѣда я рѣшилъ лечь спать. Вѣроятно я проспалъ бы довольно долго, потому что нервы были сильно утомлены всѣми передрягами послѣднихъ дней, а ночью спалъ мало. Но мой сонъ былъ прерванъ вошедшей толпой унтеровъ, присяжныхъ и жандармовъ. У перваго въ рукахъ былъ стулъ, у другого что-то бѣлое, точно полотенце. Я взглянулъ въ недоумѣніи на подошедшаго къ моей кровати присяжнаго. — „Нужно постричься“ сказалъ

онъ мнѣ. Я полусонный машинально всталъ и подошелъ къ стулу. „Постричься“, мелькнуло у меня въ головѣ. „Да что же это значитъ? Вѣдь я объ этомъ не просилъ. Или тутъ такіе порядки на счетъ стрижки, какъ было въ бурсахъ добраго стараго времени относительно субботней порки, для всѣхъ обязательной“. Я опустился на стулъ, жандармъ больно обвязалъ мою шею салфеткой, а толпа, окружавшая меня, придвинулась ближе, совсѣмъ вплотную, какъ бы готовясь схватить меня, въ случаѣ сопротивленія. „Ужъ не брить ли меня хотятъ?“ подумалъ я, и въ то же время почувствовалъ, что къ моей кожѣ прикоснулось холодное желѣзо ножницъ. Онѣ щелкнули, и прядь волосъ упала ко мнѣ на колѣни. Я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ: сразу было замѣтно, что стригутъ наголо. Значитъ я еще не испилъ всей чаши униженій, какія мнѣ послала судьба. Снова жгучая боль оскорбленнаго человѣческаго достоинства охватила мою душу, снова по спинѣ забѣгали мурашки, и горло свело нервной судорогой. Я закрылъ глаза, чтобы по крайней мѣрѣ не видѣть тупыхъ жандармскихъ физіономій, глядѣвшихъ на меня съ выраженіемъ злобнаго торжества. О чемъ я тогда думалъ? Право, не могу сказать. Въ головѣ пробѣгали, какъ пробѣгаютъ въ глазахъ узоры колейдоскопа, обрывки разныхъ мыслей, образовъ, хаотически мѣшавшихся другъ съ другомъ, и надъ всѣмъ этимъ царило одно страстное желаніе, одинъ порывъ, выходившій изъ самой глубины сердца,— желаніе, чтобы это надругательство окончилось, какъ можно скорѣй. „Скорѣй, скорѣй! Боже, какъ это долго тянется!“ Вотъ что ежеминутно твердилъ я про себя, хотя унтеръ стригшій меня, былъ, видимо, человѣкъ привычный, и ножницы ходили у него въ рукахъ съ замѣчательной быстротой, и пряди моихъ волосъ такъ и сыпались подъ ловкими ударами синемундирнаго парикмахера. — „Готово“, наконецъ замѣтилъ кто то вполголоса. Унтеръ остановился на мгновеніе, стригнулъ еще разъ-другой и отошелъ въ сторону, любуясь своимъ произведеніемъ. Одинъ изъ присяжныхъ снялъ съ моей шеи салфетку, но я продолжалъ еще сидѣть, ожидая, что сейчасъ же начнутъ брить, пока кто-то сзади не потянулъ изъ подъ меня стулъ. Тогда я всталъ: очевидно все кончено, и брить меня не будутъ. Унтера быстро подмели шваброй валяющіеся на полу волосы и удалились. Пер-

вымъ впечатлѣніемъ, когда я поднялся со стула и пошелъ, было рѣзкое ощущеніе холода Точно будто на голову мнѣ пахнуло сквознымъ вѣтромъ. Я инстинктивно поднялъ руку, и она накололась на короткую и жесткую колючку, которой теперь была покрыта моя голова. Проведя по ней нѣсколько разъ рукой, я убѣдился, что меня такъ артистически оболванили, что бритва, пожалуй, была бы тутъ лишняя. Первое время я очень тяготился тѣмъ непріятнымъ ощущеніемъ, которое вызывалось прикосновеніемъ воздуха къ голой кожѣ, привыкшей быть постоянно подъ теплымъ покрываломъ густыхъ волосъ. Особенно непріятно было при ходьбѣ. Но черезъ нѣсколько дней чувствительность притупилась, и я привыкъ къ своей новой куафюрѣ. Понятно, что послѣ этой стрижки у меня прошла всякая сонливость, и я весь остатокъ дня пробѣгалъ изъ угла въ уголъ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Эта бѣготня являлась у меня всегда въ тюрьмѣ, какъ выраженіе сильнаго душевнаго возбужденія, которое искало себѣ выхода и успокоенія въ напряженной дѣятельности мускуловъ. Зачастую я ходилъ до полнаго изнеможенія, иногда часовъ пять и даже болѣе кряду, пока, наконецъ, ноги не начинали подкашиваться. Тогда я падалъ въ изнеможеніи на койку и лежалъ пластомъ, какъ убитый.

Вечеромъ мнѣ дали Новый Завѣтъ и отобранный у меня при обыскѣ крестикъ. Онъ былъ мнѣ очень дорогъ, какъ воспоминаніе о сестрѣ Сашѣ и Екатеринѣ Александровнѣ, которыя нарочно ѣздили сами покупать его и прислали его мнѣ послѣ суда. Жаль было только одно, что не возвратили шнурочка, на которомъ этотъ крестикъ былъ повѣшенъ. Этотъ шнурочекъ подарила мнѣ на память М. И., которую я всегда считалъ однимъ изъ самыхъ хорошихъ, чистыхъ, искреннихъ людей, какихъ я только зналъ въ своей жизни. Никогда я не забуду того дружескаго расположенія, съ какимъ она всегда ко мнѣ относилась, и того ряда услугъ, которыя она постоянно мнѣ оказывала въ самыя тяжелыя времена и личной моей жизни, и моей общественной „дѣятельности“, если только этимъ громкимъ именемъ можно назвать ту суетню, на которую я былъ обреченъ послѣдніе два-три мѣсяца моей жизни на волѣ, суетню совершенно меня истомившую и физически и нравственно, и которую тѣмъ не менѣе не было никакой возможности свалить съ плечъ.

Тяжелыя минуты приходилось переживать тогда, и тѣмъ пріятнѣе было вспомнить тѣхъ, въ обществѣ которыхъ я могъ отдыхать душой отъ всѣхъ своихъ треволненій и невзгодъ. Неудивительно потому, что въ тотъ вечеръ я былъ такъ растроганъ воспоминаніями, что готовъ былъ простить М. И. то, съ чѣмъ прежде не могъ примириться: ея страсть къ мазуркѣ и конфектамъ.

Съ этихъ поръ, вплоть до моего перевода въ Алексѣевскій равелинъ, со мной болѣе не случилось ничего особеннаго, и жизнь шла изо дня въ день по однообразному шаблону: тихо, безцвѣтно и монотонно. Развлеченіемъ служили мнѣ лишь вечернія наблюденія за тѣмъ, что присходило въ коридорѣ, да чтеніе Новаго Завѣта, единственной книги, которая была въ моемъ распоряженіи. И то и другое было возможно только послѣ того, какъ мнѣ дадутъ лампу, потому что щель была закрыта, а читать, благодаря почти постоянному полумраку, было затруднительно. Остальное время съ утра и часовъ до четырехъ проходило у меня въ усиленной маршировкѣ изъ угла въ уголъ, при чемъ она какъ-то сама собой приводилась въ полное соотвѣтствіе съ моимъ душевнымъ состояніемъ. Когда я спокойно что-либо обдумывалъ, или вспоминалъ, я ходилъ мѣрнымъ шагомъ, средней величины, но чѣмъ болѣе я увлекался какой-нибудь мыслью или образомъ, тѣмъ походка становилась быстрѣе, шаги дѣлались крупнѣе, и, наконецъ, когда меня охватывало сильное чувство, я начиналъ метаться изъ угла въ уголъ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ, Впослѣдствіи въ Алексѣевскомъ равелинѣ мой сосѣдъ Колодкевичъ такъ освоился съ этой ходьбой, что по ней могъ безошибочно опредѣлять мое настроеніе. И не разъ бывало, что когда бѣготня достигала своего максимума, онъ начиналъ колотить въ стѣну своимъ костылемъ и затѣмъ обращался ко мнѣ съ увѣщаніями успокоиться и не уподобляться „дикому звѣрю“. Это вызывало у меня невольную улыбку, я останавливался и начиналъ съ нимъ бесѣду и дѣйствительно успокаивался. Но теперь меня некому было сдерживать, и я останавливался лишь доходя до полнаго изнеможенія, когда ноги ужъ подкашивались. Можетъ быть многіе усумняться, но я положительно убѣжденъ, что образовавшаяся у меня привычка тотчасъ же переводить сильныя душевныя движенія въ механическую

работу мускуловъ—спасла меня отъ окончательнаго помѣшательства, и главнымъ образомъ этой ходьбѣ я обязанъ тѣмъ, что развившаяся у меня въ тюрьмѣ душевная болѣзнь въ концѣ концовъ благополучно миновала, несмотря на тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя я былъ поставленъ. Нужно замѣтить, что эта привычка сложилась совершенно безсознательно, и соображенія о цѣлебныхъ свойствахъ ея у меня явились уже послѣ, нѣсколько лѣтъ спустя.

Кромѣ ходьбы, мое послѣобѣденное время наполнялось и сномъ; но какъ я ни старался спать, какъ можно больше, все же свободнаго времени оставалось очень и очень много, и при однообразіи обстановки и отсутствіи всякаго рода свѣжихъ впечатлѣній, вся работа мысли уходила внутрь себя, въ глубину души, въ глубину воспоминаній, и въ эти первые дни все вертѣлось около моего злополучнаго предпріятія и его печальнаго конца. Я порою даже старался отгонять отъ себя такія мысли, но это оказывалось положительно невозможнымъ. Онѣ сами лѣзли въ голову, и такъ настойчиво, такъ упорно, что ихъ нельзя было выгнать оттуда никакими усиліями. Мнѣ замѣчательно ясно и съ мелочными деталями представлялись всѣ обстоятельства нашего дѣла. Все было такъ легко, такъ просто, что казалось невѣроятнымъ, чтобы оно могло окончиться неуспѣхомъ, а межъ тѣмъ вышло именно такъ. Когда я взвѣшивалъ все случившееся, то мнѣ чудилось, что надъ этимъ событіемъ тяготѣлъ какой-то фатумъ, роковымъ образомъ обставлявшій и осложнявшій самыя благопріятныя условія, такъ что они даже должны были неминуемо привести всѣхъ насъ къ гибели, и толкавшій къ ней меня съ неудержимой силой.

Образы этого событія преслѣдовали меня и днемъ, и ночью. Я ихъ видѣлъ не только во снѣ, но и на яву,—говорю это безъ преувеличеній, ибо мнѣ стоило лишь закрыть глаза, чтобы предо мной ожила съ фотографической точностью какая нибудь памятная сцена. Помню, какъ однажды передо мною встала картина освобожденія *Новицкаго* такъ живо, что мнѣ послышался голосъ убитаго мною надзирателя, когда онъ, получивши въ грудь вторую пулю, повалился на мостовую съ крикомъ: „ой, убили!“ Порою я боялся за свой разсудокъ, особенно когда черезъ нѣсколько дней къ этому присоединились галлюцинаціи слуха, отъ которыхъ я не

могъ избавиться нѣсколько лѣтъ (7—8 лѣтъ). Но нужно сказать, что за исключеніемъ перваго времени, онѣ появлялись у меня лишь изрѣдка, и не очень меня ужъ безпокоили. Я относился къ нимъ вполнѣ объективно, и дѣлалъ тогда на себѣ разныя наблюденія и опыты. Замѣчательно, что галлюцинаціи разыгрывались всего сильнѣе, когда я лежалъ на спинѣ, изголовье было низко, такъ что кровь приливала къ затылку и взглядъ былъ устремленъ въ одну точку. По большей части достаточно было повернуться на бокъ, чтобы притти въ себя. Когда же галлюцинаціи начинались во время моей ходьбы тогда, чтобы положить имъ конецъ нужно было остановиться. Правда, случалось иногда, что всѣ мои старанія долго бывали тщетными, и несмотря на все, что я ни дѣлалъ, въ ушахъ продолжали раздаваться, то звуки музыки, то говоръ, то мѣрный гулъ, марширующаго по мостовой батальона, или что-нибудь подобное. Тогда приходилось прибѣгать къ обливанію головы холодной водой,и это всегда оказывало самое благопріятное дѣйствіе.

Въ эти тяжелые дни, которыми началась моя новая жизнь, мнѣ служила большой поддержкой та мысль, что я недолго буду замурованъ въ стѣнахъ, что впереди у меня есть надежда выйти на свѣтъ Божій, что на мнѣ лежатъ обязанности, которыя нужно будетъ исполнить и для этого сохранить умственныя и физическія силы. „Только бы до весны дотянуть, а тамъ...“ и въ моей головѣ возникали картины путешествія въ Сибирь и пр. Тутъ я такъ увлекался своими мечтами, что совершенно забывалъ, гдѣ я, что со мной, и зачастую виталъ въ заоблачномъ мірѣ фантазіи по цѣлымъ часамъ, пока меня не возвращалъ къ дѣйствительности грубый окрикъ присяжнаго: „бери обѣдъ!“ Вздрогнешь, бывало, оглянешься кругомъ и, вздохнувъ, подойдешь къ форточкѣ за своей порціей помоевъ.

Кстати о присяжныхъ. Сколько ихъ было въ крѣпости, сказать не могу, но было много. Въ лицо я замѣтилъ человѣкъ двѣнадцать-пятнадцать, но изъ такого громаднаго числа я не запомню болѣе трехъ-четырехъ, у которыхъ я не видѣлъ выраженія глубокой злобы, ненависти и злорадства. Трудно было какъ-то допустить, что человѣкъ можетъ по долгу службы такъ сильно ненавидѣть своего ближняго, даже за 15-20 руб. жалованья въ мѣсяцъ. Въ ихъ злобѣ прогля-

дывало чисто личное ожесточеніе, какъ будто я не просто ихъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ, а причинилъ что-то такое, чего до гроба забыть нельзя. До этой поры мнѣ приходилось сиживать въ разныхъ тюрьмахъ и вести сношенія съ сидѣвшими товарищами, такъ что я былъ знакомъ съ тюрьмами, ихъ порядками и съ персоналомъ тюремной стражи многихъ мѣстъ заключенія. Но нигдѣ еще я не встрѣчалъ такого подбора церберовъ. Попадались мнѣ зачастую среди тюремщиковъ люди грубые, люди глупые. Но нигдѣ еще я не видалъ субъектовъ такъ хорошо вымуштрованныхъ, что въ нихъ казалось было утрачено все человѣческое, кромѣ внѣшняго облика. Они возбуждали во мнѣ такое отвращеніе, что я никогда ни о чемъ съ ними не заговаривалъ, даже если что было нужно, и очень радовался тому, что не только говорить, но и видѣть ихъ приходилось рѣдко. Однажды, только на третій день моего пребыванія въ Трубецкомъ я попросилъ присяжнаго пришить мнѣ пуговицу къ штанамъ, и то потому, что всѣ мои старанія обойтись какъ нибудь безъ этого приспособленія были безуспѣшны и штаны ежеминутно сваливались. Онъ молча взялъ, или, вѣрнѣе, вырвалъ ихъ изъ моихъ рукъ, и когда черезъ нѣсколько минутъ принесъ обратно, то остановившись на порогѣ швырнулъ въ меня свернутыми штанами съ такой силой и мѣткостью, что еслибъ я ихъ не поймалъ рукой на воздухѣ, то они ударились бы мнѣ прямо въ лицо. Я, конечно, сохранилъ наружное спокойствіе, но съ этой минуты рѣшилъ ни о чемъ съ этими животными не разговаривать. Часовые, стоявшіе ъ коридорѣ, не имѣли къ заключеннымъ ни какихъ отншеній, и даже не смѣли заглядывать въ дверную щель, а все время расхаживали по половику, постланному вдоль коридора, но по вечерамъ, особенно поздними вечерами, когда тюремная жизнь затихала, жандармы исчезли, и оставались лишь два-три дежурныхъ присяжныхъ, которые тоже иногда заваливались спать, или собирались компаніей пить чай, коридоръ оставался на время безъ надзора, и часовые пользовались этой льготной минутой, чтобы покурить, что, какъ извѣстно, часовому воспрещается, и чтобы удовлетворить свое любопытство относительно людей, которыхъ они стерегутъ. Хотя съ одной стороны непріятно быть предметомъ наблюденія со стороны совершенно посторонняго

человѣка, и мнѣ бывало какъ-то неловко, когда солдатъ начиналъ меня разсматривать съ видимымъ изумленіемъ, словно какое-то чудо заморское, но съ другой, я этимъ бывалъ доволенъ, потому что такимъ образомъ вѣсти о томъ, въ какихъ условіяхъ насъ держать, проникаютъ не въ первый разъ, хотя бы только въ солдатскую среду. Но такъ какъ караулъ наряжается ежедневно изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, то, значитъ, толки объ этомъ распространяются по всему корпусу, стало быть, узнаютъ и офицеры, и люди изъ интеллигенціи, отбывающіе военную повинность въ гвардейскомъ полку.

Говоря вообще, я всего лучше чувствовалъ себя по вечерамъ, послѣ ужина. Это было мое любимое время и прежде всего потому, что я былъ гарантированъ вплоть до самаго утра отъ посѣщеній какого-нибудь начальства, и отъ необходимости смотрѣть на жандармскія физіономіи. „Ну, теперь ужъ никто не придетъ больше“—не разъ проносилось у меня въ головѣ, когда послѣ ужина присяжный захлопывалъ мою форточку, получивъ отъ меня обратно пустую посуду. Мысль, что вотъ сейчасъ дверь отворится, и явится какое-нибудь чучело, часто раздражала меня въ другое время дня, и мѣшала мнѣ, если такъ можно выразиться, принадлежать самому себѣ, то есть всецѣло погрузиться въ какое нибудь воспоминаніе, размышленіе, вообще всякія занятія, возможныя при такихъ условіяхъ. Поэтому мнѣ всегда бывало очень непріятно, когда что-нибудь врывается постороннее въ мой внутренній міръ и прерываетъ послѣдовательность работы мысли, туманятъ яркость возникающихъ въ воображеніи картинъ, отвлекаютъ меня отъ того, во что я весь ушелъ. Вечеромъ я спокоенъ. Ничто меня не развлекаетъ. Не слышно ни звяканья шпоръ, ни хлопанья дверей, ни стука шаговъ. Вездѣ царитъ тишина, которую только время отъ времени превываютъ куранты Петропавловскаго собора, да еще развѣ открытая въ окнѣ форточка, иногда со стѣны донесется заунывный крикъ человѣка: „слу-шай!“ Смѣна часовыхъ въ коридорѣ совершается такъ тихо, что ея иногда совсѣмъ не замѣтишь. Теперь я могу на свободѣ и читать Новый завѣтъ, и думать, и вспоминать былое, и подойти изрѣдка къ двери, чтобы взглянуть на ярко освѣщенный коридоръ, на часового, осторожно ступающаго по половику,

держа въ рукахъ свою берданку и время отъ времени останавливаясь передъ какою-нибудь дверью, чтобы бросить робкій взглядъ, въ которомъ любопытство соединено съ нѣкоторымъ ужасомъ, на сидящаго за этой дверью таинственнаго узника, одного изъ тѣхъ „отчаянныхъ“, что „въ царя стрѣляютъ,“ — какъ зачастую опредѣляютъ нашего брата люди этой среды.

Я могъ иногда видѣть, какъ присяжные обыскиваютъ вещи недавно привезеннаго арестанта, *) и одинъ выворачиваетъ наизнанку круглую драповую шапку, другой усердно перебираетъ между пальцами пальто, стараясь нащупать что нибудь преступное въ его толстой ватной подкладкѣ, третій пробуетъ, крѣпко ли сидитъ каблукъ сапога, не ходитъ ли онъ по винту и не служитъ ли складочнымъ мѣстомъ всякои конспираціи, а 4-й слѣдитъ взоромъ за ихъ столько же старательными, сколько безуспѣшными поисками, и весь погрузился въ перекладываніе папиросъ изъ черепаховаго портъ-сигара, принадлежащаго владѣльцу осматриваемыхъ вещей, въ свой объемистый карманъ. А часовой остановился и смотритъ на эту сцену съ той поощрительной улыбкой, которая всегда играетъ на устахъ русскаго человѣка при видѣ того, какъ его сосѣдъ, „не будучи дуракъ“, дѣлаетъ должное употребленіе изъ плохо лежащаго добра. Это бывало, конечно, не каждый день. Я видѣлъ всего раза два—три такія картины; обыкновеннымъ же зрѣлищемъ было нескончаемое чаепитіе, за которымъ унтера коротали время, покуривая при этомъ папиросы иногда изъ такихъ изящныхъ мундштуковъ, что невольно приходило въ голову сцена съ черепаховымъ портъ-сигаромъ, и являлось сильное подозрѣніе, что этотъ мундштукъ пріобрѣтенъ тѣмъ способомъ, который, смотря по тому, кто и въ какихъ условіяхъ его употребляетъ, носитъ названіе, то экспропріаціи, конфискаціи, или еще какого-нибудь звучнаго термина, облагораживающаго фактъ отнятія собственности сильнымъ у слабаго, то вульгарнымъ словомъ воровства, когда слабый въ свою очередь присваиваетъ имущество сильнаго. Я долженъ признаться, что многое наводило меня на подобное соображе-

*) Въ крѣпости и слѣдственные носятъ казенную одежду, свою же даютъ только надѣвать на прогулку, а послѣ опять отбираютъ.

ніе. И часто случалось, что глядя на часы, украшающіе жандармскую грудь, я не могъ не подумать: „а не видалъ ли я раньше этихъ часовъ на комъ-нибудь изъ товарищей?“

День шелъ за днемъ. Прошла недѣля, прошла другая. Улеглось нѣсколько нервное возбужденіе, вызванное впечатлѣніями первыхъ дней. Притупились чувства горечи и негодованія, душившія меня, когда я начиналъ знакомиться со всѣми прелестями моего теперешняго положенія, и ни душѣ начало водворяться спокойствіе. Ни обезображенная голова, ни сѣрая куртка нисколько уже меня не угнетали и, запертый въ одиночномъ заключеніи, отрѣзанный отъ всего живого, я сознавалъ, что ни мысли мои, ни чувства не сковать никакою цѣпью всему корпусу жандармовъ.

Когда я мечталъ объ отправкѣ въ Сибирь, по временамъ мнѣ приходило въ голову, что меня могутъ и не увезти этой весной. Бывали случаи, что здѣсь держали людей по году и больше. (Напримѣръ, *Веймарнъ, Михайловъ Адр.* и другіе, осужденные весной 80 г., были отправлены въ Сибирь только лѣтомъ 81 года, а „именующій себя Сабуровымъ“, такъ и умеръ въ Трубецкомъ). Но и эта мысль меня нисколько не смущала. Ну, и пусть себѣ держатъ, сколько имъ угодно!

Понемногу я началъ сживаться со своей обстановкой, и даже сталъ находить въ ней привлекательныя стороны.

Напримѣръ, мнѣ очень нравилось, что я вижу однихъ только унтеровъ, да и то рѣдко. Никакихъ разговоровъ у насъ не бываетъ. Утромъ принесутъ хлѣбъ, подметутъ полъ и выйдутъ. Подадутъ въ форточку обѣдъ или ужинъ,—я молча возьму его. Послѣ молча же отдамъ посуду. Вотъ и все. Очень я цѣнилъ то, что никто мнѣ не мозолитъ глаза, никто не лѣзетъ съ распросами, съ какими-нибудь наставленіями, никто не ставитъ меня въ тяжелое положеніе, когда арестанту приходится чувствовать, что передъ нимъ стоитъ начальство; никто и ничто меня не безпокоитъ, даже въ щель заглядываютъ рѣдко. Я живу предоставленный самому себѣ, чувствую себя настолько хорошо, насколько можно при настоящихъ условіяхъ, и могу, какъ бы это ни показалось страннымъ, чувствовать свою духовную свободу, несмотря на эти стѣны и рѣшетки, чувствовать, что хотя я запертъ подъ замкомъ, одѣтъ въ безобразный и неудобный

костюмъ, питаюсь впроголодь, лишенъ книгъ и общества, — я все-таки свободенъ и независимъ. Всѣ эти строгости и лишенія моего бытія, нисколько не касаясь его внутренняго содержанія. Я даже былъ радъ, что меня не водятъ на прогулку. Мнѣ было тяжело думать, когда я представлялъ себѣ, какъ унтера будутъ приходить за мной, какъ мнѣ придется итти по коридору, спускаться по лѣстницѣ, итти сквозь строй наглыхъ и злобныхъ взглядовъ, можетъ быть встрѣчаться со смотрителемъ, или еще какимъ начальствомъ.

Меня всего коробило при мысли, какъ начальство уставиться на меня холоднымъ величественнымъ взглядомъ. „Нѣтъ! лучше ужъ никого не видѣть, и никуда не выходить! Да что за удовольствіе проходить десять минутъ по жалкому садику, окруженному тюремными зданіями на глазахъ часовыхъ и жандармовъ! Нѣтъ! лучше сидѣть дома да ходить изъ угла въ уголъ, если придетъ охота гулять". И я хочу теперь лишь того, чтобы все время до весны, до моего предполагаемаго путешествія въ Сибирь, мнѣ пришлось бы провести въ такомъ тихомъ уединеніи. Скажу даже болѣе: еслибы съ путемъ въ Сибирь у меня не были связаны надежды,—я предпочелъ бы оставаться здѣсь. Я началъ входить во вкусъ всей прелести абсолютнаго одиночества, и иногда я думалъ о такой тюремной жизни, какую ведутъ уголовные арестанты,—а на Карѣ въ общей тюрьмѣ и наши,—гдѣ люди, совершенно случайно соединенные въ одно мѣсто, должны, волею начальства, вѣчно жить вмѣстѣ, вѣчно мозолить другъ другу глаза, не имѣя возможности на нѣсколько часовъ остаться съ самимъ собой, постоянно согласовать свою жизнь съ той общей мѣркой, подъ которую все подводится, приходить, въ добавокъ, въ постоянное соприкосновеніе со своимъ начальствомъ и стражей,—тогда мнѣ становилось жутко, и я считалъ для себя величайшимъ благомъ, еслибъ можно было никогда не покидать этой камеры, спокойно ожидая въ ней того дня, когда побѣда идеи свободы отворитъ двери тюремъ, возвратитъ меня къ жизни, свѣту и счастья, или того неизбѣжнаго роковаго момента, когда въ лампѣ моей жизни выгоритъ послѣднее масло, наступитъ ей время погаснуть, и я погружусь въ мракъ уничтоженія, въ невозмутимый вѣчный покой.

IV.

Моимъ желаніямъ не суждено было осуществиться. Въ ночь съ 16 на 17 ноября, когда я спалъ сильнымъ крѣпкимъ сномъ, мнѣ вдругъ почудилось, что меня кто-то будитъ. „Вставайте“ послышалось мнѣ, и чья то рука ухватила меня за плечо. Чтобы высвободить его, я инстинктивно повернулъ на бокъ, но въ то же время въ моихъ ушахъ уже вполнѣ отчетливо раздался голосъ, приказывающій мнѣ встать. Я раскрылъ глаза и увидѣлъ какого-то человѣка, нагнувшагося надо мной, старавшагося меня растолкать. Спросонья, ничего не понимая, и считая это за грезу, я опять было закрылъ глаза. „Скорѣй, скорѣй! Нужно встать“, твердилъ надъ моимъ ухомъ голосъ, показавшійся мнѣ какъ будто знакомымъ, и я ужъ совершенно отчетливо почувствовалъ прикосновеніе тормошившей меня руки. „Что такое?“ пробромоталъ я, поднявъ голову съ подушки. „Нужно встать“, отвѣчалъ нарушитель моего покоя, въ которомъ я узналъ старика-капитана (Домашнева), встрѣтившаго меня въ прихожей въ день моего прибытія въ эту тюрьму. Я всталъ и началъ одѣваться. Но такъ какъ я еще не вполнѣ освоился съ моимъ новымъ костюмомъ, и еще былъ въ полуснѣ, то дѣло у меня подвигалось медленно. Особенно меня затрудняли суконныя портянки, которыя я никакъ не могъ сразу хорошо завернуть и завязать веревочкой отъ котовъ. „Скорѣй, скорѣй! Какъ нибудь!“ торопилъ меня Домашневъ: „тутъ недалеко!“ „Что это значитъ“, подумалъ я и, поднявъ голову, замѣтилъ, что позади Домашнева у дверей стоитъ присяжный, держа въ рукахъ сѣрый арестантскій халатъ съ желтымъ тузомъ, нашитымъ на спинѣ, и круглую шапку изъ такой же сермяги. „Куда меня поведутъ. На поѣздъ, развѣ, хотятъ везти. Но вѣдь теперь ночь. Или, можетъ быть, въ какую-нибудь другую тюрьму? Но въ какую? Зачѣмъ? А ну, какъ въ Шлиссельбургъ?“ Рядъ вопросовъ у меня мелькало въ головѣ, и я инстинктивно чувствовалъ, что меня ждетъ нѣчто весьма скверное. Все же, самымъ естественнымъ казалось, что меня хотятъ везти на вокзалъ для отправки въ Москву и торопятъ усадить въ вагонъ, пока еще не разсвѣло, согласно извѣстнымъ соображеніямъ полицейскаго характера. Желая найти исход-

ную точку для своихъ предположеній, я спросилъ капитана: „Что, теперь уже утро?“ „Утро, утро!“ отвѣчалъ онъ самымъ положительнымъ образомъ. „Стало быть, подумалъ я, если посадятъ въ карету, то повезутъ на вокзалъ, а если на тройку, то въ Шлиссельбургъ. Ну, будь, что будетъ!“ Я наскоро обулся, взялъ изъ рукъ присяжнаго халатъ и шапку, надѣлъ ихъ и пошелъ вслѣдъ за капитаномъ. Въ коридорѣ царила гробовая тишина и не было видно ни часовыхъ, ни присяжныхъ. Освѣщенъ онъ былъ, противъ обыкновенія, очень слабо, и щели въ дверяхъ были закрыты. Мы быстро двигались по мягкимъ половикамъ, заглушавшимъ топотъ нашихъ шаговъ, вдоль ряда угрюмыхъ дверей, за которыми томились мои товарищи по заключенію, и я мысленно прощался съ ними, горячо желая имъ лучшей участи, чѣмъ та, которая выпала на мою долю. Вотъ промелькнулъ № 64, вотъ новый поворотъ, вотъ знакомая мнѣ лѣстница, спускающаяся въ первый этажъ. На ней почти совсѣмъ темно. Мы сходимъ внизъ, но вмѣсто того, чтобъ повернуть направо, въ прихожую, капитанъ ведетъ меня налѣво, по направленію къ двери, ведущей во внутренній дворъ, накидываетъ шинель и выводитъ меня черезъ садикъ, гдѣ гуляютъ заключенные, на тотъ самый переулокъ между заборомъ монетнаго двора и тюрьмой Трубецкого бастіона, по которому я ѣхалъ въ каретѣ въ день моего прибытія сюда. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ за собой крыльцо, у котораго мы тогда остановились, и я понялъ, что капитанъ велъ меня такъ окольнымъ путемъ для того, чтобы не йдти черезъ кордегардію, гдѣ наше шествіе, конечно, обратило бы на себя вниманіе всего караула.

Я съ наслажденіемъ вдыхалъ полной грудью чистый морозный воздухъ. Подъ ногами хрустѣлъ свѣтлый, недавно выпавшій снѣгъ, уже покрывшій все своей пушистой пеленой. Небо было усыпано звѣздами, и мнѣ очень хотѣлось, чтобы наша прогулка продолжалась, какъ можно долѣе: такъ хорошо было дышать этимъ воздухомъ, такъ хорошо было глядѣть на это темное небо, на эти мерцающія звѣздочки. Сколько воспоминаній пробудила во мнѣ тихая зимняя ночь!

Но грезы мои быстро оборвались: капитанъ свернулъ налѣво, въ подворотню широкаго хода, идущаго куда-то поперекъ зданія, противъ котораго теперь мы находились. Я

очутился въ совершенной темнотѣ и могъ только разобрать, что этотъ ходъ очень широкъ, такъ что тамъ могутъ разъѣхаться двѣ повозки, что по сторонамъ попадались какіе-то подъѣзды, какіе-то ворота, Богъ вѣсть, куда ведущія. Когда мы были на полпути, вдругъ откуда-то на меня бросилась огромная собака. Присяжный и капитанъ заслонили меня и остановили ее, при чемъ капитанъ крикнулъ кому-то: „собаку что не запираешь!“ Въ отвѣтъ послышался тихій зовъ, которому собака повиновалась съ глухимъ ворчаніемъ, затѣмъ звякнула затворившаяся желѣзная рѣшетчатая дверь, и все затихло. Пройдя еще немного, мы очутились передъ затворенными воротами. Въ нихъ я замѣтилъ калитку съ небольшимъ окошечкомъ, сквозь стекло котораго проникалъ слабый свѣтъ, падающій на какую-то закутанную въ шубу фигуру, прислонившуюся плечемъ къ стѣнѣ. Мы остановились и изъ мрака выдѣлилась еще другая фигура, приблизившаяся къ капитану. Они тихо перекинулись нѣсколькими словами, а затѣмъ этотъ субъектъ нагнулся и заглянулъ мнѣ вупоръ въ глаза. Я успѣлъ разсмотрѣть только военную фуражку и щетинистые усы, какъ вдругъ въ ту же минуту почувствовалъ, что мои плечи зажаты въ чьи-то дюжія руки, почти поднявшія меня на воздухъ, и одновременно съ этимъ закутанная фигура, стоявшая у воротъ, распахнулась настежъ. При этомъ на насъ упалъ тусклый свѣтъ какого-то отдаленнаго фонаря, и я замѣтилъ, что подхватившіе меня люди были два рослые жандарма, которые быстро поволокли меня впередъ, такъ что я еле успѣвалъ переставлять ноги. Прежде всего передъ моимъ взоромъ открылось занесенное снѣгомъ поле. Темныя стѣны крѣпости, рѣзко отдѣлявшіяся отъ снѣгового покрова, лежавшаго у ихъ основанія, уходили по обѣ стороны куда-то далеко во тьму. Въ сторонѣ, за краемъ бѣлой пелены, одѣвавшей землю, виднѣлась темная поверхность Невы, еще не покрывшейся льдомъ. „Ужъ не топить ли меня ведутъ?“ на мгновеніе пронеслось у меня въ головѣ, и мнѣ вспомнилась мелодраматическая сцена утопленія въ проруби, по приказу императора Павла, нѣкоего таинственнаго арестанта, описанная Дюма въ его „De Paris à Ashruxlon“. Вотъ передъ нами появились какіе-то фонари; они расположены на мосту, переброшеннымъ черезъ каналъ, за которымъ

лежитъ маленькій островокъ. Я оглянулся назадъ, крѣпость угрюмо чернѣла вдали, ворота были еще отворены, и тамъ виднѣлось нѣсколько человѣкъ, смотрѣвшихъ намъ вслѣдъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади насъ торопливо шелъ закутанный въ мѣховую шинель офицеръ съ щетинистыми усами, котораго я видѣлъ въ подворотнѣ. Впереди на островѣ виднѣлось невысокое одноэтажное зданіе, и мы быстро приблизились къ нему. „Ужъ не Алексѣевскій ли это равелинъ?“ Я посмотрѣлъ по сторонамъ. Мнѣ захотѣлось найти что-нибудь такое, на чемъ можно было бы въ послѣдній разъ остановить взглядъ, чтобы запечатлѣть въ памяти послѣднюю картину вольнаго міра. Но кругомъ лишь глубокая тьма: и небо, и туманъ, поднимавшійся съ поверхности рѣки, и ея темныя, словно застывшія воды,—все сливалось въ непроницаемый мракъ, и я поднялъ голову, чтобъ проститься съ какой-то звѣздочкой, которая такимъ ласковымъ, мягкимъ свѣтомъ глядѣла на меня скозь туманъ, и сдѣлавъ еще дюжину шаговъ, я очутился передъ воротами этого зданія, такъ мрачно смотрѣвшими своими темными окнами, какъ глядитъ черепъ пустыми глазными впадинами. Я замѣтилъ въ окнахъ рѣшетки, но болѣе ничего не успѣлъ разглядѣть, потому что въ оконцѣ калитки, забранномъ мѣдной проволокой, показалась какая-то усатая физіономія, затѣмъ тихо щелкнулъ ключъ, калитка отворилась, и мы вошли въ подворотню. Отворившій калитку жандармскій унтеръ-офицеръ пошелъ впереди. Мы миновали первую дверь съ правой стороны, которая вела, какъ я послѣ замѣтилъ, въ комнату, гдѣ помѣщался караулъ, а затѣмъ, у 2-й двери мы поднялись на двѣ каменныя ступени и очутились въ тюремномъ коридорѣ, по которому жандармы потащили меня чуть не бѣгомъ, все не выпуская изъ своихъ медвѣжьихъ лапъ.

Этотъ коридоръ не имѣлъ ничего общаго съ чистымъ, свѣтлымъ и даже щеголеватымъ коридоромъ тюрьмы Трубецкаго бастіона: здѣсь было и темно, и грязно. Пройдя первую дверь — деревянную, окрашенную бѣлой масленой краской, шедшій впереди жандармъ остановился у слѣдующей и, отворивъ ее, отошелъ въ сторону. Я успѣлъ бросить бѣглый взглядъ вбокъ, и увидѣлъ, что противъ этой двери коридоръ поворачиваетъ налѣво подъ довольно острымъ угломъ, и что по правой его сторонѣ расположенъ рядъ

камеръ. Жандармы, можно сказать, внесли меня въ камеру и выпустили изъ рукъ, лишь когда мы очутились посрединѣ ея, передъ деревяннымъ столомъ, поставленнымъ у изголовья кровати.

Я долженъ сознаться, что когда очутился въ стѣнахъ этого зданія, мнѣ припомнились разсказы о пыткахъ, производившихся въ Алексѣевскомъ ревелинѣ, и у меня мелькнула было мысль, что меня приволокли сюда, да еще такимъ таинственнымъ образомъ, въ глухую ночь,—для того, чтобы встряхнуть на дыбы, или завинтить голову въ желѣзный обручъ, какъ это сдѣлали съ Пестелемъ. Но я сейчасъ же убѣдился, что въ камерѣ нѣтъ никакихъ орудій пытки. „Раздѣнься!“ Раздалось надъ моимъ ухомъ. Я повернулъ голову и увидѣлъ того самаго офицера, который сопровождалъ меня отъ воротъ крѣпости и былъ не кто иной, какъ приснопамятный *Матвѣй Ефимовичъ Соколовъ*.

Первое, что меня въ немъ поразило, это было его выраженіе глазъ. Они поразительно походили на глаза крупныхъ пресмыкающихся: тотъ же холодный блескъ, то же самое отсутствіе мысли, то же самое выраженіе тупой безжалостной злобы. Въ этихъ глазахъ ясно читалось, что ихъ обладателя ничѣмъ не проймешь, ничѣмъ не удивишь, ничѣмъ не разжалобишь, что онъ будетъ такъ же хладнокровно и такъ же методически душить свою жертву, какъ боа-констринтеръ давитъ барана. Отталкивающее впечатлѣніе, производимое этимъ человѣкомъ, еще болѣе усиливали щетинистые подстриженные усы, выдающійся бритый подбородокъ, и всѣ его ухватки, напоминавшіе не то мясника, не то палача, оба эти званія очень шли къ его плотной коренастой фигурѣ, съ молодецки выпяченной грудью, и широкими ручищами, толстые пальцы которыхъ находились въ постоянномъ движеніи, какъ бы отыскивая себѣ работу. При взглядѣ на этого человѣка невольно становилось жутко отъ мысли, что онъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ твой полновластный господинъ; я догадался, что это здѣшній смотритель, господинъ и повелитель, который можетъ тебя оскорбить, истязать, тиранить, можетъ тебя свести съ ума, можетъ свести тебя въ могилу, а ты передъ нимъ болѣе беззащитенъ и болѣе безправенъ, чѣмъ въ былое время негръ передъ плантаторомъ, и положеніе твое тѣмъ болѣе ужасно, что

приходится имѣть дѣло съ существомъ, стоящимъ отъ тебя на столь отдаленной ступени развитія, что ему могутъ быть чужды, могутъ быть непонятны твои мысли, твои чувства, что онъ даже не въ состояніи уразумѣть твоихъ страданій... Я повиновался отданному мнѣ приказанію, и началъ снимать съ себя платье, которое жандармы постепенно подбирали и откладывали въ сторону. Когда я былъ совсѣмъ раздѣтъ, меня обыскали столь же тщательнымъ образомъ, какъ и въ день прибытія въ крѣпость. Затѣмъ дали другое бѣлье, платье и обувь, точно такого же вида, какъ бывшее на мнѣ, а прежнее вынесли изъ камеры. Я сталъ одѣваться. „Главное дѣло", обратился ко мнѣ смотритель, „ни слова, ни полъ-слова, кто ты, какъ тебя зовутъ. Я этого не знаю, и знать мнѣ нѣтъ надобности, № 5 вотъ и все. Я здѣсь смотритель. Со всякимъ своимъ желаніемъ долженъ обращаться ко мнѣ: законно—исполню, нелѣпо—такъ и скажу. Сидѣть смирно и исполнять все, что я прикажу. Свистать, пѣть, говорить нельзя. Лампу тушить нельзя. Смотрителя звать ни въ какомъ случаѣ; я самъ здѣсь бываю". Я промолчалъ. „Вздорить со мной я тебѣ не совѣтывалъ бы", прошипѣлъ онъ, минуту спустя, съ угрозой покачавъ головой и зловѣще блестя своими змѣиными глазами, причемъ его кулакъ нервно стиснулъ ключъ отъ камеры, который онъ держалъ въ рукахъ во все время разговора. Я на это ничего не сказалъ; и продолжая натягивать свое сермяжное одѣяніе, только спросилъ его: „какъ называется эта тюрьма?" Хоть я и думалъ, что попалъ въ Алексѣевскій равелинъ, но все-таки не былъ въ этомъ увѣренъ, и мнѣ хотѣлось знать это точно. „Этого знать тебѣ нѣтъ надобности" (излюбленное выраженіе Соколова, какъ я замѣтилъ впослѣдетвіи), былъ короткій и рѣшительный отвѣтъ. „Ну, теперь спи", произнесъ онъ уже довольно снисходительнымъ тономъ, когда я окончилъ свой туалетъ, видимо нѣсколько обезоруженный моею кротостью. „Развѣ теперь ночь, а не утро?" Спросилъ я его. „Ночь, ночь!" Отвѣтилъ онъ, и сдѣлавъ жандармамъ жестъ рукой, чтобъ они выходили, повернулся было за ними, но вдругъ, что-то вспомнивъ еще, обернулся ко мнѣ и снова блеснувъ змѣиными глазами, произнесъ угрожающимъ тономъ; „стуковъ чтобъ не было никакихъ!". И его его мощная десница, вооруженная ключомъ, сдѣлала по воздуху

очень энергичное и выразительное движеніе. Дверь хлопнула, и я остался одинъ.

Нѣсколько минутъ я не могъ собраться съ мыслями и стоялъ неподвижно на томъ же самомъ мѣстѣ, уставивъ пристальный взглядъ на дверь, какъ бы ожидая, что она снова отворится, и на порогѣ ея появится смотритель съ какимъ-нибудь дополнительныыъ наставленіемъ. Но на этотъ разъ все было кончено, и когда щелкнувшая у дверной щели заслонка вывела меня изъ оцѣпенѣнія, я вздрогнулъ, и отошолъ въ сторону, словно испугавшись, что сейчасъ предо мной явится этотъ удавъ и прошипитъ своимъ зловѣщимъ голосомъ: „глядѣть на дверь нѣтъ надобности!“.

На личности моего новаго начальника стоитъ немного остановиться. Трудно передать то отталкивающее впечатлѣніе, которое производилъ Соколовъ. До-нельзя было противно его мясистое лицо, съ толстыми губами, рыжеватыми щетинистыми усами, съ постояннымъ выраженіемъ тупого самодовольствія или же злобы. Наглый, жестокій, безчувственный, тупоумный и низкій, онъ служилъ, безъ малѣйшихъ колебаній и угрызеній совѣсти, исполнителемъ самыхъ гнусныхъ приказаній высшаго начальства. Во время Крымской войны онъ былъ солдатомъ и его взялъ къ себѣ въ деньщики Потаповъ (бывшій впослѣдствіи шефомъ корпуса жандармовъ), а потомъ Соколовъ пошелъ въ жандармы, но только въ 70-мъ году былъ произведенъ въ офицеры, благодаря протекціи своего бывшаго барина. Однако, по своей неразвитости и малограмотности употреблялся лишь на черную работу: водилъ арестантовъ на допросы, дежурилъ въ III отдѣленіи и присутствовалъ иногда при обыскахъ, такъ какъ у него были не только исполнительность и рвеніе, но и нѣкоторый шпіонскій нюхъ. Говорятъ, что будучи еще деньщикомъ, а потомъ жандармскимъ унтеромъ, онъ обнаружилъ талантъ сыщика и доносчика, возбуждавшій ненависть сослуживцевъ, которымъ онъ спуску не давалъ, но за то обратилъ на себя вниманіе Потапова. Его товарищи такіе же жандармскіе офицеры, относились къ нему брезгливо. Одинъ изъ нихъ, сопровождавшій въ Шлиссельбургъ въ 87 году *Н. П. Стародворскаго*, на его вопросъ, что за человѣкъ Соколовъ, отвѣтилъ однимъ словомъ: „скотина“.

Не могу удержаться, чтобы не разсказать курьезный слу

чай, не имѣющій связи съ моими воспоминаніями, но весьма характерный. Во время допроса одного моего пріятеля, прокуроръ подалъ ему какую-то записочку, находившуюся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ. Сидѣвшій тутъ же жандармскій офицеръ безпокойно заерзалъ на стулѣ и застывъ въ тревожной позѣ, спросилъ:

— Надѣюсь не порвете, не проглотите этой записки?

— Помилуйте, зачѣмъ мнѣ это!—отвѣтилъ допрашиваемый, противъ котораго имѣлось много тяжкихъ и доказанныхъ обвиненій.

— Нѣтъ, знаете, это бываетъ! Вотъ, помню, разъ былъ такой случай: дали тоже одному господину записочку, а онъ ее въ ротъ... Офицеръ былъ молодой, неопытный, ну и растерялся. Прокуроръ тоже не знаетъ, что дѣлать. Хорошо, что офицеръ вспомнилъ про Соколова, онъ въ сосѣдней комнатѣ былъ,— да и позвалъ его. Тотъ выскочилъ за нимъ, и сразу видитъ въ чемъ дѣло. Подскочилъ къ этому господину, да какъ дастъ ему въ за-шею, такъ записочка изо рта у него и вылетѣла.

— Ну, что же, этотъ господинъ такъ и промолчалъ?

— Нѣтъ, онъ въ амбицію вломился, претензію заявилъ: какъ смѣете такъ обращаться?

А Соколовъ на это ему говоритъ: „по обстоятельствамъ дѣла требовалось!“

Когда, около 1 января 82 года было обнаружено сношеніе съ Алексѣевскимъ равелиномъ, что произвело страшный переполохъ и вызвало большое раздраженіе въ высшихъ административныхъ сферахъ *), то стараго и вѣрнаго служаку вспомнили и нашли его наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для занятія должности смотрителя тюрьмы Алексѣевскаго равелина. При этомъ бывшій ранѣе смотритель и его

---

*) Вся команда (въ это время стражу составляли особая команда крѣпостной пѣхоты и присяжные) была распропагандирована Нечаевымъ и повиновалась его распоряженіямъ до такой степени, что Нечаевъ считалъ возможнымъ, при ихъ помощи, арестовать Александра II, когда тотъ пріѣдетъ въ Петропавловскій соборъ!!! Сношенія начались въ ноябрѣ 80 г., когда въ Алексѣевскій равелинъ посадили Степана Ширяева, которому повѣшеніе было замѣнено безсрочной каторгой (первый процессъ „Народной Воли“, октябрь-ноябрь 80 г.). Раньше же Начаевъ, не смотря на полную готовность солдатъ, не зналъ, куда и къ кому можно посылать ихъ.

помощникъ были не только прогнаны, но и преданы суду, который приговорилъ перваго къ разжалованью и ссылкѣ въ Архангельскую губернію, а второго — къ заключенію въ крѣпости, какъ помнится, на два года. Подробности объ этомъ происшествіи и процессѣ Дубровина, который велъ сношенія съ солдатами, и этихъ самыхъ солдатъ были, какъ я слышалъ, напечатаны въ революціонныхъ изданіяхъ того времени (1883 г.).

Первымъ моимъ дѣломъ было осмотрѣть камеру. Она представляла довольно широкую, хотя недлинную комнату, съ плоскимъ и низкимъ потолкомъ, во время-она выбѣленнымъ, но теперь страшно запыленнымъ, такъ-что онъ казался не бѣлымъ, а сѣровато-желтымъ. Стѣны поразили меня своимъ оригинальнымъ видомъ: на протяженіи аршинъ двухъ отъ полу, онѣ были окрашены въ черный цвѣтъ какою-то особой краской, какъ будто обиты черными мохнатыми обоями, а выше онѣ были столь обычнаго въ казенныхъ зданіяхъ блѣдно-оранжеваго цвѣта съ узенькимъ краснымъ бордюромъ подъ потолкомъ. Когда я подошелъ къ стѣнѣ, то, къ своему удивленію, убѣдился, что это была не краска, и не обои, а просто на просто плѣсень, насѣвшая такимъ густымъ слоемъ, что я увѣрился въ этомъ только ощупавъ стѣну руками. Въ углу налѣво отъ входа находилась массивная четырехъ-угольная изразцовая печь, двумя сторонами выступавшая въ камеру, а двумя совпадавшая со стѣной. Она топилась изъ коридора. Окно было совершенно такого же вида и размѣра, какъ тѣ, что я видѣлъ въ III отдѣленіи. Сходство было такъ поразительно, что невольно наводило на мысль о близкихъ отношеніяхъ, существовавшихъ межъ этими двумя учрежденіями, тѣмъ болѣе, что въ двери было такое же четырехъ-угольное отверстіе, какъ и въ камерѣ III отдѣленія, но задѣланное и притомъ недавно. Это было замѣтно съ перваго взгляда. Несомнѣнно, что это (можетъ быть Иродово) измышленіе имѣло цѣлью въ большей степени гарантировать невозможность сношеній со стражей, съ заключенными. Объ этомъ говорили и совершенно свѣжіе еловые бруски, которыми были обиты косяки и порогъ двери, и которые предупреждали всякую возможность просунуть записку въ щель между дверью и косяками, либо порогомъ. Въ окнѣ съ матовыми стеклами маленькій,

вершка въ полтора шириной вентиляторъ, забитый снаружи жестянымъ листомъ. А въ стѣнѣ, выходившей въ коридоръ, рядомъ съ печкой былъ другой вентиляторъ, изящный и широкій изъ эмалированнаго желѣза съ мѣдными каемками. Діаметромъ онъ былъ не менѣе четверти и на немъ было клеймо П. Б. завода Санъ-Галли. Мебель состояла изъ судна, кровати, стола и стула. Вся она была деревянная, крашеная. На столѣ стояла маленькая ночная плоxенькая жестяная лампочка, рядомъ съ ней—коробка шведскихъ спичекъ, и огромная кружка съ водой,—въ нее входилъ цѣлый ковшъ. Я былъ столь еще наивенъ, что сначала при видѣ спичекъ подумалъ было, что ихъ нужно припрятать на всякій случай, такъ какъ онѣ, должно быть, оставлены жандармомъ по разсѣянности. Но на другой день убѣдился, что спички оставляютъ нарочно, чтобы заключенный самъ зажигалъ лампу. Когда я познакомился съ порядками въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и съ его служебнымъ персоналомъ, то мнѣ стала смѣшной мысль, что здѣсь могутъ забыть, чего-нибудь не доглядѣть, что-нибудь пропустить по разсѣянности или какому-нибудь другому свойству человѣческой души, взамѣнъ которой у всѣхъ равелинскихъ церберовъ была лишь „радость стараться“. Осмотрѣвъ камеру я пошелъ къ постели, накрытой очень ветхимъ, изжелта бѣлымъ одѣяломъ съ красными полосами, очень старомоднаго рисунка. Это было, повидимому, наслѣдіе давнихъ лѣтъ и, вѣроятно, оно помнило Бакунина или кого-нибудь изъ его современниковъ. Постельное бѣлье было довольно приличнаго вида: тонкаго полотна, мало гармонирующаго съ грубой дерюгой, которая была надѣта на мое тѣло. Разсматривая его, я нашелъ на простынѣ, и на обѣихъ наволочкахъ клейма, которыя разъяснили, куда я попалъ. Эти клейма имѣли видъ прямоугольника, внутри котораго были выставлены „А. Р.“, а ниже „1864 годъ водворенія судебныхъ уставовъ; припомнилось мнѣ, также какъ и пресловутая фраза: „Правда и милость да царствуетъ въ судахъ“, послѣ изреченія которой былъ возобновленъ запасъ равелинскаго бѣлья. „Вотъ тебѣ и временно оставленный! Вотъ тебѣ и Сибирь! и всѣ планы будущаго, которыми мы себя тѣшили!“ Это меня такъ взволновало, что я началъ ходить изъ угла въ уголъ, чѣмъ, кажется, привелъ въ смущеніе находивша-

гося въ коридорѣ унтера, такъ какъ онъ каждыя двѣ-три минуты заглядывалъ ко мнѣ въ стеклышко и должно быть совсѣмъ не отходилъ отъ двери. Я замѣтилъ это внимательное наблюденіе, да и къ тому же пробило три часа и до утра оставалось еще долго. Спать мнѣ не хотѣлось, но когда я улегся въ постель на мягкій набитый шерстью матрацъ — остатокъ былой роскоши — и закутался съ головой въ одѣяло, чтобъ защититься отъ свѣта лампы, то глаза начали слипаться, и черезъ четверть часа я уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

V.

На утро я проснулся отъ стука при отпираніи двери. Къ слову сказать, она запиралась какимъ-то ужаснымъ засовомъ первобытнаго устройства, производившимъ всегда страшный грохотъ. Этотъ засовъ, шириной въ ладонь и длиной въ поперечникъ двери, былъ укрѣпленъ на шарнирѣ въ углубленіи, выломанномъ въ косякѣ, и закрывая дверь ложился поперекъ ея такъ, чтобы прорѣзъ находившійся въ концѣ засова, надѣвался на скобку, вдѣланную въ противоположный косякъ, и тогда въ эту желѣзную петлю продѣвалась дужка большого замка, вродѣ тѣхъ, которыми запираютъ амбары. Ко мнѣ вошли смотритель съ двумя унтерами и еще два-три жандарма. Одинъ изъ нихъ вынесъ ведро, другой налилъ въ кружку свѣжей воды, а стоявшій близь стола унтеръ взялъ у него изъ рукъ надрѣзанный кусокъ чернаго хлѣба и положилъ его на столъ, предварительно осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ, даже заглянулъ въ разрѣзъ, чтобы удостовѣриться, что тамъ не положено ничего преступнаго. Между тѣмъ, другой унтеръ, взявъ со стола лампу, сталъ осматривать стѣны, очевидно желая замѣтить, не сдѣлалъ ли я тамъ какихъ-нибудь надписей, а самъ Соколовъ не снимая фуражки, уставилъ на меня свои стеклянные глаза, слѣдя за каждымъ моимъ движеніемъ. Такая комедія продолжалась каждый день, и вообще нужно было удивляться точности, съ какой жандармы исполняли всѣ предписанныя начальствомъ мѣры, направленныя къ „пресѣченію и предупрежденію“ чего-либо подобнаго тому, что здѣсь завелось-было при Нечаевѣ. Я поднялся съ по-

стели и сталъ одѣваться. Не успѣлъ я еще застегнуть пуговицъ моей куртки, какъ Соколовъ наставительнымъ тономъ произнесъ: „чтобы не мѣшаться, нужно отходить туда“, и при этомъ указалъ на пространство межъ окномъ и столомъ, который былъ поставленъ противъ окна въ разстояніи аршинъ двухъ отъ него. Меня покоробило это замѣчаніе, а главное—тонъ, какимъ онъ былъ сдѣланъ, но я молча отошелъ туда, и, застегнувъ куртку, рѣшился спросить: „А какъ здѣсь на счетъ чаю?“. „Два съ половиной фунта хлѣба, отвѣчаетъ смотритель, отчеканивая каждое слово, и указывая на столъ, гдѣ лежала довольно объемистая краюшка. Щи, каша. Квасу дадутъ. Больше ничего не полагается“. При послѣднихъ словахъ онъ отвелъ ладонь въ сторону, какъ бы желая этимъ жестомъ придать имъ еще болѣе рѣшительный характеръ. Я замолчалъ и обратилъ вниманіе на умывальникъ, внесенный жандармомъ въ камеру. Онъ принадлежалъ къ тому разряду умывальниковъ, которые часто встрѣчаются въ комнатѣ плохенькихъ провинціальныхъ гостиницъ и постоялыхъ дворовъ. Сдѣланъ онъ былъ изъ листового желѣза, окрашенъ въ свѣтлокоричневый цвѣтъ подъ орѣхъ и состоялъ изъ мѣднаго резервуара съ мѣднымъ толкачикомъ и покрытой бѣлой глазурью раковины, подъ краемъ находилась полочка, гдѣ обыкновенно ставятъ мыльницу, и другія туалетныя принадлежности. Черезъ эту полочку проходила трубка, по которой вода стекаетъ изъ раковины въ ведро, поставленное внизу на второй полочкѣ, ниже краевъ находилась еще третья. Въ верху, надъ резервуаромъ въ обѣ стороны расходились согнутые изъ проволоки рожки для полотенца. Въ первое время этотъ умывальникъ еще совершенно новенькій, имѣлъ довольно красивый видъ. Но скоро онъ загрязнился, краска начала лупиться, глазурь потрескалась, желѣзо стало ржавѣть, въ раковинѣ образовалась дыра, такъ что черезъ годъ это было сущее безобразіе, бросавшееся даже въ глаза въ такой непрезентабельной обстановкѣ, какъ наши равелинскія камеры.

Жандармы вышли, и я сталъ умываться. Мыла не оказалось, но за то на умывальникѣ было повѣшено довольно приличное полотенце съ такимъ же клеймомъ, какъ я замѣтилъ на постельномъ бѣльѣ. Умывшись, я сѣлъ завтра-

кать хлѣбомъ и солью, и мнѣ сейчасъ же бросилось въ глаза, что хлѣбъ дали вдвое больше, чѣмъ я получалъ въ Трубецкомъ. Но за то онъ былъ худо пропеченъ,—это, какъ оказалось впослѣдствіи, было здѣсь постоянно, а иногда въ добавокъ въ хлѣбѣ попадались и черви. Въ коридорѣ продолжалось хлопанье дверей и бряцаніе шпоръ. Прислушавшись я замѣтилъ, что одновременно съ раздачей завтрака водятъ на гулянье, и что это гулянье, такъ же какъ въ Трубецкомъ, продолжается очень недолго. Часовъ около девяти въ коридорѣ послышался какой-то старческій голосъ, и я сначала было подумалъ, что заключенныхъ обходитъ комендантъ, но послѣ убѣдился, что это былъ докторъ (Вильмсъ), съ которымъ нѣсколько дней спустя мнѣ привелось познакомиться. Послѣ обхода доктора наступила тишина, продолжавшаяся до 12 часовъ, когда начали раздавать обѣдъ. Все это время я ходилъ по камерѣ, размышляя о новомъ сюрпризѣ, который поднесла мнѣ судьба. Правда съ Алексѣевскимъ равелиномъ связывалось много тяжелыхъ представленій: это было самое таинственное и мрачное мѣсто заключенія, нѣчто вродѣ одного изъ круговъ Дантова ада, входя въ который, надо проститься со всякой надеждой. Посаженный сюда арестантъ умиралъ для всего міра. Здѣсь не было никакого закона, кромѣ монаршей воли, и тюрьму эту посѣщали только царь, шефъ жандармовъ и комендантъ крѣпости. Но въ то же время говорили, что здѣсь съ заключенными обращаются самымъ вѣжливымъ образомъ, что здѣшняя библіотека очень богата, что здѣшній столъ чуть не роскошенъ, и прочее, такъ что нельзя даже и сравнить условій равелинскихъ съ централкой, гдѣ съ политическими заключенными обращаются даже болѣе безчеловѣчно, чѣмъ съ уголовными. Тяжело только, что нѣтъ сношеній. Но если они однажды существовали, то и впредь ихъ можно завести (столь я былъ тогда еще наивенъ!). Вѣдь нѣсколько разъ уже проваливались сношенія съ домомъ предварительнаго заключенія и крѣпостью, а ихъ все же возобновляли, и по слухамъ, они существовали до послѣдняго времени. Такъ чего же тужить! Потомъ, съ точки зрѣнія побѣга равелинъ расположенъ столь выгоднымъ образомъ, какъ ни одна другая тюрьма. Стоитъ только взобраться на стѣну, и ищи вѣтра въ полѣ! Значитъ, здѣсь выгоднѣе было, чѣмъ въ

Трубецкомъ. Одно только меня смущало—это сермяга, чер-ный хлѣбъ, обращеніе смотрителя, но я думалъ, что мо-жетъ быть все это продѣлывается на первыхъ дняхъ, чтобы показать заключенному съ одной стороны, что его могутъ согнуть въ бараній рогъ, а съ другой—сильнѣе дать почув-ствовать великодушіе правительства, которое кормитъ сво-ихъ лютыхъ враговъ рябчиками и снабжаетъ ихъ Отече-ственными Записками. Мнѣ припомнилось, что-то въ этомъ родѣ съ *Ширяевымъ*, если только я не спуталъ и его раз-сказъ не относился ко времени въ Трубецкомъ послѣ суда, въ ожиданіи окончательнаго приговора и передъ водворе-ніемъ въ Алексѣевскій равелинъ. Кстати, одинъ изъ примѣ-ровъ прошлой жизни. Лорисъ-Меликовъ, посѣтившій *Нечаева*, распорядился отпустить 500 руб. на покупку книгъ по его собственному выбору. Нечаевъ выписалъ тогда множество разныхъ исторій революцій, а покупка этихъ книгъ была поручена столоначальнику департамента полиціи Клѣточнико-ву, который былъ арестованъ вскорѣ послѣ того (янв. 81 г.), затѣмъ былъ въ числѣ 11 человѣкъ, приговоренныхъ сна-чала къ повѣшенію (процессъ 12-ти народовольцевъ), поса-женъ въ Алексѣевскій равелинъ. Одинъ жандармскій офи-церъ на допросѣ о Нечаевѣ и его сношеніяхъ, сказалъ: „I. что ему было нужно? Обѣдъ получалъ съ комендантскаго стола (?), на прогулку идетъ, подаютъ енотовую шубу. Жур-налы даже читалъ“.... Какъ будто ѣсть рябчиковъ и моро-женное, ходить въ енотѣ и читать Отечественныя Записки – это такое счастье, которое можетъ уравнивать сознаніе сво-его безправія, безнадежности положенія, долголѣтнее, быть можетъ, пожизненное заключеніе....

Но вотъ снова въ коридорѣ послышалась толпа, снова загремѣлъ засовъ и дверь отворилась. Вошелъ Соколовъ, за нимъ два унтера и жандармъ, который утромъ прино-силъ воду. Теперь онъ принесъ ковшъ квасу и вылилъ его въ стоявшую на столѣ кружку, а рядомъ съ ней поставилъ лампочку. „Самъ зажигать долженъ!“ сказалъ Соколовъ, указывая на нее. Въ то же время одинъ изъ унтеровъ по-ставилъ на столъ оловянную миску со щами и такую же тарелку съ гречневой размазней. Соколовъ, не снимая фу-ражки, чего я первое время никакъ не могъ переварить, подошелъ къ столу, и подавая мнѣ бумагу, сказалъ: „Чтобъ

ты зналъ, какія здѣсь правила, я тебѣ даю правила, а вечеромъ возьму обратно". „Хорошо", сухо отвѣтилъ я и, не желая передъ нимъ обнаруживать своего любопытства, сложилъ эту бумагу не читая и положилъ на столъ. Но какъ только дверь захлопнулась, я, конечно, прежде всего торопливо развернулъ, эти правила и результатомъ моего знакомства съ ними было то, что у меня пропалъ всякій аппетитъ, и я, кажется, даже на рябчиковъ не сталъ бы смотрѣть, тѣмъ болѣе на то же самое омерзительное положеніе, какое становилось мнѣ поперекъ горла и въ Трубецкомъ. Эти новыя правила были простымъ перефразомъ тѣхъ самыхъ, которыя мнѣ давалъ читать Лѣсникъ. Та же ссылка на узаконенія о центральныхъ тюрьмахъ, то же выраженіе „временно оставленные", тѣ же „коты, подбитые гвоздями", шапки сермяжнаго сукна „съ отворотомъ на шею", „полушубокъ одинъ, рукавицъ пару" и т. д. Тѣ же розги и шпицрутены, то же милостивое разрѣшеніе выводить на прогулку подъ надлежащимъ карауломъ..... Я невольно опустилъ руки. Мнѣ стало ясно, что здѣсь, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, предѣлъ моихъ странствій и заключеній, выпавшихъ на мою долю неожиданностей. Съ одной стороны, оно, пожалуй, и радовало, потому что теперь ужъ навѣрное, думалось мнѣ, можно сказать, что ничего худшаго со мной болѣе не случится. Но съ другой стороны, это худое было такъ скверно, что это утѣшеніе теряло значительную долю своей цѣнности. Въ концѣ концовъ меня все-таки примиряло нѣсколько съ такимъ положеніемъ то обстоятельство, что я не одинъ сижу здѣсь, и что въ такихъ же условіяхъ живутъ и другіе люди, и терпятъ, и не падаютъ духомъ. Такъ чего же унывать: на людяхъ и смерть красна. Ободрившись этой мыслью, я принялся за размазню. Но увы, оказалось, что размазня, да еще холодная, ни на людяхъ, ни безъ людей, не могла быть красною. И то соображеніе, что ее въ настоящую минуту глотаетъ еще нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей по несчастію, мало улучшало ея отвратительный вкусъ, напоминавшій противный застывшій клейстеръ, такъ что я выбросилъ размазню цѣликомъ и рѣшилъ ограничиться одними щами. Но и они успѣли остыть, пока я предавался меланхолическимъ размышленіямъ, и съѣвши всего 5—6 ложекъ, я отправилъ щи вслѣдъ за

размазней, а затѣмъ принялся ѣсть хлѣбъ, запивая его квасомъ.

Таковъ былъ первый мой обѣдъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Всталъ я изъ-за стола полуголоднымъ и, прохаживаясь по камерѣ, вспомнилъ извѣстное изреченіе Гуфеланда, которое онъ клалъ въ основу гигіены: „держи голову въ холодѣ, брюхо въ голодѣ, а ноги въ теплѣ“. Въ послѣднее время всѣ эти 3 предписанія исполнялись мною самымъ добросовѣстнымъ образомъ, хотя и помимо моего желанія, но до сихъ поръ я еще не замѣчалъ никакихъ признаковъ особенно благодѣтельнаго вліянія такого режима на мой организмъ. Голову отъ холода ломило, брюхо отъ голода стягивало, а ноги страшно прѣли въ суконныхъ портянкахъ, такъ что я просто не зналъ, какъ мнѣ быть. Послѣднее было тѣмъ тяжелѣй, что я никогда не носилъ, даже въ самый сильный морозъ шерстяныхъ носковъ, теплыхъ калошъ и т. п. Ко всему этому еще присоединились мученія, причиненныя тѣмъ ужаснымъ бѣльемъ, которое было на мнѣ надѣто. Согласно правиламъ, заключенному полагались въ годъ три пары рубашекъ и подштанниковъ; а я имѣлъ несчастіе получить бѣлье въ день прибытія, провести затѣмъ въ Трубецкомъ двѣ субботы, а въ каждую изъ нихъ мнѣ выдавали совершенно новую дерюгу, прямо съ иголочки. Въ Алексѣевскомъ равелинѣ у меня взяли ужъ нѣсколько обношенное бѣлье, и дали точно такое же совершенно новое, безпощадно коловшее и рѣзавшее мое тѣло. На немъ появились уже красныя пятна, очень большія, и я боялся, что скоро тѣло будетъ, пожалуй, въ кровь растерто. Походивъ немного, я легъ на кровать и сталъ прислушиваться. Меня поразила тишина, царившая здѣсь. Въ Трубецкомъ бывало такъ тихо только по ночамъ. А здѣсь за исключеніемъ утра, когда водили гулять и посѣщалъ больныхъ докторъ, постоянно стояла гробовая тишина, развѣ только изрѣдка звякнетъ шпора или послышатся осторожные шаги унтера, подкрадывающагося къ двери. Нужно замѣтить, что какъ караулъ, такъ и тюремные надзиратели, были изъ жандармовъ. Надзирателей было четыре, и они дежурили попарно черезъ сутки. Жандармы, занимавшіе и внутренніе и внѣшніе посты, составляли особую команду, которая и жила тутъ же въ равелинѣ. Меня очень смѣшило, что начальство находило нуж-

нымъ прятать насъ отъ тѣхъ самыхъ жандармовъ, которые насъ караулятъ. Когда отворялась дверь, а это было при всякой раздачѣ пищи и всякомъ посѣщеніи Соколова (ибо форточка въ дверяхъ была задѣлана наглухо), часовой отходилъ въ сторону такъ, чтобы не находиться противъ двери.

Когда выводили гулять, часовой долженъ былъ удаляться вглубь коридора, прочь отъ той камеры, изъ которой выходилъ заключенный. На прогулкѣ присутствовалъ одинъ и тотъ же унтеръ, а квасъ раздавалъ одинъ и тотъ же жандармскій рядовой. Конспирація была великая, но въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ ревелинѣ стали дѣлать не малое послабленіе, а именно: часовые въ коридорѣ получили разрѣшеніе не бѣгать отъ насъ, какъ черти отъ ладана и при нашемъ приближеніи только сходили съ половика въ сторону къ стѣнѣ. Унтера-надзиратели никогда не входили въ камеру безъ Соколова, недовѣрявшаго ключа никому изъ нихъ, но и самъ онъ не имѣлъ права заходить къ арестанту и говорить съ нимъ съ глазу на глазъ.

Наступилъ вечеръ. Часовъ въ 7 снова явился Соколовъ со свитой и, протягивая руки къ лежавшимъ на столѣ правиламъ, со злобной улыбкой спросилъ меня: „Прочелъ?“ — „Прочелъ“, отвѣчалъ я: „и хочу сдѣлать нѣсколько вопросовъ.“—„Напримѣръ?“ —„Напримѣръ: по чьему распоряженію я сюда посаженъ?“—„Не знаю, да и не имѣю права отвѣчать на такой вопросъ“.—„Затѣмъ: будетъ ли комендантское управленіе доставлять обо мнѣ свѣдѣнія моимъ роднымъ, если они сдѣлаютъ запросъ?“ — „Ни въ какомъ случаѣ не будетъ“. — „Ну, а какъ слѣдуетъ понимать слова правилъ: «временно-оставленные?» Сколько времени будутъ держать?“— „Будешь сидѣть, пока прикажутъ, вотъ и все... На меня, добавилъ онъ нѣсколько помолчавъ, сердиться нечего: я исполняю, что велятъ. Велятъ тебя держать,—буду держать; велятъ выпустить, — сейчасъ выпущу“. Тутъ онъ выпучилъ глаза и широко развелъ руками, какъ бы желая наглядно изобразить широкій просторъ свободы, которую онъ готовъ мнѣ предоставить... если только это будетъ ему приказано. „Я“, продолжалъ онъ „сдѣлаю все, что законъ дозволяетъ: вотъ библія разрѣшается, и когда разрѣшатъ, библію дамъ“. „А прогулка?“—„Это не отъ меня зависитъ. Когда разрѣ-

шатъ, буду водить“, и онъ повелъ по воздуху ключомъ, какъ капельмейстеръ своей палочкой. Вообще нужно сказать, что этотъ ключъ для Матвѣя Ефимовича былъ чѣмъ-то въ родѣ жезла Аарона. Онъ всегда носилъ его при себѣ, ибо камеру запиралъ и отпиралъ самъ собственноручно, не довѣряя столь важной служебной функціи надзирателямъ, и во время разговора любилъ держать его въ рукѣ, какъ будто затѣмъ, чтобы еще болѣе усилить свою жестикуляцію. Онъ такъ и вращался въ моей памяти съ этимъ ключомъ въ правой рукѣ, и я полагаю, что какъ апостола Петра, такъ и Матвѣя Ефимовича нужно всегда рисовать не иначе, какъ съ ключомъ. Продолжать разговоръ, очевидно, не имѣло смысла, да и тяжело было мнѣ бесѣдовать съ этимъ удавомъ. Я замолчалъ, и Матвѣй Ефимовичъ молодцевато повернулъ налѣво кругомъ вслѣдъ за своими унтерами. Такъ какъ обѣдъ я выбросилъ почти цѣликомъ, то сильно проголодался и опорожнилъ всю миску помоевъ, которые мнѣ дали. Послѣ ужъ я обратилъ вниманіе на то, что здѣсь посуду не берутъ изъ камеры, какъ это дѣлается въ Трубецкомъ, а оставляютъ ее, предоставляя заключенному мыть самому, какъ онъ умѣетъ, и такъ какъ горячей воды намъ не давали, то, понятно, держать посуду въ должной чистотѣ было невозможно: отмоешь развѣ сало холодной водой! Тутъ я замѣтилъ, что на мискѣ стоитъ клеймо А. Р. 1814 г., а на тарелкѣ Ш. К. 1821 г. (Шлиссельбургская крѣпость). Когда тамъ перестали держать политическихъ, то все тюремное имущество было передано въ Алексѣевскій равелинъ. Сколько-то людей ѣли изъ этой древней посуды! Кто были эти люди? Чѣмъ они кончили?

Второе, что я подмѣтилъ въ этотъ вечеръ, было громадное количество воды, накоплявшейся у меня на подоконникѣ. Я принужденъ былъ вычерпать ее ложкой, но черезъ часъ весь подоконникъ былъ снова залитъ водой, сбѣгавшей съ него на полъ тонкою струйкой. Утромъ оказалось, что на полу стоитъ цѣлая лужа, и Соколовъ, замѣтившій это, далъ мнѣ на другой день большую тряпку, которая съ тѣхъ поръ постоянно лежала у меня на окнѣ, и когда она пропитывалась водою, я выжималъ ее въ раковину. Это занятіе служило мнѣ нѣкоторымъ развлеченіемъ, и вначалѣ мнѣ было интересно слѣдить за образованіемъ лужъ, измѣрять

кружкой, за неимѣніемъ дождемѣра, количество „атмосферическихъ осадковъ“, скопляющихся въ моемъ жилищѣ, и выводить среднія цифры за извѣстный періодъ времени. Но скоро это стало мнѣ надоѣдать, и при томъ невольно приходило въ голову, что пребываніе въ такомъ сыромъ помѣщеніи можетъ окончиться серьезной болѣзнію. Черезъ день у меня явилось еще новое развлеченіе: жандармъ принесъ громадную швабру, и Соколовъ, указывая на нее ключомъ, изрекъ: „самъ подметать долженъ, а послѣ унесутъ“. Первое время я очень усердно мылъ полъ каждое утро, но послѣ, замѣтивъ, что это усиливаетъ сырость, сталь лишь подметать его, да и то кое-какъ.

Въ этотъ же день я вступилъ въ сношеніе съ моимъ единственнымъ сосѣдомъ, *Щедринымъ*, сидѣвшимъ въ № 4 (по другую сторону, рядомъ съ моей камерой помѣщался цейхгаузъ). Я самъ не началъ стучать, не зная ни здѣшнихъ порядковъ, ни расположенія камеръ, ни всего прочаго, и очень основательно разсуждалъ, что если у меня есть сосѣди, то они навѣрно замѣтили мое появленіе и сами вызовутъ меня. Такъ и случилось. Послѣ обѣда, когда я уже началъ было дремать на постели, до моего слуха долетѣли звуки легкаго стука на манеръ барабанной дроби. Сердце мое забилось отъ волненія. Я быстро вскочилъ съ постели, и, остановившись среди камеры, началъ прислушиваться... „Кто Вы, кто Вы, кто Вы?„—И опять дробь. Теперь было ясно, что это спрашиваетъ сосѣдъ изъ № 4. Я подошелъ къ стѣнѣ и отвѣтилъ: „Поливановъ, а Вы?“—„Щедринъ“.—„Здравствуйте!“ Мы съ нимъ нѣсколько разъ встрѣчались на волѣ, и у насъ было очень много общихъ знакомыхъ, о которыхъ онъ сейчасъ же сталъ спрашивать. Я сперва началъ было съ нимъ конспирировать, нѣсколько не довѣряя тому, что онъ дѣйствительно то лицо, за которое себя выдаетъ: вѣдь черезъ стѣну и шпіонъ можетъ такъ назваться, тѣмъ болѣе, что я читалъ приговоръ Щедрина, зналъ о его путешествіи въ Сибирь, слышалъ и кое-что въ газетахъ читалъ о его Иркутской исторіи, новомъ судѣ, новомъ смертномъ приговорѣ, новомъ помилованіи и былъ увѣренъ въ томъ, что онъ. находится на Карѣ *).

*) Николай Павловичъ Щедринъ, присужденный въ 81 году въ

Но скоро изъ его вопросовъ я убѣдился въ неосновательности моихъ подозрѣній и спросилъ его, какимъ же образомъ онъ очутился здѣсь? Онъ разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ Карійскую исторію *) и перечислилъ остальныхъ привезенныхъ съ нимъ (Поповъ, Волошенко, Орловъ— оба послѣ 83 года увезены изъ Трубецкого опять въ Сибирь). Буцинскій умеръ въ Шлиссельбургѣ въ іюлѣ 91 года, Кобылянскій умеръ въ Шлиссельбургѣ въ январѣ 86 г., Геллисъ умеръ въ Шлиссельбургѣ въ февралѣ 86 года. Въ Петербургѣ его, Попова и *Иг. Иванова* посадили въ равелинъ, а остальныхъ въ Трубецкой бастіонъ.

— „Какъ я радъ, сказалъ онъ въ заключеніе, что вы теперь тутъ, а то до сихъ поръ я чувствовалъ себя, какъ въ могилѣ. А знаете ли, насъ держали въ кандалахъ, меня же, кромѣ того, прикованнымъ къ тачкѣ, и только недавно расковали и стали водить на прогулку.

Кіевѣ по дѣлу южно-русскаго рабочаго союза къ повѣшенію, а затѣмъ помилованный, былъ отправленъ въ Сибирь. Сидя въ Иркутскомъ острогѣ, онъ далъ пощечину полковнику Соловьеву (чиновнику особыхъ порученій при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ, который велѣлъ посадить въ карцеръ за разговоры съ товарищами черезъ окно двухъ дамъ — Ковальскую и Богомолецъ — осужденныхъ по одному съ нимъ процессу). Его снова приговорили къ смертной казни, только на этотъ разъ черезъ разстрѣляніе; но генералъ-губернаторъ помиловалъ его, замѣнивъ казнь прикованіемъ къ тачкѣ и увеличеніемъ срока пребыванія въ разрядѣ испытуемыхъ. Послѣ этого онъ былъ отправленъ на Кару.

*) Т. е. неудачный побѣгъ съ Кары въ маѣ 82 года 8-ми человѣкъ, которые всѣ были пойманы, изъ нихъ Мышкинъ и Хрущевъ уже во Владивостокѣ, куда они добрались благополучно. Юрковскій и трое его товарищей были взяты казаками въ тайгѣ на берегу Аргуни, а Крыжановскій и Минаковъ, которыхъ онъ считалъ виновниками неудачи, пробродивъ ночь по кустамъ и пустырямъ въ окрестностяхъ Кары, утромъ сами пришли къ смотрителю, понимая безнадежность своего положенія.

Начальство, взбѣшенное побѣгомъ, отобрало собственныя вещи и книги заключенныхъ. Все это было продано съ аукціона, а деньги были употреблены на покрытіе расходовъ по поимкѣ. За каждаго изъ бѣжавшихъ было назначено 500 руб. вознагражденія, и цѣлыя деревни, отъ мала до велика, бросивши хозяйство и полевыя работы, уходили въ тайгу на ловлю бѣглецовъ. Черезъ нѣсколько дней ночью начальство ворвалось къ заключеннымъ чуть не съ цѣлой сотней казаковъ. Ихъ всѣхъ перевязали, при чемъ сопротивлявшихся били прикладами. 20 человѣкъ отобрали и перевели въ другую тюрьму, гдѣ раньше были одни уголовные, а 8 по распоряженію изъ Петербурга привезли въ сентябрѣ въ Петропавловку.

„Ну, а какъ Вы себя чувствуете?“ Я отвѣтилъ, какъ всегда говорятъ въ такихъ обстоятельствахъ, т. е. чувствую себя хорошо. „Но, прибавилъ я, чувствовалъ бы себя еще лучше, если бы былъ въ другомъ мѣстѣ“.

— „Я думаю“, утѣшалъ меня Щедринъ, „больше года насъ не продержатъ, а переведутъ въ централку. Тамъ гораздо лучше“.

„Ну, подумалъ я, вспоминая все, что я слышалъ о варварствахъ, совершающихся тамъ: хороши же должно-быть здѣшніе порядки, если централка ему кажется чуть ли не землей обѣтованной, куда насъ переведутъ,—легко сказать!—черезъ годъ.“—„А каковъ смотритель?“ спросилъ я Щедрина подъ вліяніемъ этой мысли.

— „Скотъ“, былъ короткій отвѣтъ.

Затѣмъ, поговоривъ еще о моемъ дѣлѣ, о которомъ Щедринъ ничего не зналъ, мы разстались, услышавъ, какъ скрипнула дверь, ведущая изъ подворотни въ нашъ корридоръ. Черезъ минуту послышались легкіе шаги крадущагося унтера, поднялась заслонка, и въ стеклышкѣ показался зрачекъ „недреманнаго ока“, которое, узрѣвъ все въ настоящемъ порядкѣ, немедленно скрылось.

Вообще нужно сказать, что, несмотря на всѣ строгости и мелочную бдительность нашихъ стражей, стучать въ равелинѣ было гораздо удобнѣе, чѣмъ въ Трубецкомъ, не говоря ужъ о нашемъ Шлиссельбургѣ. Дѣло въ томъ, что въ равелинѣ нельзя было стучать черезъ камеру, ибо полы были деревянные, и звукъ, слѣдовательно, не могъ распространяться. А стучать въ наружную стѣну было ужъ слишкомъ громко, такъ что приходилось ограничиваться бесѣдой со своими ближайшими сосѣдями, сидѣвшими рядомъ, а такой тихій стукъ былъ совершенно не слышенъ часовому, расхаживавшему посрединѣ коридора. Къ дверямъ же часовые подходить не имѣли права. Затѣмъ, шаги Матвѣя Ефимовича, носившаго постоянно щегольскіе сапоги „со скрипомъ“, да еще вдобавокъ со шпорами, были при самомъ незначительномъ вниманіи легко различимы, и ему, кажется, никогда не удавалось „поймать“ стучащихъ. Унтеровъ было всего четверо, и они, какъ я уже говорилъ, дежурили по парамъ черезъ сутки, а такъ какъ при раздачѣ пищи обяза-

тельно присутствовали оба, то въ это время стучать было можно совершенно спокойно, и два раза въ день мы имѣли для разговора 10-15 минутъ, въ теченіе которыхъ были гарантированы отъ опасности быть уличенными въ этомъ преступномъ дѣяніи. Кромѣ того, унтерамъ было много работы. Всякое лицо,—докторъ, самъ Соколовъ, истопникъ съ его салазками дровъ, хлѣбодаръ со своей двухколесной ручной телѣжкой,—словомъ, всякій безъ исключенія человѣкъ отъ воротъ равелина до воротъ крѣпости и наоборотъ шелъ непремѣнно въ сопровожденіи разводящаго унтеръ-офицера изъ жандармскаго караула и одного надзирателя, такъ что съ однимъ этимъ хожденіемъ имъ было много хлопотъ, и онѣ отнимали много времени. Послѣ, когда я сидѣлъ въ № 3, мнѣ хорошо были видны черезъ вентиляторъ ворота крѣпости, дорога, ведущая къ нашему заповѣдному уголку, мостъ, переброшенный черезъ проливчикъ, отдѣляющій нашъ островъ отъ крѣпости, и я замѣтилъ, что этой свитѣ частенько приходилось ждать у крѣпостныхъ воротъ минутъ 10, а то и болѣе, особенно по утрамъ, когда Соколовъ являлся съ рапортомъ къ коменданту. Я слышалъ еще на волѣ, что съ давнихъ поръ высшая власть, желая держать заключенныхъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ полной изолированности отъ внѣшняго міра, ставила и служащихъ въ немъ тюремщиковъ въ положеніе, которое во многихъ отношеніяхъ походило на положеніе арестанта. Напримѣръ, смотритель не имѣлъ права отлучаться изъ равелина не только куда-нибудь въ городъ,—чѣмъ пользовался въ теченіе 3-хъ дней въ году смотритель Трубецкого бастіона, но даже и въ самой крѣпости, и для сношеній его съ внѣшнимъ міромъ служила особая комната въ крѣпостной стѣнѣ. (Входъ въ нее находился подъ воротами, выходящими на дорогу въ равелинъ, и когда насъ увозили оттуда, я замѣтилъ дверь этого входа). Далѣе этой комнаты онъ не имѣлъ права итти, и всѣ лица, имѣющія нужду или право видѣть смотрителя, начиная отъ коменданта и кончая его супругой, приходятъ на свиданіе къ нему въ это помѣщеніе. На прогулкѣ обязательно присутствовалъ одинъ изъ надзирателей, а другой вмѣстѣ съ Соколовымъ водилъ и уводилъ заключенныхъ. Вообще заботъ и бѣготни имъ было много, и такъ какъ они дежурили подрядъ 24 часа, то нужно было время, чтобы

пообѣдать, напиться чаю, соснуть, наконецъ, и они не могли такъ безотлучно торчать у нашихъ дверей, какъ это дѣлаютъ Шлиссельбургскіе аргусы. Да и когда они подходили къ двери, почти всегда отлично было слышно, потому что валенокъ они не носили, а какъ ни старайся стучать осторожно, все же привычное ухо уловитъ скрипъ или стукъ сапогъ. Сами унтера это, видимо, сознавали и иногда прибѣгали къ ребяческой уловкѣ, бывшей, по крайней мѣрѣ, относительно меня вполнѣ безуспѣшной. Она заключалась въ томъ, что унтеръ шелъ по коридору громкими быстрыми шагами, желая, чтобы его сочли за ламповщика либо истопника, и вдругъ неожиданно бросался къ какой-нибудь двери. Все это продѣлывалось такъ неуклюже и такъ несуразно, что я сразу же замѣтилъ, въ чемъ тутъ дѣло, и всегда успѣвалъ во время отскочить отъ стѣны.

Отвести душу въ разговорѣ со своимъ товарищемъ по заключенію, человѣкомъ близкимъ тебѣ по складу понятій, по своему прошлому, по своимъ надеждамъ на будущее, — конечно, составляетъ большую отраду. Но на меня первый же разговоръ съ Щедринымъ произвелъ удручающее впечатлѣніе, и чѣмъ больше мы съ нимъ бесѣдовали, тѣмъ мрачнѣй и мрачнѣй становилось на сердцѣ. Тяжелыя вѣсти о погромахъ, неудачахъ, разбитыхъ надеждахъ, безплодно погибшихъ силахъ, вѣсти, которыя такъ мучительно было слышать на волѣ, преслѣдовали меня въ тюремныхъ стѣнахъ. Все, что мнѣ разсказывалъ Щедринъ, было очень печально. Неудачные побѣги, массовые аресты въ Сибири, провалъ всего сибирскаго пути, начиная отъ Перми и вплоть до Иркутска. Арестовано тогда около 40 человѣкъ, между ними учитель Иркутской женской гимназіи *Неустроевъ*, давшій пощечину генералъ-губернатору Анучину, который посѣтилъ его въ острогѣ и сталъ грубо упрекать его въ томъ, что онъ, человѣкъ, учившійся на средства правительства (Неустроевъ былъ стипендіатомъ), измѣнилъ ему и пошелъ противъ него. За это Неустроевъ былъ приговоренъ къ военному суду и разстрѣлянъ. Слухи о продолжающихся арестахъ по всей Россіи, слухи о малодушіи и предательствѣ многихъ арестованныхъ... Словомъ чуть не каждый день я узналъ отъ него какую-нибудь прискорбную новость, да и самъ я

могъ сообщить ему мало отраднаго *), стараясь на его распросы отвѣчать болѣе теоретическими соображеніями о широкомъ распространеніи революціонныхъ идей въ русской интеллигенціи, вслѣдствіе чего тамъ всегда можно найти необходимый контингентъ для веденія террористической борьбы, результатомъ которой будетъ дезорганизація правительства, признаніе имъ невозможности итти противъ духа времени, противъ назрѣвшей въ обществѣ потребности въ политической свободѣ, а это, въ связи съ финансовымъ разстройствомъ и экономической неурядицей, заставитъ царя дать конституцію. Но это еще самый скромный результатъ, партія можетъ снова возродиться, накопить новый запасъ силъ и направиться къ цѣли болѣе твердыми шагами и болѣе опредѣленнымъ путемъ, совершить государственный переворотъ, захватить власть въ свои руки... И я начиналъ даже излагать свою программу дѣйствій временнаго правительства, къ чему Щедринъ относился весьма скептически, и положительно высказывалъ, что не питаетъ никакого довѣрія къ партіи и не считаетъ возможнымъ осуществить революціоннымъ путемъ даже самыхъ умѣренныхъ цѣлей, а вѣритъ лишь въ давленіе общественнаго мнѣнія, какъ русскаго, такъ и европейскаго, которое, дѣйствительно, можетъ принудить правительство дать конституцію, а о переворотѣ и думать нечего. Мы съ нимъ спорили по цѣлымъ часамъ и расходились при шорохѣ жандармскихъ шаговъ, не только не убѣдивъ другъ друга въ чемъ бы то ни было, но даже не успѣвши высказать и чертвертой доли того, что хотѣлось. Мнѣ впервые приходилось вести подобные споры стукомъ и понятно, что невозможность вполнѣ высказаться меня очень досадовала, и не мало я перепортилъ крови, пока освоился съ этимъ способомъ обмѣна мыслей и привыкъ спокойно относиться къ его неудобствамъ.

*) Погромы въ Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ (январь—май) и, наконецъ, аресты въ Петербургѣ (въ іюнѣ) динамитной мастерской съ готовыми бомбами для предполагавшагося покушенія на Александра III, которое было организовано *Грачевскимъ* и другими, тутъ и погибшими. Московскіе аресты были такъ страшны, что многіе стали объяснять ихъ провокаціей. А въ С.-Петербургѣ Судейкину удалось внести деморализацію въ студенческую среду, изъ которой вышло не мало шпіоновъ и агентовъ-провокаторовъ.

VI.

Нѣсколько дней спустя, я завелъ еще два новыхъ знакомства, а именно: съ поручикомъ Яковлевымъ, который замѣнялъ Соколова, когда тотъ бывалъ боленъ или праздновалъ, какъ мнѣ иногда казалось, свой шабашъ (онъ выкрестъ изъ евреевъ), и съ докторомъ Вильмсомъ. Первый изъ нихъ поразилъ меня своей необъятной, просто болѣзненной толщиной, особенно бросавшейся въ глаза, потому что онъ былъ человѣкъ молодой, и прозвище „Бочка“, которымъ его обыкновенно величали, шло къ нему какъ нельзя лучше.

Въ мартѣ 1902 года онъ уже въ чинѣ полковника занялъ мѣсто главнаго тюремщика въ Шлиссельбургской крѣпости (подъ оффиціальнымъ званіемъ начальника шлиссельбургскаго жандармскаго управленія). Съ первыхъ же дней онъ проявилъ себя тѣмъ, чѣмъ и былъ всю свою жизнь, т. е. душителемъ. Прозвище „Бочка“ такъ и сохранилось за нимъ до самаго конца, и попытка смѣнить его на болѣе деликатное и болѣе выразительное: „констрикторъ“ (боа) осталось безъ успѣха.

Второй же—совершенный старикъ, сутуловатый, сѣдой, какъ лунь, и сухой, какъ палка, поразилъ меня своею грубостью и нахальствомъ. Все время съ начала лѣта 82 года мнѣ какъ-то недомогалось: то катарръ, то нервное разстройство, то лихорадка, въ пароксизмѣ которой мнѣ пришлось ѣхать на злополучное освобожденіе и быть арестованнымъ. Понятно, что тюрьма не могла улучшить состоянія моего здоровья. Я расхворался еще пуще, особенно послѣ суда, когда у меня появился флюсъ и лихорадка усилилась до того, что я слегъ въ постель. Затѣмъ привязался ревматизмъ, и только что я оправился и принялся за систематическое леченіе, какъ меня увезли въ Петербургъ.

Теперь ревматизмъ снова началъ меня мучить, и на кистевомъ сочлененіи появилась замѣтная опухоль, что заставило меня обратиться къ смотрителю съ просьбой привести зо мнѣ доктора, если завтра онъ будетъ здѣсь. Дѣло было ка ужиномъ.—„А что у тебя болитъ?“ Спросилъ изъ коризора Яковлевъ, замѣнявшій въ этотъ день Соколова. Я скадалъ.—„А ну, покажи“, и онъ вошелъ ко мнѣ въ камеру.

Я пришелъ было въ изумленіе и сталъ ему объяснять, что мнѣ нуженъ докторъ, а не жандармскій офицеръ, хотя бы сей послѣдній и былъ хорошимъ костоправомъ. Но оказалось, что по правиламъ Алексѣевскаго равелина къ арестанту докторъ допускается лишь по усмотрѣнію смотрителя, который предварительно самъ долженъ убѣдиться, что заключенный дѣйствительно боленъ, и его просьба заслуживаетъ удовлетворенія. Пришлось показать руку. Яковлевъ взглянулъ и что-то промычалъ, чуть ли не „это пустяки“, но все же на другой день привелъ ко мнѣ Вильмса. Когда отворилась дверь, и ко мнѣ въ камеру вошелъ, опираясь на палку, старикъ съ генеральскими погонами, который, не снимая фуражки, грубо спросилъ меня или скорѣе крикнулъ: „что у тебя болитъ?“—я былъ такъ озадаченъ, что не сразу отвѣтилъ. Мнѣ какъ-то не вѣрилось, что это и есть тотъ самый докторъ, котораго я желалъ видѣть. Въ его манерѣ, въ его голосѣ было что-то такое отталкивающее, наглое, что совсѣмъ не вязалось съ представленіемъ о врачѣ—лицѣ, получившемъ высшее образованіе, и назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы облегчать людскія страданія. Сначала у меня мелькнула даже мысль, что это комендантъ или какое другое начальство. Наконецъ, я отвѣтилъ, что у меня ревматизмъ и началъ говорить о томъ, что я чувствую. — „Да это ощущеніе“, процѣдилъ сквозь зубы докторъ, перебивъ меня на половинѣ фразы: „мнѣ объективные признаки нужны“. — „Вотъ, смотрите, опухоль“. Онъ ткнулъ въ нее пальцемъ, дернулъ кисть моей руки и молча повернулся ко мнѣ спиной.—„Пришлите же мнѣ хоть іоду“, сказалъ я ему вслѣдъ.—„Объективныхъ признаковъ мало: только незначительное расширеніе сосудовъ. Ничего не пришлю“, отвѣчалъ онъ, не обарачиваясь, и стуча палкой, вышелъ изъ камеры. Я почувствовалъ себя такъ униженнымъ, такъ поруганнымъ, что весь день проходилъ, какъ въ чаду, и въ моихъ ушахъ постоянно звучалъ рѣзкій старческій голосъ этого достойнаго сподвижника Соколова, который такъ нахально издѣвается надо мной и такъ безнаказанно меня оскорбляетъ. Я подѣлился моимъ впечатлѣніемъ съ Щедринымъ, и онъ утѣшилъ меня короткой фразой: „всѣ они скоты!“—„И этотъ молодой офицеръ?“ — „Онъ еще хуже' смотрителя“. „Ну, хороша здѣсь подобралась компанія, думалъ я, отходя отъ

стѣны и силясь заглушить нанесенное мнѣ поруганіе универсальнымъ средствомъ, о которомъ я уже упомянулъ, т. е. ходьбой изъ угла въ уголъ до изнеможенія. На другой день мнѣ дали библію, и когда Соколовъ, вновь вступившій въ отправленіе своихъ обязанностей, замѣтилъ ее у меня на столѣ, то удостоилъ меня благосклоннымъ вопросомъ: — „Что, библію получилъ?“ „Получилъ“, говорю я. — „Ну, хорошо, религіозность никогда не мѣшаетъ“, уже совершенно отеческимъ тономъ замѣтилъ мнѣ Иродъ (такъ впослѣдствіи звали у насъ Соколова). „Боже мой, Боже мой, подумалъ я, только еще этого недоставало! Ну, какъ онъ начнетъ читать мнѣ духовныя, назидательныя поученія, и я долженъ буду ихъ слушать!“ — „А что, когда же я буду гулять?“ поспѣшилъ я перемѣнить разговоръ.

— „Когда разрѣшатъ, буду водить; ясно?“ переходя снова на начальническій тонъ, сказалъ Иродъ. — „Вполнѣ ясно“, согласился я съ нимъ, и съ тѣхъ поръ не тревожилъ Матвѣя Ефимовича никакими разспросами, тѣмъ болѣе, что наканунѣ я спросилъ о прогулкѣ Яковлева, и тотъ сказалъ, что это зависитъ отъ коменданта. Оставалось, значитъ, ждать, когда Ганецкому будетъ угодно разрѣшить мнѣ эту великую милость, которую Щедринъ ждалъ 2 мѣсяца, а осужденные по процессу 20-ти (Суханова) — даже цѣлыхъ полъ года, какъ мнѣ послѣ говорилъ Колодкевичъ. Другіе Карійцы тоже 2 мѣсяца не имѣли прогулки. Кромѣ того были въ кандалахъ, которые сняли недавно передъ моимъ появленіемъ. А Щедринъ сверхъ того былъ еще прикованъ къ тачкѣ, согласно приговору военнаго суда въ Иркутскѣ. Онъ разсказывалъ, какъ большой курьезъ, что когда его отправляли въ дорогу, оказалось невозможнымъ усадить его въ повозку вмѣстѣ съ тачкой. Пришлось отковать: его везли на тройкѣ съ жандармами, а сзади на другой телѣгѣ ѣхала его тачка, что, по словамъ Щедрина, производило большой эффектъ по всей Сибири.

По приводѣ въ равелинъ, Соколовъ сказалъ ему: „тебя нужно приковать къ тачкѣ; какъ ты желаешь: просто или съ церемоніей?“—„Т. е. какъ это съ „церемоніей“?, спросилъ Щедринъ, предполагая при этомъ участіе власти и торжественную обстановку.

— „А придутъ и свяжутъ“, кратко разрѣшилъ Соколовъ его недоумѣніе.

Я оказался счастливѣе всѣхъ. Числа 6-го декабря, черезъ двѣ съ половиной недѣли послѣ моего прибытія въ Алексѣевскій равелинъ, утромъ жандармы принесли мнѣ полушубокъ, и Соколовъ торжественнымъ тономъ объявилъ: „Такъ какъ ты тихо себя ведешь, то прогулка тебѣ разрѣшается!“ Я сталъ торопливо одѣваться (меня застали еще въ постели). И накинувъ полушубокъ, вышелъ въ коридоръ вслѣдъ за Соколовымъ. Мы двинулись налѣво, спустились въ ту самую подворотню, по которой я прошелъ въ памятную для меня ночь моего прибытія въ равелинъ, и сейчасъ же свернули направо.

Соколовъ отперъ ключемъ дверь, выходившую въ садикъ и сказавъ: „Ходить можно прямо“, указалъ на дорожку, имѣвшую видъ траншеи, проложенной въ снѣгу *): Было еще темно, и я, очевидно, пришелъ на прогулку первымъ, такъ какъ спугнулъ ворону, пріютившуюся на ночлегъ въ развѣсистыхъ вѣтвяхъ большой старой липы, росшей въ этомъ садикѣ. Съ глухимъ карканьемъ, тяжело хлопая своими широкими крыльями и неуклюже вытянувъ длинныя ноги, взлетѣла потревоженная птица, отряхивая съ оледенѣвшихъ вѣтвей гирлянды насѣвшаго на нихъ инея и снѣга, который, плавно кружась въ воздухѣ, медленно опускался на землю большими хлопьями, похожими на комки ваты. Ворона сѣла на конецъ крыши, оглянулась на всѣ стороны, почистила клювъ и, каркнувъ еще разъ-другой, полетѣла искать себѣ завтрака. Я къ воронамъ и всему ихъ вороньему роду никогда не питалъ особенной любви и частенько ихъ подстрѣливалъ, просто чтобы ружье разрядить, возвращаясь съ охоты, или въ дѣтствѣ—для практики стрѣльбы въ летъ. Но здѣсь я сразу же почувствовалъ къ этой воронѣ самое сердечное влеченіе. Нѣсколько удивленный такимъ приливомъ нѣжныхъ чувствъ по отношенію къ существу, которое я когда-то безжалостно преслѣдовалъ, я сталъ перебирать всѣ тѣ свойства отрицательнаго характера, за которыя воронъ не жалуютъ. Но достаточно было промелькнуть въ головѣ мысли, что на ней нѣтъ голубого мундира, и я понялъ, что

*) См. планъ.

имѣю несомнѣнное основаніе для такой неожиданной симпатіи.

Проводивши ворону завистливымъ взглядомъ, я сталъ осматриваться, и не сразу могъ все разобрать, такъ какъ было еще совершенно темно. Мѣсто прогулки представляло изъ себя почти правильный равнобедреный треугольникъ, ограниченный со всѣхъ трехъ сторонъ стѣнами зданія нашей тюрьмы. Высота этого треугольника, т. е. длина дорожки отъ ступенекъ входа, идущаго изъ подворотни, до вершины угла, равнялась 39 шагамъ. Снѣгу выпало въ этомъ году очень много, и весь этотъ маленькій садикъ былъ имъ заваленъ. Для прогулки была расчищена лишь одна продольная дорожка, и снѣгъ по обѣимъ сторонамъ ея лежалъ валами, болѣе полутора аршина высоты. Направо и налѣво отъ дорожки въ срединѣ садика находились двѣ круглыя клумбы, за которыми были поставлены чугунныя садовыя скамейки. Одна изъ клумбъ (лѣвая) такъ и оставалась занесенной снѣгомъ до весны. А къ первой черезъ нѣсколько дней проложили дорожку и очистили нѣкоторое пространство около скамейки, такъ что можно было посидѣть на ней. Растительность была очень богата. Особенно это было замѣтно лѣтомъ, когда все цвѣло, зеленѣло, благоухало. Но и теперь было видно, что здѣсь росли кромѣ липы, о которой я упомянулъ, четыре яблони, выросшія изъ сѣмянъ, посаженныхъ декабристомъ Батенковымъ, десять березъ, высокихъ, но не очень толстыхъ, жадно тянувшихся вверхъ къ свѣту, къ солнцу, къ жизни, со дна этого колодца, окруженнаго каменными стѣнами. Затѣмъ бузина, сирень, малина, смородина, маленькая елочка, видимо недавно посаженная, можетъ быть, кѣмъ-либо изъ нашихъ ближайшихъ предшественниковъ (Ширяевымъ либо Нечаевымъ),—все это разрослось очень пышно, кромѣ бѣдной елочки, которая имѣла очень хилый и жалкій видъ, словно тоскуя о родномъ просторѣ мшистыхъ болотъ. Липа съ перваго раза поразила меня. Оказалось, что она была моя старая знакомая.

Поздней осенью 78 года, какъ разъ въ день моего ареста, я переѣзжалъ на пароходикѣ съ Петербургской стороны на Гагаринскую набережную. По рѣкѣ въ это время шло довольно густое сало, и дулъ свѣжій вѣтеръ. Бороться съ тѣмъ и другимъ было довольно трудно нашему слабосиль

ному пароходику. Кочегаръ усердно подбрасывалъ уголь, капитанъ махалъ руками, кричалъ и плевался. Но все это мало помогало: пароходъ свистѣлъ, шипѣлъ, пыхтѣлъ, и межъ тѣмъ его болѣе и болѣе сносило по теченію. Льдины скоплялись подъ бортомъ и съ трескомъ напирали на него. Наконецъ, онъ врѣзался въ такую большую льдину, что не былъ въ силахъ перерѣзать ее пополамъ. Дали задній ходъ и стали искать прохода среди ледяныхъ полей. Это была въ миніатюрѣ одна изъ обычныхъ сценъ, сопровождавшихъ полярныя плаванія, и я отъ души смѣялся надъ нашимъ „искателемъ пути среди льдовъ". Межъ тѣмъ пароходъ все пятился и спускался, и наконецъ, мы очутились саженяхъ въ 15-ти отъ крѣпости. Я никогда еще не былъ такъ близко къ стѣнамъ этой ея части и сталъ съ любопытствомъ разсматривать все окружающее. Между прочимъ, мое вниманіе привлекъ маленькій островокъ, лежавшій въ глубинѣ пространства межъ Трубецкимъ бастіономъ и тѣмъ, который обращенъ къ Васильевскому острову (онъ, кажется, называется Зотовъ). Этого островка я прежде какъ-то не замѣчалъ. Должно быть онъ, если смотрѣть со стороны рѣки, сливается съ Васильевскимъ островомъ, благодаря своимъ незначительнымъ размѣрамъ, незначительной высотѣ своихъ построекъ и незначительной ширинѣ канала, отдѣляющаго его отъ крѣпости. Насъ, затѣмъ, снесло такъ далеко въ глубину Малой Невы, что когда мы снова двинулись впередъ, то должны были пройти мимо этого островка на довольно близкомъ разстояніи. Прежде всего меня поразила форма построекъ, находившихся на немъ: онѣ имѣли видъ невысокаго одноэтажнаго двойного треугольника, при чемъ внутри треугольникъ былъ построенъ на основаніи внѣшняго. Предъ этимъ зданіемъ, саженяхъ въ 5—8 отъ него, находилась кирпичная стѣнка въ видѣ люнета, очень невысокая, въ грудь человѣка, не болѣе. „Не тюрьма ли это", подумалъ я тогда, при видѣ цѣлаго ряда трубъ, расположенныхъ по крышѣ внутри зданія, такъ близко другъ отъ друга, что невольно представлялся такой же рядъ камеръ „Да, вѣдь это Алексѣевскій равелинъ", догадался я, вспомнивъ, что слышалъ объ этой тюрьмѣ, и съ удвоеннымъ интересомъ сталъ разсматривать этотъ заповѣдный уголокъ Петербургской бастиліи. Снаружи не было видно ровно ничего: голая кир-

пичная стѣна и въ ней ни одного окошка, хотя, судя по нѣсколькимъ трубамъ, расположеннымъ на крышѣ наружнаго зданія, было очевидно, что въ немъ находятся жилыя помѣщенія. „Стало быть“, рѣшилъ я (и это подтвердилъ впослѣдстіи мой горькій опытъ), въ наружномъ зданіи помѣщаются разныя службы и квартиры, и окна ихъ выходятъ на внутренній дворъ. Второе зданіе — тюрьма, а внутри — садъ, гдѣ гуляютъ заключенные.“ И вотъ тутъ-то мнѣ и бросилась въ глаза вершина этой самой липы, далеко превышавшей всѣ остальныя деревья, изъ которыхъ лишь немногія достигали конька кровли. Вспомнилось мнѣ даже, что на этой липѣ сидѣла стая воронъ, быть можетъ, среди нихъ была и та, которую я видалъ здѣсь же четыре года спустя. „Бѣдняга Нечаевъ“, подумалъ я тогда: „Какъ тяжело ему здѣсь живется. Вѣдь это сущій гробъ“.

И долго-долго я провожалъ взглядомъ это низкое трехугольное зданіе и думалъ о тѣхъ, кто погребенъ въ его стѣнахъ. Странно: ни тогда, ни впослѣдствіи, мнѣ ни разу не приходила въ голову мысль о возможности того, что и самъ я буду когда-нибудь сидѣть подъ этой развѣсистой липой, апатично смотрѣть на покрытое сѣрыми тучами небо и съ тоской, затаенной въ глубинѣ сердца, слушать пароходные свистки, такъ живо напоминающіе о жизни на волѣ, о мірѣ волненій, борьбы, радостей и горя, побѣдъ и неудачъ, который сталъ уже для заключеннаго чуждымъ, чуть не сказочнымъ міромъ, лишь слабые отголоски котораго проникаютъ сквозь толщину крѣпостныхъ стѣнъ. Я едва лишь успѣлъ пройтись нѣсколько разъ по дорожкѣ, какъ дверь отворилась, и Соколовъ мотнулъ головой. Я подошелъ, недоумѣвая, что такое онъ хочетъ сказать мнѣ. Оказалось, что мнѣ пора итти домой, такъ какъ для прогулки полагается только 15 минутъ.

Эта первая прогулка произвела на меня очень отрадное и освѣжающее впечатлѣніе. Хоть на нѣсколько минутъ, но все же я вижу надъ собой не заплѣсневѣлый потолокъ камеры, а небо; все же я дышу чистымъ воздухомъ; все же до моего слуха долетаютъ отголоски жизни. Лѣтомъ это впечатлѣніе было еще рельефнѣе: на Невѣ не смолкали пароходные свистки, порой слышалась пѣсня; изъ Зоологическаго сада и еще откуда-то (м. б. изъ Лѣтняго) вполнѣ от-

четливо доносились звуки оркестра. Надъ головой вились въ небѣ съ рѣзкимъ, такъ хорошо знакомымъ мнѣ крикомъ чайки, наши волжскія мартышки, напоминавшія мнѣ такъ много свѣтлыхъ, счастливыхъ минутъ, пережитыхъ мною въ молодости.

Послѣднее слово можетъ показаться страннымъ въ устахъ человѣка, имѣвшаго отъ роду не болѣе 24 лѣтъ. Но тѣмъ не менѣе то, что я испыталъ и пережилъ въ теченіе послѣдняго печальнаго года моей жизни, состарило меня сразу лѣтъ на 15 по крайней мѣрѣ, и провело въ ней такую глубокую борозду, которой никогда и ничто не можетъ заполнить, борозду, легшую рѣзкой гранью межъ двумя періодами моей жизни, и отодвинувшую ихъ на столь большое разстояніе другъ отъ друга, что они кажутся не продолженіемъ, а двумя совершенно самостоятельными существованіями. Во время прогулки мнѣ, однако, мозолило глаза присутствіе одного изъ надзирателей и разводящаго изъ жандармскаго караула. Оба они ходили вдоль основанія треугольника, составлявшаго мѣсто нашего гулянья, первый направо отъ крыльца, второй налѣво. Это обыкновенно происходило постоянно, при чемъ Иродъ, недовольствуясь столь бдительнымъ надзоромъ, поминутно самъ заглядывалъ изъ подворотни въ маленькое окошечко, забранное стекломъ и мѣдной рѣшеткой снаружи, и извнутри завѣшенное зеленой тафтой. Она отворачивалась каждыя 3—4 минуты и позволяла тогда видѣть щетинистые усы и „недреманное око" Матвѣя Ефимовича, неуклонно направленное вдоль дорожки, по которой ходитъ ввѣренный ему № 5. Мнѣ никогда еще не приходилось прогуливаться при такой обстановкѣ и, понятно, въ первое время чувствовалось какъ-то не по себѣ подъ этимъ назойливымъ взоромъ. Когда я вошелъ въ камеру, меня прежде всего поразила затхлость воздуха и особенный специфическій запахъ, свойственный всѣмъ сырымъ и дурно-вентилируемымъ помѣщеніямъ, что я замѣтилъ только теперь, благодаря сравненію съ чистымъ и свѣжимъ воздухомъ, которымъ я сейчасъ дышалъ, и тутъ же я узналъ, къ моему вящему удивленію, что прогулка здѣсь черезъ день, такъ что изъ 48 часовъ 47¾ приходится проводить въ сырой и спертой атмосферѣ нашего помѣщенія.

Единственнымъ чтеніемъ служила библія, и я, чтобы про

длить дольше запасъ умственной пищи, читалъ ее ежедневно небольшими порціями. Новый Завѣтъ былъ хорошо знакомъ мнѣ еще на волѣ, но въ Ветхомъ многое представляло для меня интересъ новизны. Съ большимъ увлеченіемъ читалъ я пророка Исаію, этого великаго поэта еврейскаго народа, нѣкоторые псалмы Давида, чудную эпопею братьевъ Маккавеевъ. Помню, какъ однажды, сѣвши читать библію въ очень тяжеломъ настроеніи, я почувствовалъ очень глубокое волненіе и подъемъ духа, прочтя слова пр. Малахіи (4, 2): „а для васъ, благоговѣющихъ передъ именемъ Моимъ, взойдетъ солнце правды и исцѣленіе въ лучахъ его. И вы выйдете и взыграете, какъ тельцы упитанные, и вы будете попирать нечестивыхъ, ибо они будутъ прахомъ подъ стопами ногъ вашихъ въ тотъ день, который я сдѣлаю. Такъ говоритъ Богъ Саваоѳъ".

VII.

Получивъ библію и разрѣшеніе прогулки, я сталъ полноправнымъ гражданиномъ Алексѣевскаго равелина, ибо, кромѣ 4000 шпицрутеновъ или 500 розогъ, я уже ничего болѣе получить не могъ. Такимъ образомъ, мнѣ оставалось жить изо дня въ день по одному и тому же строго размѣренному шаблону: ѣсть, пить, спать, гулять въ опредѣленное время, и затѣмъ ждать, что какое-либо событіе, лежащее совершенно внѣ моей воли и даже внѣ моихъ предположеній, такъ или иначе положитъ конецъ этому жалкому прозябанію. И долго просидѣлъ бы я въ этой камерѣ, можетъ быть, до послѣднихъ дней пребыванія въ равелинѣ, — ибо тамъ многіе проводили цѣлые годы своего заключенія, иногда вплоть до смерти, въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, еслибы не случилось одного обстоятельства, вызвавшаго мой переводъ въ другой номеръ. Дѣло въ томъ, что, разговаривая со Щедринымъ, я началъ прикладывать ухо къ стѣнѣ, чтобы можно было слышать самый легкій стукъ и тѣмъ еще болѣе обезопасить наши противозаконныя бесѣды. Но увы! Эта самая предосторожность и послужила къ обнаруженію преступленія. Какъ я уже упоминалъ, стѣны моей камеры были покрыты плѣсенью. Аршина на 1½ отъ полу она лежала сплошнымъ слоемъ, точно бархатнымъ ковромъ, чернаго цвѣта съ зеле-

новатымъ отливомъ; а выше слой плѣсени становился все тоньше и тоньше, цвѣтъ ея все болѣе блѣднѣлъ и на высотѣ человѣческаго роста становился почти бѣлымъ, и лишь кое-гдѣ виднѣлись чернозеленыя крапинки. Я сразу же замѣтилъ, что на стѣнѣ остается отпечатокъ моего уха, но не обратилъ на это вниманія, потому что онъ былъ виденъ только при извѣстномъ освѣщеніи, а во-вторыхъ, эти отпечатки, перекрещиваясь и ложась другъ на друга, взаимно уничтожались или, по крайней мѣрѣ, сильно измѣняли свою форму. Наконецъ, слой плѣсени на этой высотѣ былъ очень тонокъ, и можно было разсчитывать на то, что жандармы не обратятъ на это вниманія, а если даже и замѣтятъ, то не поймутъ, въ чемъ дѣло. Оказалось иначе. 23 декабря, когда я возвращался съ прогулки, повернулъ было по обыкновенію налѣво, Соколовъ заступилъ мнѣ дорогу, буркнувъ: „не сюда“, и указалъ рукой на противоположное крылечко, гдѣ уже стоялъ дежурный, распахнувшій дверь при словахъ Соколова. Я повернулся, недоумѣвая, что бы это могло значить. Мы вошли въ маленькій (какъ его называли) коридоръ, гдѣ помѣщались №№ 1 3, и жандармы ввели меня въ первую же отъ входа дверь № 3-го. Я вошелъ туда, все еще продолжая недоумѣвать. Вдругъ словно изъ земли выросъ 2-ой дежурный, и оба начали быстро меня раздѣвать. Когда кончился обыскъ, производившійся самымъ тщательнымъ образомъ, я обернулся къ слѣдовавшему за мной по пятамъ Соколову, чтобы спросить его, что сіе означаетъ. Но онъ не далъ мнѣ даже рта разинуть и со своей злобной усмѣшкой вымолвилъ: „здѣсь уха къ стѣнѣ прикладывать нѣтъ надобности. Ты тамъ, должно быть, постукивалъ? такъ вотъ“... Онъ повелъ по воздуху ключомъ и вышелъ изъ камеры.

Съ этого дня началось для меня въ полномъ смыслѣ одиночное заключеніе. Въ № 2 помѣщалась, какъ значилось на дощечкѣ, прибитой надъ дверью, „поддежурная комната.“ Тамъ, какъ впослѣдствіи я замѣтилъ, обѣдали наши аргусы, и тамъ же дѣлали для меня ванну во все время моего пребыванія въ этомъ коридорѣ. Въ № 1 сидѣлъ *Александръ Михайловъ*, съ которымъ мнѣ ни разу не пришлось поговорить, такъ какъ стучать черезъ камеру, занимаемую жандармами было невозможно, и мы оба ни разу даже не пытались вступить въ сношенія, хотя я сначала думалъ, что

это можно будетъ устроить. Я былъ крайне взволнованъ, когда нѣсколько времени спустя узналъ Михайлова по голосу во время посѣщенія его докторомъ. Съ одной стороны мнѣ страшно хотѣлось сказать 2-3 слова человѣку, котораго я зналъ и глубоко уважалъ на волѣ; съ другой стороны, зная уже здѣшніе порядки, я понималъ, что ужъ если докторъ къ нему ходитъ, значитъ, здоровье его плохо.

На волѣ я не имѣлъ чести быть въ числѣ друзей Александра Дмитріевича, но тутъ онъ мнѣ сталъ невыразимо дорогъ, и я долго, долго думалъ о немъ, вспоминая наше знакомство, встрѣчи и единственный случай, когда онъ на меня разсердился.

Какъ часто удивлялся я въ тюрьмѣ живости и точности воспоминаній. Въ такихъ условіяхъ, когда будущаго у человѣка нѣтъ, настоящее же такъ бѣдно впечатлѣніями, прошлое захватываетъ все сильнѣе и сильнѣе; вспоминается до мелочей все то, что на волѣ, за массой хлопотъ и заботъ, никогда не приходитъ въ голову и кажется совершенно забытымъ. Прошлое не умираетъ. Оно лишь скрывается глубоко, глубоко, въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ души, и когда человѣкъ обращается къ нему, словно повинуясь какой-то властной силѣ, встаетъ оно яркое, реальное, полное жизни, и снова душевныя струны звучатъ то грустно, то радостно...

Моя новая камера имѣла болѣе сносный видъ, чѣмъ прежняя. Она была гораздо больше: хотя нѣсколько уже, но подлиннѣе. Плѣсени на стѣнахъ было немного, главнымъ образомъ, въ углахъ и на стѣнѣ, выходившей въ подворотню. Хотя здѣсь бывало иногда холодновато, но зато не такъ сыро, и несмотря на то, что былъ только одинъ плохенькій вентиляторъ, помѣщавшійся въ верхнемъ правомъ углу окна въ видѣ жестяного колесика, вставленнаго въ жестяную же трубку дюйма въ $2^1/_2$ въ діаметрѣ,—воздухъ былъ гораздо чище. Конечно, первымъ моимъ дѣломъ было заняться изслѣдованіемъ стѣнъ, въ надеждѣ узнать что-либо о моемъ предшественникѣ, которымъ былъ А. Д. Михайловъ, переведенный въ № 1, вѣроятно, послѣ смерти Нечаева (Нечаевъ былъ переведенъ въ № 1 сейчасъ же, какъ только были обнаружены сношенія съ Алексѣевскимъ равелиномъ). Всѣ стѣны были исчерчены надписями, небольшая

часть ихъ была совершенно затерта, а другія такъ искалѣчены, что ничего нельзя было понять, кромѣ отдѣльныхъ словъ. Несомнѣннымъ мнѣ тотчасъ же показалось одно, что здѣсь сидѣлъ кто-то изъ процесса Суханова. Въ одной надписи было сказано: „я приговоренъ безъ срока, и по закону меня слѣдовало бы отправить въ централку". Затѣмъ было указано нѣсколько статей закона, относящихся сюда. На противоположной сторонѣ сохранилась надпись глубоко врѣзанная, а потому уцѣлѣвшая при скобленіи: „Господь, твори добро народу"! Этотъ Некрасовскій стихъ повторялся еще 2 -3 раза въ другихъ надписяхъ. Я былъ глубоко тронутъ при мысли о томъ, кто, гдѣ и въ какихъ условіяхъ писалъ эти слова. Человѣкъ, заживо замурованный въ этотъ подвалъ, замурованный на вѣкъ, безъ малѣйшей надежды на какой-нибудь свѣтлый проблескъ впереди, ежедневно унижаемый и оскорбляемый въ самыхъ священныхъ чувствахъ, человѣкъ несомнѣнно съ надорваннымъ здоровьемъ, наконецъ, человѣкъ, надежды котораго разбиты дѣйствительностью жизни, человѣкъ, преданный и преданный тѣмъ самымъ народомъ, благу котораго онъ посвятилъ всю свою жизнь, за счастье котораго онъ отдалъ все, чѣмъ только могъ пожертвовать—и матеріальныя блага, и общественное положеніе, и семью, и свободу, и здоровье, даже самую жизнь,—этотъ человѣкъ въ часы столь суроваго испытанія, въ часы неисчислимыхъ мукъ все такъ же полонъ любовью къ народу, какъ и въ первые дни служенія его свободѣ и счастію. Съ его устъ не срывается горькихъ упрековъ, они не шепчутъ словъ проклятія, не клеймятъ презрѣніемъ человѣческое стадо, пресмыкающееся передъ всякимъ насиліемъ и предающее самоотверженныхъ друзей,—нѣтъ, онъ такъ же горячо, такъ же нѣжно любитъ этотъ несчастный, этотъ жалкій народъ! Та же мысль, страстное желаніе, та же горячая мольба вырываются изъ глубины истомленной души: „Господь, твори добро народу!" Въ его сердцѣ нѣтъ мѣста чувству вражды. Нѣтъ, оно наполнено теплымъ, яснымъ чувствомъ братской любви къ народу, можетъ быть, любви къ тѣмъ самымъ палачамъ, которые со злобнымъ нетерпѣніемъ ждутъ теперь, скоро ли сойдетъ въ могилу этотъ ненавистный имъ поборникъ истины и справедливости, кажущійся имъ страшнымъ даже въ четырехъ стѣнахъ одиночной камеры.

Тутъ мнѣ просто стыдно стало той надписи, которой я пытался обезсмертить свое имя на стѣнѣ № 5: неудовольствовавшись тѣмъ, что изобразилъ свое имя, даты ареста, суда и заключенія, я приписалъ еще четверостишіе Байрона: Had we never loved so kindly.—Had we never. Never meeted or never departed.—We would never been brocken hearted.

Теперь мнѣ хотѣлось бы тайкомъ пробраться туда и затереть это злополучное сантиментальное изліяніе разбитаго сердца. Чортъ бы его побралъ, это сердце и всѣ сердечныя страданія! Попалъ подъ замокъ да и завопилъ: „Ахъ, еслибъ мы не встрѣчались! Ахъ, еслибъ мы не разставались!“ Орать теперь во всякомъ случаѣ поздно.

Глубоко взволнованный, ходилъ я по камерѣ, размышляя обо всемъ этомъ до тѣхъ поръ, пока не пришли ко мнѣ съ обѣдомъ. Когда жандармы вышли и отправились раздавать обѣдъ въ большой коридоръ, я прежде всего воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы встать на окно и посмотрѣть въ вентиляторъ. Хотя онъ снаружи и былъ закрытъ листомъ жести, но сквозь дырки, пробитыя въ немъ для прохода воздуха, было очень хорошо видно, и первое, на что упалъ мой взглядъ, была крѣпостная стѣна. Въ ней виднѣлись два большихъ окна съ желѣзной рѣшеткой,—это было то самое помѣщеніе для смотрительскаго rendez—vous, о которомъ я упоминалъ раньше. Нѣсколько лѣвѣе находились тѣ ворота, черезъ которыя меня вывели изъ крѣпости. Отъ нихъ шла дорога къ мостику, переброшенному черезъ каналъ, а между каналомъ и стѣной крѣпости было какое то пустопорожнее пространство, занесенное снѣгомъ. Тамъ весной былъ разведенъ огородъ, принадлежавшій нашимъ жандармамъ. Въ этомъ заключалась вся картина, доступная моему взору. Сначала я очень часто лазилъ смотрѣть на этотъ незатѣйливый пейзажъ, и однажды такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ дежурный подкрался къ моей двери, и ужъ спрыгивая съ окна, я увидѣлъ въ дверномъ стеклышкѣ уставившееся око на меня. Послѣ этого за мной все утро было учинено внимательное наблюденіе, и чуть не каждыя 10 минутъ отодвигались заслонки, но я уже больше не лазилъ на окно, и второй разъ поймать меня не удалось. За обѣдомъ Соколовъ подошелъ ко мнѣ и прошипѣлъ:

„Здѣсь нельзя становиться на окно и заглядывать въ вентиляторъ, и притомъ тамъ ничего интереснаго нѣтъ: чистое поле и снѣгъ, снѣгъ и поле. Больше ничего. На первый разъ я тебя прощаю, но чтобы я тебя тамъ больше не видалъ!“ У меня кровь ударила въ голову, когда мнѣ пришлось выслушать это грубое замѣчаніе, эту угрозу. Это милостивое прощеніе „на первый разъ“, которое было для меня большимъ оскорбленіемъ, чѣмъ еслибъ меня посадили на хлѣбъ и воду. Онъ меня «прощаетъ»! „До чего я дожилъ! Что мнѣ приходится выносить!“ проносилось у меня въ головѣ. Я все же сдержался и не сказалъ Соколову ничего; но послѣ этого долго не заглядывалъ въ вентиляторъ, а когда началъ снова „преступно“ лазить на окно, то дѣлалъ это очень осторожно и изрѣдка, такъ что болѣе въ этомъ никогда не „попадался“.

VIII.

Восемь мѣсяцевъ, прожитые въ этой камерѣ, были въ моей тюремной жизни эпохой абсолютнаго одиночества, идеальнаго одиночества тюремнаго режима. Здѣсь не было даже того разнообразія, тѣхъ развлеченій, которыя доступны заключенному въ Трубецкомъ. Вѣчная тишина. Вѣчные сумерки. Вѣчно одни и тѣ же угрюмо-злобныя лица Соколова и его унтеровъ. День за днемъ одно и то же и въ томъ же убійственномъ, монотонномъ порядкѣ. Вѣчное молчаніе: ни стучать, ни говорить не съ кѣмъ. Иногда проходило болѣе мѣсяца сряду, какъ я не произносилъ ни одного слова. Да какіе разговоры могли быть съ Иродомъ? Развѣ скажешь во время ванны (она была разъ въ 6 недѣль): „дайте еще горячей воды!“ И снова замолкнешь на мѣсяцъ, на два, до слѣдующей ванны. Со мной именно и было разъ такимъ образомъ. Поживши въ Алексѣевскомъ равелинѣ, я не дивлюсь и не считаю преувеличеннымъ то, что приходилось читать о заключенныхъ, которые послѣ нѣсколькихъ лѣтъ полнаго одиночества разучивались говорить, или, по крайней мѣрѣ, говорили съ большимъ затрудненіемъ и забывали многія слова, какъ, напр., было съ декабристомъ *Батенковымъ*, забывшимъ слово „тараканъ“ и нѣкоторыя другія. Можно было бы думать, что это одиночество будетъ чѣмъ-то страш-

но тягостнымъ, убійственно мучительнымъ. Но со мной было не такъ, благодаря, кажется, моему болѣзненному психическому состоянію, достигшему здѣсь полнаго развитія. Я жилъ не только по нѣсколькимъ часамъ, но и по цѣлымъ днямъ, даже недѣлямъ въ какомъ-то туманѣ. Я положительно терялъ сознаніе того, гдѣ я и что со мной. Я жилъ не здѣсь, въ этой душной пасмурной камерѣ, за рѣшетками и замками. Нѣтъ, я былъ далеко, тамъ, гдѣ въ голубомъ небѣ высоко несутся вереницы легкихъ бѣлоснѣжныхъ тучекъ, гдѣ теплый ароматный вѣтеръ тихо колышетъ головки цвѣтовъ и въ густой травѣ раздается трещанье кузнечика и задорный крикъ перепела... Я стоялъ на краю просѣки надъ глубокимъ лѣснымъ оврагомъ. Кругомъ тихо. Въ воздухѣ чувствовалась вечерняя свѣжесть и тотъ особенный осенній лѣсной ароматъ вянущихъ листьевъ, такъ хорошо знакомый всякому охотнику. Отблескъ зари золотитъ вершины березъ и осинъ съ трепещущей, уже покраснѣвшей листвой, а изъ глубины чащи вылетаетъ вальдшнепъ и съ отрывистымъ карканьемъ несется надъ оврагомъ причудливыми зигзагами. Вотъ справа другой, вотъ третій.... Лихорадочно бьется сердце, рука судорожно сжимаетъ ружье... —Я былъ на Волгѣ. Вѣтеръ разыгрался не на шутку. По валамъ ходятъ „бѣляки“ и брызги пѣны, перелетая черезъ бортъ, попадаютъ мнѣ прямо въ лицо. Я полулежу на днѣ лодки и управляю парусомъ. Трудно становится удерживать веревку: такъ и рветъ ее изъ рукъ! „Петя, крѣпи шкотъ“, раздается съ кормы знакомый голосъ, и я подтягиваю еще туже намотанный на руку конецъ... Я стоялъ надъ амфитеатромъ второй аудиторіи. Подо мной колыхалась толпа, тѣсно наполнявшая всѣ скамьи. Шумъ, гулъ голосовъ, сумятица и задоръ. Нѣсколько ораторовъ говорятъ сразу. Нѣсколько человѣкъ безплодно стараются водворить порядокъ, и среди этого гама отчетливо слышится только пронзительный крикъ какого-то восточнаго человѣка, который никакъ не хочетъ успокоиться, и упорно задаетъ одинъ и тотъ же остающійся безъ отвѣта вопросъ: „Нэтъ, вы мэни скажите, зачэмъ депутата хватать будутъ?“

Порою я жилъ въ историческомъ прошломъ: передо мной проносились картины то великой французской революціи, то пугачевщины, то возстаніе декабристовъ. Я видѣлъ гряз-

ныя, узкія улицы Парижа конца 18 вѣка. Я видѣлъ народныя массы, наполнявшія ихъ отъ стѣны до стѣны, я видѣлъ лѣсъ пикъ, колыхавшихся въ воздухѣ, я слышалъ гулъ голосовъ, звуки карманьолы, и радостно билось мое сердце въ тактъ этимъ звукамъ:

Que faut-il au républicain?
La liberté du genre humain!..

И мнѣ хотѣлось подхватить:

La torche pour le château,
La pique pour le cagot
Et paix aux chaumieres...

...Я видѣлъ кучку всадниковъ, остановившихся передъ брустверомъ Кожихаровскаго форпоста. Бѣлое знамя съ краснымъ восьмиконечнымъ крестомъ, развѣвающееся надъ головой стоявшаго впереди всѣхъ брюнета съ блестящими глазами и черною, какъ смоль бородой, и казака, который, подъѣхавши къ самому рву, читаетъ манифестъ толпящимся на валу солдатамъ: „И жалую я васъ землей и волей, крестомъ и бородой!..“ Я видѣлъ покрытое снѣгомъ поле въ окрестностяхъ Бѣлой церкви и чернѣющее среди него каре черниговскаго полка. Аттака гусаръ отбита, но картечь снимающейся съ передковъ конной батареи сейчасъ начнетъ опустошать ряды инсургентовъ. Все же пока они тверды, всѣхъ ободряетъ и всѣхъ подчиняетъ себѣ могучая воля, героическая натура любимаго командира, сидящаго на лошади въ срединѣ каре. Я вижу задумчивое лицо *Муравьева Апостола*, такимъ, какъ оно врѣзалось мнѣ въ памяти, когда я еще въ дѣтствѣ разсматривалъ его портретъ, и мнѣ чудится, что въ этотъ моментъ ему приходятъ на память пророческія слова его собственнаго стихотворенія:

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu,
Mais à la fin de ma carrière,
Par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu...

Но что такое творится теперь? Я слышу, какъ грохочутъ пушки Петропавловской крѣпости, какъ вдругъ ихъ огонь внезапно смолкаетъ, какъ въ коридорѣ начинается бѣготня и суматоха. Тамъ, гдѣ-то вдали слышенъ топотъ шаговъ, гулъ голосовъ... вотъ еще и еще... все яснѣй... „Ура!“ раздается гдѣ-то близко. Лихорадочное волненіе охватываетъ

меня, и я судорожно стискиваю руки. Вотъ сейчасъ приклады разобьютъ въ дребезги ворота равелина... Вотъ сейчасъ жандармы въ ужасѣ бросятъ оружіе... Да здравствуетъ свобода! Отворяется дверь, а вмѣсто товарищей, пришедшихъ вывести насъ изъ тюрьмы именемъ „Державнаго народа“, предо мной является Иродъ со своей свитой, пришедшей давать обѣдъ. Машинально, почти безсознательно, я глотаю тухлыя щи, а въ умѣ возникаютъ новыя картины.

Я опять живу въ прошломъ. Я вижу, то родной домъ, то маленькую квартирку во второмъ этажѣ деревяннаго дома на Крапивинской улицѣ, то сходку на Нижегородскомъ „откосѣ“, то зарытіе въ пескѣ тюка книгъ на Саратовскомъ зеленомъ островѣ... Но вдругъ все это прерывается тяжелымъ мрачнымъ воспоминаніемъ послѣдняго времени. Я снова переживаю эту душную лѣтнюю ночь. Голова горитъ. Горло пересохло. Изъ открытаго окна не вѣетъ прохладой; на улицѣ тоже духота, тотъ же спертый кислородомъ воздухъ. Желѣзныя крыши, каменные дома, мостовыя, асфальтовые тротуары, все это пышетъ огнемъ. Душно, душно. Мысли путаются, идутъ вразбродъ. Грудь надрывается отъ тоски. Нѣтъ, нѣтъ! Эти минуты невыносимо переживать вторично. Я снова чувствую ту же жгучую муку, я снова такъ же медленно, такъ же систематически растравлю душевныя раны. Тяжело, невыносимо тяжело, но не въ моей волѣ остановить это теченіе мыслей. Оно совершается во мнѣ, но помимо моей воли, и я долженъ снова, съ тою же методическою послѣдовательностью, съ тѣми же мельчайшими подробностями возстановлять передъ своими глазами всю обстановку этой ночи, переживать въ томъ же порядкѣ всѣ мысли, всѣ чувства, надрывавшія мою душу. Я вижу мой письменный столъ, заваленный самыми разнообразными предметами. Вотъ раскрытый альбомъ. Отраженный абажуромъ свѣтъ лампы падаетъ прямо на дорогія, милыя черты, въ которыя я пристально вглядываюсь, все какъ будто не вѣря тому, что эти глаза давно сомкнулись вѣчнымъ сномъ, что я никогда не услышу звука дорогого голоса, не пожму этой руки. А вотъ рядомъ другая карточка, третья...

„Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты:
Пали вы жертвою злобы, измѣнъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ“...

шепчутъ мои губы Некрасовскій стихъ... Вотъ изящное

лицо красиваго блондина, съ выпуклымъ, высокимъ лбомъ, съ чудными сѣрыми глазами, которые смотрятъ такъ холодно и надменно на этой фотографіи, но которые смотрѣли на меня такъ нѣжно, съ такой лаской. И кажется мнѣ, что онъ говоритъ: мои кости давно уже истлѣли въ невѣдомомъ мѣстѣ, безъ памятника, безъ креста, и въ то время, когда тѣло мое засыпали негашеной известью, ты весело встрѣчалъ новый годъ, ты жилъ и не отомстилъ за меня!.. Вотъ другое лицо,—и мнѣ становится страшно: теперь эта кудрявая голова обрита, на плечахъ сѣрая куртка, на ногахъ кандалы, а впереди долгіе годы страданій, лишеній и униженій... Рядомъ третье лицо, умное, съ выраженіемъ затаеннаго страданія. Онъ сошелъ съ ума въ тюрьмѣ... Я вспоминаю то время, чистое, хорошее, когда мы четверо почувствовали себя связанными на жизнь и смерть, и эту горячую любовь другъ къ другу уносилъ съ собою каждый, уходя изъ жизни. Я вспоминалъ весну 1875 года: мы (Степанъ Ширяевъ, Шиловцевъ, Бобоховъ и я) были редакторами революціоннаго журнала, который издавалъ нашъ гимназическій кружокъ. Теперь уцѣлѣлъ только одинъ. Вотъ и еще дорогія лица, съ которыми разлучила меня волна жизни и съ которыми никогда, никогда больше не увидишься. Развѣ съ Ваничкой: онъ пошелъ только на поселеніе. — Хорошо это „только!“ Вотъ письмо, которое я знаю уже наизусть, слова котораго жгутъ мою душу, какъ раскаленные угли, и которое я читаю и перечитываю безконечное число разъ. Вотъ ящикъ краснаго дерева, выложенный бархатомъ. Въ немъ лежитъ изящный смитовскій револьверъ, никкелированный, съ ручкой изъ слоновой кости, — подарокъ моего отца, съ которымъ я никогда не разлучаюсь. Вотъ рядомъ патроны, и на секунду мелькаетъ въ головѣ навязчивая, давно уже меня преслѣдующая мысль, что мнѣ стоитъ сдѣлать одно легкое движеніе пальцемъ, т. е. нажать гашетку, и всѣ счеты съ жизнью будутъ сведены, вся тяжесть, гнетущая мою душу, разлетится вмѣстѣ съ тѣмъ облачкомъ дыма, который вырвется тогда изъ дула. Но тутъ, словно, молнія пронизываетъ мой мозгъ сознаніе глубокаго позора отъ одной только мысли о подобной вещи. Какъ, думаю я, снова хватаясь за голову, я, членъ партіи, требующей преданности до самопожертвованія, террористъ и убѣжденный революціонеръ, могъ

испытывать подобныя постыдныя желанія! Да, постыдныя, такъ какъ это было бы просто дезертирствомъ съ поля сраженія на глазахъ у непріятеля!...

Вотъ портсигаръ... Нѣтъ, это не то, что мнѣ нужно. Я нервно откидываюсь на спинку стула, и мои глаза перебѣгаютъ по всѣмъ этимъ вещамъ, по разбросаннымъ книгамъ и бумагамъ, по всей комнатѣ, и чего-то ищутъ. Я самъ не могу сказать, чего, но знаю, что-то мнѣ нужно. Вотъ взглядъ останавливается на *ея* подаркѣ. Нѣтъ, не его я ищу, и мнѣ сегодня даже тяжело смотрѣть на него. Но я не могу отвести глазъ, они заволакиваются туманомъ, и съ поразительной яркостью воскресаетъ въ душѣ памятная минута.— „Нѣтъ, нѣтъ: я хочу, чтобы онъ былъ у Васъ“... Какъ шло къ ней легкое смущеніе, появившееся на ея личикѣ при этомъ полупризнаніи! Какъ мила была ея улыбка! Какъ она мнѣ стала дорога въ тотъ мигъ, когда, точно недовольная этими вырвавшимися у нея словами, она слегка покраснѣла, закусила свою губку и опустила шелковыя рѣсницы... О, какъ бы я хотѣлъ, моя дорогая, вернуться къ этому счастливому времячку! „Поздно, поздно“, твердитъ внутренній голосъ: „не суждено вамъ больше видѣться. Все кончено, навѣки кончено“. Злоба закипаетъ на сердцѣ, злоба на судьбу, на себя, на людей, на весь міръ... Но вѣдь все кончено, навѣки кончено, и ты сама этого хотѣла... Кого же винить? Будетъ, будетъ... Но что же мнѣ нужно? Чего я ищу? Ахъ, да, вспомнилъ: нужно принять морфія, а то всю ночь не уснешь. Скорѣй, скорѣй, хоть на нѣсколько часовъ забыться! Да гдѣ же онъ запропастился? А, вотъ онъ, наконецъ! Я высыпаю бѣлый порошокъ въ стаканъ воды, размѣшиваю и жадно глотаю эту отраву, которая стала необходимой для искусственнаго усыпленія моей расшатанной нервной системы. Скорѣй бы заснуть!..

Одна за другой смѣняются картины, — вполнѣ отчетливыя, вполнѣ жизненныя, но неимѣющія между собой связи и послѣдовательности. Точно калейдоскопъ вращается передъ глазами. Прошедшее и будущее, личная жизнь и историческія событія, фантазіи и реальные факты,—все это сливается въ какой-то безконечный бредъ, сонъ на яву, длящійся цѣлые дни и лишь на короткое время прерывающійся сознаніемъ окружающей дѣйствительности. Я долго жилъ въ та-

комъ состоянiи, и мое время шло поразительно быстро. Помню, какъ я удивился, когда наступила Пасха. Мнѣ казалось, что я чуть ли не мѣсяцъ, — что мѣсяцъ! — недѣлю тому назадъ сидѣлъ въ № 5, рядомъ со Щедринымъ, даже нѣтъ: былъ только привезенъ и посаженъ въ Трубецкой, и вотъ вдругъ оказывается уже Пасха!

Не весело я встрѣтилъ свѣтлый праздникъ. Еще постомъ, не помню въ какое время, я сталъ замѣчать, что со мной творится нѣчто странное. Каждый вечеръ сильное лихорадочное состоянiе, жаръ, истома, безпокойный и полный фантастическихъ грезъ сонъ. Утромъ встаешь вялый и разбитый, въ головѣ какой-то туманъ, и весь день бродишь, какъ муха осенью, апатичный, ко всему равнодушный. А вечеромъ опять какое-то возбужденное состоянiе. На 2-ой день Пасхи я впервые увидѣлъ себя на прогулкѣ въ лужѣ воды. Пасха въ этомъ году была поздняя. Сначала я просто не повѣрилъ своимъ глазамъ: изъ-подъ безобразной арестантской шапки на меня глядѣло какое-то чужое, ужасное лицо — блѣдно-сѣрое, изможденное, съ дикимъ взглядомъ и такимъ выраженiемъ, что мнѣ стало жутко. Когда я сталъ пристально вглядываться, меня поразили болѣзненно расширенные зрачки глазъ, и я вдругъ вспомнилъ, что это одинъ изъ признаковъ душевнаго разстройства. Я вспомнилъ свой разговоръ съ врачемъ, который изслѣдовалъ одного изъ моихъ друзей (Д. И. Шиловцева), сошедшаго съ ума въ тюрьмѣ и отданнаго на поруки роднымъ. Я вспомнилъ, какъ онъ, дѣлая дiагнозъ его болѣзни, сказалъ между прочимъ: „а замѣтили Вы, какъ сильно расширены зрачки? Онъ плохъ, очень плохъ, бѣдняга, и врядъ ли когда поправится!“ Лучъ сознанiя промелькнулъ въ моей головѣ, горькаго, мучительнаго сознанiя: я понялъ, что я схожу съ ума. Мнѣ было и страшно, и больно. Но я долго не могъ оторвать взгляда отъ этого изображенiя, гдѣ сермяжная шапка и сермяжный арестантскiй халатъ — такое характерное дополненiе къ безумному, страдальческому лицу. Нужно считать великимъ благомъ, что, сойдя съ ума, человѣкъ перестаетъ сознавать весь ужасъ своего положенiя. Такъ было и со мной. Я сильно страдалъ въ свѣтлыя минуты, но сознанiе снова туманилось, и я успокаивался. Помню, особенно тяжело стало годъ спустя, когда я сидѣлъ уже въ № 15, рядомъ съ *Но-*

лодкевичемъ, и могъ уже стучать. Въ это время намъ уже давали книги, хотя и исключительно духовнаго содержанія, и вообще измѣнили къ лучшему,—какъ, я разскажу ниже,—весь режимъ. Я сталъ приходить въ себя, и результатомъ моего просвѣтленія были двѣ попытки лишить себя жизни. Говорю это безъ иронiи. Нормальный человѣкъ, покушаясь на свою жизнь, бываетъ всегда въ этотъ моментъ вышедшимъ изъ душевнаго равновѣсія, охваченнымъ аффектомъ, иногда прямо-таки временно психически больнымъ. Но у человѣка, который уже сошелъ съ ума, это иногда бываетъ признакомъ того, что къ нему возвращается сознаніе, что онъ стряхнулъ съ себя оцѣпенѣніе мысли, что онъ начинаетъ сознавать и чувствовать свое положеніе, т. е. изъ ненормальнаго состоянія возвращается къ нормальному.

Я помню за эту весну только два мучительныхъ момента: первый тотъ, который я сейчасъ разсказалъ, и второй тоже на прогулкѣ, когда вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія свистъ кроншнепа. Тогда уже была у меня сильная цынга. Ходить стало уже трудно, но все-таки я еще кое-какъ ковылялъ по коридору, добирался до скамьи и просиживалъ тамъ узаконенныя 15 минутъ. Когда я вдругъ услыхалъ этотъ такъ хорошо мнѣ знакомый, протяжный и звучный свистъ, я весь встрепенулся. Сердце быстро заколотилось въ груди. Живо вспомнились тѣ счастливыя хорошія минуты, когда онъ раздавался не въ ушахъ больного и физически и душевно исковерканнаго арестанта, а бодраго, здороваго, полнаго силъ и энергіи юноши, свободнаго, какъ тотъ вѣтеръ, что качалъ вокругъ него серебристые султаны ковыля... Я поднялъ голову, и пока могъ, слѣдилъ взглядомъ за пролетавшей надъ равелиномъ парой кроншнеповъ: Они, видимо, сильно устали. Это было замѣтно по частымъ и нервнымъ взмахамъ ихъ крыльевъ, по ихъ тяжелому полету. Но передъ ними было уже недалеко взморье, гдѣ они могли отдохнуть и собраться съ силами для дальнѣйшаго пути. И снова, и снова раздавался ихъ крикъ—полный, мелодическій, ободряющій... Мнѣ стало такъ тяжело, что я не выдержалъ и тотчасъ же ушелъ съ прогулки, не дожидаясь конца своего срока.

Кстати о цынгѣ. Мы всѣ, сидѣвшіе въ Алексѣевскомъ равелинѣ, переболѣли ею. Не знаю, отчего умеръ Нечаевъ.

Мирскаго увезли лѣтомъ 83 года въ Сибирь, кажется, еще сильно больного. Изъ остальныхъ же 15 человѣкъ (*Ал. Михайловъ, Клыточниковъ, Исаевъ, Тригони, Морозовъ, Фроленко, Поповъ, Баранниковъ, Поливановъ, Колодкевичъ, Игнатъ Ивановъ, Арончикъ, Тетерка, Щедринъ, Лангансъ)* умерли: *Клыточниковъ* въ іюлѣ 83 года., *Баранниковъ* и *Тетерка* въ іюнѣ 84 г. Согласно правиламъ Алексѣевскаго равелина, доктора къ больнымъ допускались только тогда, когда это признавалъ нужнымъ смотритель. А Соколовъ считаетъ это необходимымъ только тогда, когда арестантъ не можетъ вставать съ постели. Это не было пустое слово. Онъ не хотѣлъ привести доктора къ Фроленкѣ, когда тотъ заболѣлъ цынгой, но былъ еще въ силахъ переставлять ноги, ибо находилъ, что это „не есть болѣзнь, когда человѣкъ гулять ходитъ“. Я былъ счастливѣе, такъ какъ прибылъ позже другихъ, и убійственныя условія нашей жизни позже на мнѣ отразились. Цынга началась у меня передъ Пасхой, когда изъ моихъ товарищей не было уже ни одного здороваго, а многіе уже слегли совсѣмъ, и какъ ни какъ, а приходилось лечить ихъ. Кромѣ того въ моей наружности и поведеніи было, вѣрно, много такого, что бросалось въ глаза даже Ироду, который сталъ какъ-то странно и очень внимательно на меня смотрѣть. Я замѣтилъ, что день ото дня мнѣ становится труднѣе ходить: ноги покрылись коричневыми пятнами, ступни распухли, лихорадочное состояніе становилось все сильнѣй и сильнѣй; началось вдобавокъ кровохарканье, особенно обильное по утрамъ, аппетитъ совершенно пропалъ и напала какая-то непонятная сонливость. Потомъ еще присоединилась опухоль десенъ. Иродъ обратилъ вниманіе на то, что онѣ болятъ и распухли, онъ зашелъ ко мнѣ въ камеру послѣ прогулки и сказалъ: „покажи, гдѣ у тебя болитъ“. Я разулся. Онъ посмотрѣлъ и авторитетно замѣтилъ: „пока еще ничего особеннаго не замѣчается!“ Но все же на другой день привелъ Вильмса. Тотъ съ перваго же взгляда увидалъ въ чемъ дѣло и, засмѣявшись старческимъ беззвучнымъ смѣхомъ, обратился къ Соколову, точно сообщая ему нѣчто весьма забавное: „Цынга, цынга! настоящая цынга!“ Соколовъ тоже улыбнулся. Вильмсъ началъ лечить меня лошадиными порціями полутораxлористаго желѣза, хининомъ, полосканьемъ изъ дубовой

корки и натираньемъ изъ ароматичнаго уксуса. Курьезно давали лекарства. Они находились на рукахъ у жандармовъ, раздававшихъ что кому слѣдовало при обходѣ камеръ утромъ, за обѣдомъ и за ужиномъ, при чемъ, наливая лекарство, жандармъ ладонью закрывалъ сигнатуру, чтобы нельзя было прочесть ее. Но, конечно, въ концѣ концовъ мнѣ это удавалось, и я узналъ, чѣмъ меня пичкаютъ. Полуторахлористое желѣзо съ горькой тинктурой, сиропомъ и еще чѣмъ-то разливалось изъ бутыли, величиной болѣе штофа, и изъ этого я самъ сообразилъ, что теперь здѣсь очень много больныхъ. Хининъ же жандармы высыпали изъ бумажки,— ибо оставлять въ камерѣ у насъ бумагу, хотя бы маленькій лоскутокъ ея, признавалось чѣмъ-то очень опаснымъ,— прямо на лежавшую на столѣ библію, и Соколовъ, указывая пальцемъ, говорилъ: „нужно слизнуть“. Теперь я не могу вспомнить этого безъ улыбки: такъ живо и въ такомъ комическомъ видѣ представляется мнѣ эта сцена! Тогда мнѣ было не до смѣха. Раза два я пробовалъ „слизывать“, но не вытерпѣлъ болѣе и сказалъ доктору, чтобы хину завертывали въ папиросную бумагу. Соколовъ согласился на это съ тѣмъ, чтобы я глоталъ въ его присутствіи, и каждый день приносилъ мнѣ кусочекъ папиросной бумаги, на которую унтеръ клалъ хину. Я завертывалъ и глоталъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ „недреманнаго ока“, какъ я иногда мысленно называлъ Соколова.

Лекарства помогали плохо. Моя болѣзнь все усиливалась. Лихорадочные пароксизмы стали сопровождаться бредомъ; ноги страшно распухли; зубы такъ расшатались, что я не могъ жевать даже хлѣбнаго мякиша; на раздувшихся небѣ и деснахъ появились язвы, изъ которыхъ сочилась вонючая бурая кровь. Но большой боли я не чувствовалъ: такъ, словно средней руки ревматизмъ. Только при ходьбѣ ощущалась мучительная рѣжущая боль, и ступать нужно было очень тихо. Иногда съ просонья забудешься, станешь на полъ неосторожно, такъ сейчасъ же поднимается такая боль, что упадешь опять на постель и зажимаешь себѣ ротъ, чтобы не кричать. Это было самое тяжелое въ моей болѣзни, да еще зубы. Я, правда, отдѣлался очень легко: у меня отъ цынги вывалился только одинъ зубъ, а всѣ другіе послѣ пришли въ нормальное состояніе и окрѣпли. Но

пока тянулась болѣзнь, я испытывалъ очень непріятное ощущеніе, когда зубы разъѣзжались въ разныя стороны, если я пробовалъ жевать пищу,—такъ мурашки по кожѣ и забѣгаютъ. Что же касается душевнаго состоянія, то оно было вовсе не такъ ужасно, какъ это могло бы казаться со стороны. Напротивъ, это было просто завидное состояніе, при которомъ такъ легко, такъ спокойно было бы умирать. Смерть тяжела, когда человѣкъ сознаетъ, что она неизбѣжный исходъ его болѣзни, сознаетъ, что конецъ его близокъ, чувствуетъ медленную агонію, чувствуетъ всѣ физическія страданія, которыми она сопровождается, и рядомъ со всѣмъ этимъ пробуждается жажда жизни, жажда счастья, — чисто болѣзненная жажда, заставляющая человѣка хвататься, какъ хватается за соломинку утопающій, за все, что можетъ— не говорю уже спасти его,— а хоть нѣсколько продлить его существованіе. Отличительной чертой моего тогдашняго настроенія было полное равнодушіе къ жизни, равнодушіе къ смерти, равнодушіе къ прошедшему и къ будущему, ко всему окружающему. Я чувствовалъ усталость какого-то особеннаго рода, усталость, переходившую въ оцѣпенѣніе мысли и чувства, — въ забвеніе всего матеріальнаго, — состояніе, должно быть, похожее на то, въ которое погружается факиръ, углубившійся въ мысль о нирванѣ. Я также бывало думалъ о ней, и никогда еще раньше не казалась она мнѣ такой понятной и такой привлекательной, какъ теперь. Только здѣсь, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, сталъ мнѣ ясенъ весь смыслъ извѣстнаго изреченія Будды: „лучше стоять, чѣмъ ходить, лучше сидѣть, чѣмъ стоять“... и т. д., *„а лучше всего—Вѣчный Покой“*. Этотъ вѣчный покой сталъ для меня не метафизическимъ понятіемъ, а вполнѣ конкретной вещью, которую я понималъ умомъ и чувствовалъ сердцемъ. Затихла душевная боль, исчезла тоска по волѣ, по близкимъ дорогимъ людямъ, сожалѣніе о разбитой жизни, о невозвратномъ счастьѣ, о молодости, о наполнявшихъ ее стремленіяхъ... И если даже являлось что-нибудь похожее, то это была тихая грусть, вполнѣ примирившаяся съ фактомъ, совершенно спокойная, безъ желчи, безъ ненависти, безъ порывовъ отчаянія.

Недѣли черезъ три мнѣ стали давать ежедневно, по назначенію доктора, кружку молока (½ бутылки), но все-таки

оставили постную пищу по средамъ и пятницамъ, какъ и у всѣхъ другихъ цынготныхъ. Помню, какъ торжественно въ первое же утро изрекъ Соколовъ, указывая на жандарма, переливавшаго молоко въ мою кружку; „дается молоко!“ Я просто ожилъ. Раньше я почти ничего не могъ ѣсть, кромѣ нѣсколькихъ ложекъ щей, но теперь явилась вкусная, питательная, и благодаря отсутствію аппетита, совершенно для меня достаточная пища. Можетъ быть, я заблуждаюсь, но мнѣ кажется, что это молоко больше всякаго лекарства помогло мнѣ оправиться отъ цынги.

Въ большомъ коридорѣ умеръ *Клѣточниковъ*. За мѣсяцъ передъ смертью онъ сталъ требовать, чтобы ему дали молоко и бѣлый хлѣбъ. Онъ не вставалъ уже съ постели и не въ силахъ былъ ѣсть ту отвратительную пищу, которая и была одной изъ причинъ (если не единственной), вызвавшей цынгу. Между прочимъ, Клѣточниковъ указывалъ на ту несообразность, что его заставляли ѣсть постное и въ то же время хотятъ какъ будто лечить его отъ цынги. Когда ему было отказано, онъ сталъ голодать. Нужно замѣтить, что Соколовъ отлично зналъ Клѣточникова, когда тотъ былъ столоначальникомъ въ III отдѣленіи, а потомъ въ департаментѣ государственной полиціи. Это обстоятельство еще болѣе обостряло злобу Ирода къ нему. Дней черезъ восемь Соколовъ силою заставилъ его ѣсть при себѣ и два дня подрядъ заходилъ къ нему въ камеру послѣ раздачи обѣда, садился и говорилъ: „ѣшь! Не уйду, пока не будешь ѣсть“. Когда же Соколовъ пересталъ стоять у него надъ душой, Клѣточниковъ снова началъ голодать и не принималъ пищи 11 дней, послѣ чего ему дали и бѣлый хлѣбъ, и молоко. Но было уже поздно, и недѣли черезъ двѣ онъ умеръ. Это была первая жертва режима, установленнаго Толстымъ. За нею вскорѣ послѣдовали другія, несмотря на то, что высшая администрація удостоила обратить вниманіе на Алексѣевскій равелинъ, вѣрнѣе всего изъ боязни, чтобы не перемерли всѣ вдругъ и при томъ въ самомъ непродолжительномъ времени: все же надо было соблюсти хотя тѣнь внѣшняго приличія и нѣкоторую постепенность въ препровожденіи насъ изъ земной юдоли туда, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханія. При томъ для насъ уже строилась Шлиссельбургская тюрьма. Кого-же тамъ держать, если Соколовъ съ Лѣсникомъ переморятъ

раньше должнаго времени тѣхъ, для кого и затѣяли реставрацію Шлиссельбурга.

Какъ бы тамъ ни было, въ іюлѣ насъ посѣтилъ *Оржевскій* и *Гансцкій*. Оржевскій тогда былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ корпуса жандармовъ. Онъ достаточно извѣстенъ, и не такъ давно сошелъ со сцены, занимая постъ виленскаго генералъ-губернатора. Ганецкій же былъ одинъ изъ ревностныхъ сподвижниковъ Муравьева-вѣшателя, и при подавленіи возстанія въ Литвѣ прославился своею грубостью, жестокостью и тупоуміемъ.

Еще до обѣда я замѣтилъ, что ожидаютъ кого-то. Я слышалъ, какъ Соколовъ заставлялъ команду продѣлывать сабельные пріемы, а потомъ принялся муштровать часового, должно быть, добиваясь, чтобы онъ научился произносить такъ, какъ это считалъ нужнымъ Соколовъ, фразу, съ которой тотъ долженъ обратится къ начальству: „Ваше Высокопревосходительство! Честь имѣю доложить, что въ Алексѣевскомъ равелинѣ караулы Его Императорскаго Величества стоятъ спокойно!“ Эту фразу повторяли разъ 10, и все Соколовъ былъ недоволенъ: „скоро, слишкомъ скоро, а ты вотъ такъ“, и Соколовъ, а за нимъ жандармъ, читали эту служебную фразу съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, при чемъ и солдатъ и офицеръ, оба выговаривали: „въ Алексѣевскимъ равелини“.

Первый изъ нихъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, второй, какъ это ему и приличествовало, держалъ себя бурбономъ. Оржевскій снялъ фуражку и, раскланявшись со мной, сталъ спрашивать о моей болѣзни, о томъ, что я считаю причиной ея, и прочее. Я пожалъ плечами и сдѣлалъ ему указаніе на качество нашей пищи и отсутствіе чистаго воздуха, какъ на причины, которыя неминуемо должны были вызвать цынгу, и прибавилъ, что это должны были знать тѣ, кто ставитъ насъ въ такія условія. Оржевскій старался замять непріятное направленіе разговора и замѣтилъ, что лѣтомъ вездѣ воздухъ нехорошій(!), спросилъ, не могу ли я указать, что я считаю теперь для себя полезнымъ. Я сказалъ, что еще не оправился отъ цынги, а у меня отняли молоко, составлявшее мою единственную пищу (мнѣ давали молоко недѣль 5 — 6, не болѣе). Онъ пробормоталъ что-то

невнятное и раскланялся со мной самымъ любезнымъ образомъ, а Ганецкій просто повернулся ко мнѣ спиной и, направившись къ двери, на ходу изрекъ: „зачѣмъ такъ себя велъ, чтобы попасть сюда. Нелегальнымъ путемъ!“ И крякнувъ, вышелъ. Не совѣмъ складно, но зато ясно выразился бравый генералъ. Хотя въ словахъ его получался совсѣмъ другой, неожиданный для него смыслъ: и тюрьма-то эта была беззаконная, и сажали въ нее беззаконнымъ путемъ. Молока я вновь не получилъ, но дня черезъ 3 — 4 условія нашего заключенія были значительно улучшены. Прогулку стали давать ежедневно и увеличили время втрое т. е. до ¾ часа. Стали давать книги (правда, эти книги были исключительно духовнаго содержанія: Четьи-Минеи, полное собраніе соч. св. Димитрія Ростовскаго, Христіанское чтеніе и другіе духовные журналы 30-хъ и начала 40-хъ годовъ и тому подобный хламъ, среди котораго были только двѣ удобочитаемыя книги: Стоглавъ (духовный соборъ, созванный Ив. Грознымъ) и Диксона Св. Земля—путешествіе по Палестинѣ, написанное, какъ и все, что пишетъ Диксонъ, живо, картинно и занимательно и весьма поучительно по общимъ взглядамъ. Не безъ интереса я прочелъ кое-что и въ Четьи-Минеяхъ.

Я въ первое время былъ радъ всякому клочку печатной бумаги и жадно набрасывался на все, что хоть по внѣшнему виду можно было назвать книгой. Пища была радикально измѣнена. Первое блюдо стали разнообразить: щи, борщъ, супъ. Особенно хороши были зеленыя щи со сметаной и яйцами. Три раза въ недѣлю давали битокъ въ сметанѣ (настоящій битокъ, а не то, что позднѣе давалось подъ этимъ именемъ въ Шлиссельбургѣ), три раза кашу, гречневую, пшенную и ячменную, изъ хорошей крупы, и въ очень большомъ количествѣ масло. А по воскресеньямъ жареное мясо и пирогъ. Постная пища была окончательно изгнана. Я помню, какъ въ первый разъ Иродъ торжественно указалъ на этотъ воскресный пирогъ ключомъ и внушительно произнесъ: „дается пирогъ!“ Не знаю, хотѣлъ ли онъ этимъ отвѣтить на мои слова, сказанныя Оржевскому, или просто хотѣлъ усугубить впечатлѣніе, которое должна была произвести такая великая милость, но онъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто ждалъ, что я буду просто уничтоженъ этими двумя словами. Но увы! Сердце мое такъ ожe-

точилось, что я совершенно спокойно только спросилъ: „съ ѣмъ?“ — „Съ рисомъ“, отвѣтилъ отрывисто, уже обычнымъ ѣловымъ тономъ Иродъ.—Мыла намъ все же не дали. Чай авали только тѣмъ, кто попроситъ доктора. Но мнѣ такъ яжело и такъ противно было даже просто разговаривать, тѣмъ болѣе просить о чемъ-нибудь Ирода и присныхъ его, то я предпочелъ переждать все время моего пребыванія въ авелинѣ безъ чаю. Соколовъ очень любилъ, чтобы его просили, и его задѣвало мое постоянное молчаніе. Я не обращался ни съ какими просьбами, даже, напр., тогда, когда осенью мои оты совершенно развалились, такъ что подошва отстала и изъ оска торчали пальцы. Всякій разъ на прогулкѣ я промачивалъ оги и шелъ по коридору, хлопая отстающими подошвами. Соколовъ, видимо, замѣчалъ это, но все ждалъ моей просьбы—дать новую обувь. Я побѣдилъ-таки, и онъ самъ обратился ко мнѣ: „у тебя, кажется, башмаки прохудились?“ Я замѣтилъ, что дежурный принесъ мнѣ новые, но по вкоренившемуся обычаю все сохранять въ строгой тайнѣ, держалъ ихъ у себя за спиной: „кажется“, отвѣчалъ я Соколову, поднявши ногу и указывая на капавшую изъ башмака воду. „Чего же ты раньше не говорилъ? Развѣ можно столько времени ходить въ разорванной обуви? За тобой нужно смотрѣть, какъ за малымъ ребенкомъ“. Вообще Соколовъ сталъ относиться гораздо мягче и внимательнѣе, чѣмъ этого можно ожидать отъ такого субъекта. Но это я объяснялъ себѣ не столько тѣмъ, что въ его душѣ пробудилось какое-либо человѣческое чувство, а тѣмъ, что начальство вовсе не желало, чтобы я окончательно сошелъ съ ума здѣсь, въ равелинѣ, и меня пришлось бы увезти въ больницу, какъ это сдѣлали съ *Иг. Ивановымъ*, котораго продержали тамъ до открытія Шлиссельбургской тюрьмы, а тогда привезли его, все еще больного, сюда и вогнали-таки въ гробъ. Измѣненіе режима, однако, пришло для нѣкоторыхъ товарищей слишкомъ поздно. Въ 20-хъ числахъ іюля умеръ *Лангансъ*. По вѣроисповѣданію онъ былъ католикъ и просилъ позвать ксендза. Ему не отказали въ этомъ, обѣщали даже, но... онъ такъ и умеръ безъ напутствія своего священника. Вѣроятно, начальство нашло неудобнымъ послать ксендза въ равелинъ и оставить его съ глазу на глазъ съ государственнымъ преступникомъ.

О каждой новой смерти можно было узнать по лампамъ. Дѣло въ томъ, что лампы, выносившіяся утромъ изъ нашихъ камеръ, становились на подоконникъ окошекъ стѣны коридора, каждая противъ той кемеры, которой она принадлежала. И всегда число лампочекъ соотвѣтствовало числу заключенныхъ, такъ что легко было, пересчитавши ихъ, убѣдиться въ убыли одного изъ товарищей. Для тѣхъ же, кто зналъ число камеръ и ихъ расположеніе, не оставалось труда сообразить, какой № занималъ усопшій.

IX.

Заботливый Соколовъ и Ганецкій (т. к. всякая мелочь въ Алексѣевскомъ равелинѣ дѣлалась съ его разрѣшенія) дошли, наконецъ, до того, что меня перевели въ другой №—15, гдѣ сидѣлъ раньше Мирскій, увезенный въ Сибирь въ концѣ іюня 83 года.—4 августа, когда я уходилъ съ прогулки, Соколовъ остановилъ меня и сказалъ: „я тебя перевожу въ другой № — лучшій. Какъ ты здѣсь сидѣлъ тихо, такъ и тамъ сиди“. Я, можетъ быть, поблагодарилъ бы за такую любезность, еслибъ только онъ не прибавилъ нравоученія, такъ что я сказалъ лишь въ отвѣтъ, что, идя гулять, сдалъ книгу Христіанское чтеніе, но забылъ сказать, чтобы дали слѣдующую. Должно быть, Иродъ въ этотъ день былъ въ особенно благодушномъ настроеніи, ибо вдругъ, къ великому моему удивленію, онъ положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ: „двѣ сразу дамъ!“ При этомъ онъ посмотрѣлъ на меня тѣмъ же взглядомъ, какъ въ тотъ день, когда онъ хотѣлъ сразить меня рисовымъ пирогомъ. На этотъ разъ я не выдержалъ суровости нрава и въ первый еще разъ со времени знакомства съ Иродомъ сказалъ ему: „благодарю Васъ“, чѣмъ онъ видимо былъ тронутъ, и чтобы еще болѣе подчеркнуть свою внимательность, войдя со мною въ мою новую камеру, сталъ мнѣ объяснять, что нужно отворять вентиляторъ, если я хочу, чтобы воздухъ былъ чистъ, и даже объяснилъ мнѣ, что для того, чтобы открыть вентиляторъ, нужно поставить стулъ къ стѣнѣ и влѣзть на него! Эта камера, какъ мнѣ послѣ говорилъ Колодкевичъ, была лучшей во всемъ коридорѣ. Дѣйствительно, она была суха и тепла, и воздухъ былъ въ ней хорошій, благодаря двумъ

вентиляторамъ. Одинъ изъ нихъ, маленькій жестяной, такой же, какъ и во всѣхъ другихъ камерахъ, былъ вдѣланъ въ окно; другой, большой и красивый, изъ эмалированнаго желѣза, находился во внутренней стѣнѣ, выходившей въ коридоръ, близъ печи. Размѣровъ эта камера была очень почтенныхъ: длиной въ 11, а шириной въ 9 шаговъ.

Раньше въ этой камерѣ сидѣлъ *Мирскій*, увезенный незадолго передъ тѣмъ въ Сибирь. Онъ потомъ говорилъ, что обязанъ этимъ польскимъ магнатамъ, принимавшимъ въ немъ участіе и хлопотавшимъ за него, и самому *Дрентельну*, за покушеніе на жизнь котораго Мирскій и судился *).

Тяжелыя впечатлѣнія ждали меня на новосельѣ. Изъ сидѣвшихъ въ этомъ коридорѣ только одинъ Арончикъ ходилъ на прогулку, да и то еле переставлялъ ноги, такъ что сейчасъ можно было замѣтить, какъ сильно онъ боленъ. Мои сосѣди, *Баранниковъ* въ № 14 и *Колодкевичъ* въ № 16, не вставали съ постели и не могли отвѣчать на мой стукъ. Баранниковъ былъ уже при смерти, и его стоны разрывали мнѣ сердце. Разъ мнѣ удалось уловить нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ во время обхода. Услыхавъ разговоръ, я бросился къ двери, приложилъ ухо, но успѣлъ только разобрать его вопросъ: „а чай горячій?“ —„Горячій, горячій!“, отвѣчалъ Соколовъ и вышелъ изъ камеры. Эти три слова были сказаны такъ, что сердце сжималось: видно было, что говорилъ умирающій... На другой день послѣ обѣда къ нему привели священника, который пробылъ въ камерѣ минутъ 15—20, что, видимо, смутило Ирода, ходившаго все время по коридору. Онъ два раза подходилъ къ двери и спрашивалъ: „Батюшка, скоро?“ Тотъ, кто самъ не былъ въ подобныхъ условіяхъ, едва ли могъ бы представить себѣ, какая это адская мука знать, что рядомъ съ тобой, отдѣленный только стѣною, мучается въ агоніи твой товарищъ, можетъ быть, твой близкій, дорогой другъ, одинокій, безпомощный, лишенный

*) Одна моя знакомая разсказывала мнѣ весной 79 года, что когда она была у Дрентельна, дня черезъ 3—4 послѣ этого покушенія, съ какои-то просьбой о мужѣ, сидѣвшемъ тогда въ тюрьмѣ, то онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что Мирскому удалось скрыться: „Пожалуйста, передайте ему, чтобы онъ былъ спокоенъ за свою жизнь, если его и арестуютъ: я никогда не допущу, чтобы изъ-за меня повѣсили человѣка“.

возможности предъ смертью увидать хоть одинъ любящій взглядъ, услышать хотъ одно теплое слово. И ты безсиленъ хоть чѣмъ-нибудь облегчить его страданія! Ужасно, ужасно! Это доводило меня до изступленія, и я бѣгалъ по камерѣ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Дней черезъ пять Баранниковъ умеръ. Я помню, его стоны разбудили меня въ три часа утра, и я уже не могъ болѣе заснуть. Онъ стоналъ часа 1½ подрядъ. Жандармы шушукались въ коридорѣ, часто подходили къ двери и заглядывали въ стеклышко, но не входили къ нему. Наконецъ, онъ сталъ стихать, стихать и совсѣмъ замолкъ. Прошло минуть пять, и вдругъ снова раздался стонъ—пронзительный, протяжный, и сразу рѣзко оборвался. Все было кончено. Въ шесть часовъ, при обычномъ утреннемъ обходѣ, въ № 14 зашелъ Соколовъ и сейчасъ же вышелъ. Замѣтно было, что оттуда не выносили ведра, не наливали свѣжей воды, не подметали полъ, не дѣлали, словомъ, того, что обыкновенно дѣлалось. Часовъ семь съ половиной, раньше, чѣмъ докторъ, обыкновенно, обходилъ больныхъ, Соколовъ снова пришелъ съ Вильмсомъ. Они пробыли въ камерѣ минуты 2—3 и ушли. Немного погодя, жандармы вынесли трупъ и стали прибирать камеру.

Дня четыре спустя умеръ *Тетерка,* сидѣвшій въ самомъ концѣ коридора, въ № 19. Въ началѣ сентября увезли въ больницу *И. Иванова,* и остались здѣсь только я (15), *Колодкевичъ* (16) и Арончикъ (18). Въ половинѣ сентября Колодкевичъ уже могъ по временамъ вставать съ постели. Помню, какъ я обрадовался, когда за обѣдомъ услыхалъ стукъ, вызывавшій меня. Я бросился къ стѣнѣ и назвалъ себя. Какъ всегда бываетъ въ первое время, такіе разговоры идутъ безсвязно и безпорядочно. Такъ много хочется сказать, такъ много хочется спросить; такая масса мыслей и чувствъ овладѣваетъ тобой, что ни о чемъ толкомъ не успѣешь переговорить, да къ тому же Колодкевичъ не могъ стоять иначе, какъ на костыляхъ, и говорилъ, что ему трудно держаться на ногахъ болѣе десяти минутъ сряду. Оказалось, что онъ четыре съ половиной мѣсяца пролежалъ въ постели. Цынга въ этомъ коридорѣ у всѣхъ была очень сильная, и еслибы послѣ посѣщенія Оржевскаго не приняли рѣшительныхъ мѣръ, то перемерли бы всѣ поголовно. Мнѣ пришлось провести все остальное время моего пребыванія

въ равелинѣ рядомъ съ Колодкевичемъ вплоть до дня его смерти (26 іюля 84 г.).

И чѣмъ болѣе я вспоминаю объ этомъ честномъ, искреннемъ, добромъ и вмѣстѣ сильномъ умомъ и волею человѣкѣ, тѣмъ больше и больше я проникаюсь уваженіемъ, даже просто благоговѣніемъ къ его памяти, и тѣмъ болѣе понимаю, какъ многимъ я лично ему обязанъ. Какъ онъ былъ нѣженъ ко мнѣ, какъ былъ заботливъ, какъ ему хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь облегчить мое тяжелое душевное состояніе. Одиночное заключеніе и болѣзни всегда дурно отражаются на характерѣ человѣка. Онъ невольно становится раздражительнымъ, брюзгливымъ, эгоистичнымъ, тяжелымъ и для себя, и для другихъ. Ничего подобнаго я не замѣчалъ въ Колодкевичѣ. Онъ былъ всегда одинаково ровенъ, твердъ, терпѣливъ, ни на что не жаловался, не любилъ даже говорить о своихъ страданіяхъ и всегда старался ихъ умалить. Ловко онъ умѣлъ наводить разговоръ на такіе предметы, которые могли отвлекать меня отъ мрачныхъ мыслей, угнетавшихъ меня. Какъ искусно умѣлъ онъ затрагивать въ моей душѣ все то, что могло поддерживать вѣру и надежду на будущее, энергію и бодрость духа, такъ необходимыя для борьбы и съ душевнымъ и физическимъ недугомъ, все еще не покидавшимъ меня. Въ это время меня страшно угнетала болѣзненная мысль, что жандармы отравили меня, давши пищу, зараженную трихинами. Я чувствовалъ, какъ эти трихины медленно распространялись по организму, день за днемъ заполняя его больше и больше, и съ ужасомъ ждалъ, что они проберутся въ мозгъ, и я стану идіотомъ, а этого именно жандармы и хотятъ. Сначала, когда я твердо вѣрилъ въ эту нелѣпость, она терзала и приводила меня въ отчаяніе. Морозъ пробѣгалъ по кожѣ, когда въ умѣ рисовались картины того, что я буду тогда изображать, и все чаще и чаще думалъ я, не покончить ли мнѣ скорѣе съ собою, не дожидаясь такого ужаснаго исхода. Послѣ, когда сознаніе стало проясняться, меня не менѣе того стала мучить мысль, что если я дохожу до такихъ несообразностей, то значитъ, что я сошелъ съ ума, и трихинамъ нечего стараться заползти въ мой мозгъ, потому что и безъ нихъ я скоро начну жевать свои рукава и рычать по звѣриному. Это, въ свою очередь, толкало меня къ самоубійству, и результатомъ

явились въ началѣ марта 84 года двѣ попытки лишить себя жизни.

Колодкевичъ очень внимательно слѣдилъ за моимъ душевнымъ состояніемъ и умѣлъ его вѣрно понимать, несмотря на такой неудобный способъ сношеній, какой былъ единственно для насъ возможнымъ. Онъ со своими больными ногами простаивалъ на костыляхъ, иногда по цѣлому часу, заставляя меня разсказывать о Волгѣ (онъ никогда по ней не ѣздилъ и даже не видывалъ ея), о моихъ охотничьихъ воспоминаніяхъ, о дѣтствѣ. Онъ просилъ меня описать нашу усадьбу, садъ, рощу, моего отца, сестеръ, интересовался мельчайшими подробностями моей личной жизни. Разсказывалъ и самъ объ одномъ садѣ въ Сидневѣ, въ имѣніи близкаго своего друга, *Давиденко,* который былъ повѣшенъ въ августѣ 79 года (по процессу Чубарова, Лизогуба и др.) Какъ часто я отходилъ отъ стѣны успокоившись, съ примиренной и охваченной добрыми чувствами душой, въ которой они смѣняли злобный порывъ отчаянія, когда я готовъ былъ попробовать разбить себѣ голову о стѣну. Колодкевичъ былъ очень остороженъ въ передачѣ мнѣ такихъ вещей, которыя могли бы дѣйствовать на меня неблагопріятно. Напримѣръ, зная, что Ширяевъ былъ моимъ лучшимъ другомъ, онъ всегда очень уклончиво говорилъ о его смерти и увѣрялъ, что ему неизвѣстенъ ни способъ, какимъ онъ лишилъ себя жизни, ни обстоятельства, бывшія причиной этого; и сейчасъ же переводилъ разговоръ на что-нибудь другое, когда я снова начиналъ разспрашивать объ этомъ, хотя онъ слышалъ отъ Мирскаго всѣ подробности. Я не сомнѣвался въ томъ, что, главнымъ образомъ, сосѣдству Колодкевича я обязанъ тѣмъ, что не сошелъ съ ума и не лишилъ себя жизни. Въ тюрьмѣ для меня самымъ тяжелымъ временемъ бывала весна, и именно ранняя весна, когда появятся первыя проталинки, когда тронется ледъ, появятся первые цвѣты подснѣжника (онъ росъ въ нашемъ саду), начнется пролетъ птицъ, начнетъ пробуждаться въ природѣ дремавшая всю зиму жизненная сила. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что съ дѣтства это время (вторая половина марта и первая—апрѣля) было моимъ любимымъ временемъ года. Можетъ быть, тутъ играютъ роль причины общаго характера, въ силу которыхъ наступленіе весны вызываетъ въ орга-

низмѣ приливъ силъ, бодрости, энергіи. Какъ бы то ни было, а весной я страдалъ и страдаю сильнѣе; весной же 84 года мои страданія осложнились еще той борьбой здраваго смысла и болѣзненныхъ представленій, о которой я уже говорилъ. И вотъ мысль о смерти, какъ благодѣтельной избавительницѣ отъ угрожавшей мнѣ перспективы, стала все чаще и чаще приходить въ голову. И тѣ возраженія противъ самоубійства, которыя я находилъ раньше, блѣднѣли и теряли силу. Въ самомъ дѣлѣ, что ожидаетъ меня дальше? Изоляторъ или домъ умалишенныхъ. Однажды Мирскій здѣсь въ разговорѣ съ докторомъ обронилъ какъ-то фразу: „когда меня увезутъ въ Сибирь"... но Вильмсъ не далъ ему докончить, захохоталъ и сказалъ: „я старикъ, и голова у меня тутъ посѣдѣла на службѣ, а не помню, чтобы отсюда куда-нибудь увозили, кромѣ какъ на кладбище, либо въ сумашедшій домъ!".

Правъ былъ старикъ, — чего мнѣ еще ждать? О моей смерти все равно никому не будетъ извѣстно. Съ прошлымъ теперь ничто меня не связываетъ: всѣ нити жизни оборваны. Дѣло? Да развѣ есть хоть какая-нибудь надежда на то, что мнѣ когда-нибудь выпадетъ счастье снова служить ему? Наконецъ, развѣ моя смерть не сослужитъ службы тому же дѣлу? Быть можетъ, теперь единственный способъ быть полезнымъ,—это прибавить еще одно имя къ числу жертвъ самодержавія! Не могу сказать, чтобы я не противился искушенію: нѣтъ, я порою упорно боролся съ нимъ, говорилъ, что у меня вся жизнь впереди, что я не знаю всего, происходящаго на волѣ. Теперь, можетъ быть, партія снова окрѣпла, можетъ быть, она идетъ твердыми и вѣрными шагами къ побѣдѣ. Я считаю себя похороненнымъ заживо, межъ тѣмъ еще не было тюрьмы, съ которой рано или поздно не установились бы сношенія. Были сношенія и здѣсь; будутъ когда-нибудь и опять, не черезъ три, такъ черезъ пять лѣтъ. Окажется возможнымъ все то, что теперь представляется немыслимымъ. Въ теченіе осени перемѣна нашего режима и сосѣдство товарища, къ которому я такъ привязался, повліяли на меня также очень благотворно. Однако, зимой тяжелое угнетенное настроеніе стало все чаще и чаще овладѣвать мной.

Новый годъ 1884 я встрѣтилъ очень грустно: мнѣ вдругъ

такъ живо вспомнилась послѣдняя встрѣча на волѣ, тогда собралась на моей „конспиративной“ квартирѣ тѣсная товарищеская семья. Наша группа тогда была еще въ полномъ составѣ. Положеніе дѣлъ обѣщало полный успѣхъ; я былъ исполненъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Всѣ мы были веселы, не думали и не гадали, что готовилась намъ поднести судьба. Теперь вотъ уже второй годъ я встрѣчаю въ тюрьмѣ, и будущее мнѣ кажется такимъ мрачнымъ и непроглядным. Когда вслѣдъ на поздравленіе Колодкевича я сказалъ, что новый годъ намъ не можетъ принести ни радости, ни надеждъ,—кромѣ развѣ надежды поскорѣе переселиться туда, „гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій“,—то онъ возразилъ мнѣ. По его словамъ, измѣненія, произведенныя въ нашей тюрьмѣ, имѣютъ большое значеніе. Кто знаетъ? Быть можетъ, теперь правительство уже рѣшило пойти на уступки и дать конституцію. Мнѣ же, наоборотъ, казалось, что смягченіе тюремнаго режима означаетъ подавленіе революціоннаго движенія, ибо это подавленіе влечетъ за собою и ослабленіе той свирѣпой озлобленности, какую правительство проявило относительно насъ. Усиленіе грубости обращенія, введеніе новыхъ стѣсненій, служило для меня указаніемъ на обостреніе борьбы, усиленіе партіи, возобновленіе террористическаго движенія. И я думалъ въ такіе періоды: „ну и круто имъ, должно быть, приходится“!

Въ концѣ февраля съ первыми теплыми, ясными днями мнѣ стало невтерпежъ. Раздумывая о способѣ, какимъ удобнѣе лишить себя жизни, я остановился на угарѣ. Дѣло въ томъ, что наши печи топились изъ коридора, и закрывались вьюшкой самими заключенными изъ камеры, когда жандармы условнымъ хлопаньемъ печной дверцы дадутъ знать, что можно уже закрывать трубу. Я нѣсколько дней подрядъ вынималъ вьюшки, чтобы выяснить, насколько силенъ можетъ быть угаръ, и какъ лучше уловить моментъ для открытія трубы, такъ какъ, если слишкомъ рано вынешь вьюшки, камера наполнится дымомъ, и жандармы могутъ замѣтить; а слишкомъ поздно—не будетъ достаточно силенъ угаръ. Наконецъ, наступилъ избранный день. Какъ только разгорѣлась печь, я сталъ каждыя 2—3 минуты закрывать трубу вьюшкой для пробы, а потомъ сходилъ со стула, поставленнаго возлѣ печи, чтобы жандармамъ не по-

казалось подозрительнымъ мое постоянное пребываніе внѣ района ихъ наблюденій, такъ какъ эта часть камеры не была видна изъ дверной щели, и дежурный начиналъ щелкать заслонкой всякій разъ, когда не могъ видѣть заключеннаго, находившагося у печки. Тогда нужно было показать ему свою особу, чтобы онъ не поднялъ тревоги. Когда прошелъ густой дымъ, я, чтобы вдохнуть возможно большее количество окиси углерода, окончательно забрался на стулъ и сталъ усиленно вдыхать шедшій оттуда угаръ. Я дышалъ жадно, дѣлая такія глубокія вдыханія, какія только могъ, и до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что ноги у меня подкашиваются, голова кружится, и я болѣе не въ силахъ держаться на стулѣ, даже придерживаясь руками за дверцу отдушины. Я осторожно слѣзъ со стула и, шатаясь какъ пьяный, добрелъ до кровати и легъ на спину, закрывши рукавами куртки верхнюю часть лица, чтобы жандармъ не замѣтилъ чего-нибудь въ выраженіи моего лица, что въ связи съ легкимъ голубоватымъ дымкомъ, наполнившимъ всю камеру, могло бы показаться имъ подозрительнымъ. Я угорѣлъ очень сильно, но умереть все-таки не удалось. Хотя я и закрылъ оба вентилятора и въ окнахъ были двойныя рамы, но все-же свѣжій воздухъ просачивался въ камеру, а камерный выходилъ наружу. Часа два, можетъ быть болѣе, я пролежалъ въ безсознательномъ состояніи, но передъ самымъ обѣдомъ я немного очухался и меня вырвало. Это случилось, когда начали уже раздавать обѣдъ. Должно быть, хлопанье дверей и громыханье ихъ ужасныхъ засововъ, описанное мною раньше, и привело меня въ сознаніе. Я не только не могъ встать съ постели, но даже не въ силахъ былъ двинуть рукой, и какъ мнѣ ни хотѣлось, не могъ убрать слѣдовъ рвоты. Соколовъ, только что вступивъ черезъ порогъ камеры, вдругъ остановился и повелъ носомъ въ обѣ стороны, словно гончая, потерявшая слѣдъ, и затѣмъ что-то буркнулъ дежурному, что именно, я не могъ разобрать, но увидѣлъ, какъ этотъ послѣдній, совершенно по собачьи, повелъ носомъ. Соколовъ быстро подошелъ къ постели и уставился на меня змѣиными глазами. „Ты съѣлъ что-нибудь?“ — „Ничего“, еле выговорилъ я въ отвѣтъ.— „Нѣтъ, однако, съ воды да съ хлѣба этого не должно быть. Вотъ мы покажемъ доктору“, окончилъ онъ съ угрозой въ

голосѣ. Одинъ изъ дежурныхъ подошелъ къ постели съ какимъ-то желѣзнымъ ведромъ и собралъ въ нее рвоту, а другой куда-то исчезъ, должно быть-побѣжалъ за докторомъ, ибо не болѣе какъ черезъ 5—10 минутъ явился Вильмсъ. Онъ остановился на порогѣ, понюхалъ воздухъ и, подойдя къ душнику, зажегъ спичку и сунулъ ее туда. Спичка погасла. — „Видите, Матвѣй Ефимовичъ“, сказалъ Вильмсъ очень громко, забывшись до того, что въ присутствіи арестанта назвалъ смотрителя по имени. Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, вынулъ часы и, щупая мой пульсъ, сказалъ Соколову: „отравленіе окисью углерода. Всѣ признаки на лицо. Взгляните на него, какъ лицо покраснѣло, а губы-то, губы! Что бы для него сдѣлать? Что сдѣлать?—Я тебѣ пришлю чего-нибудь“, обратился ко мнѣ докторъ. — „А нельзя ли его теперь, сейчасъ же на чистый воздухъ?“ спросилъ онъ Соколова.—Можно, можно.—Не желательно ли гулять итти?“— „Не могу, оставьте меня въ покоѣ“, черезъ силу выговорилъ я. — „Въ такомъ случаѣ на полъ часа отворю дверь въ коридоръ“. Такъ и сдѣлали. Соколовъ пошелъ раздавать обѣдъ далѣе, а дверь оставилъ открытой. Отворили, конечно, также оба вентилятора. Вернувшись, Иродъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ ходилъ по коридору, пока не прошли назначенные полчаса. Наконецъ, посмотрѣвъ на часы, онъ заперъ дверь и пошелъ самъ обѣдать. Часа черезъ два онъ опять пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ итти гулять, и видя, что я еще не въ силахъ встать, снова отворилъ дверь и продежурилъ въ коридорѣ. Весь день я лежалъ пластомъ безъ движенія и, понятно, не могъ ни обѣдать, ни ужинать. Вечеромъ меня опять посѣтилъ докторъ, и Соколовъ опять оставилъ дверь отворенной на время раздачи ужина. Только на другой день я могъ встать съ постели,—въ какомъ физическомъ и душевномъ состояніи, можетъ себѣ представить всякій. Одно изъ самыхъ глупыхъ положеній, это положеніе человѣка, остающагося жить послѣ неудачной попытки самоубійства. Я былъ страшно разбитъ и слабъ, но все-таки могъ кое-какъ пойти гулять во время раздачи обѣда. А послѣ обѣда Соколовъ чуть не силой повелъ меня вторично на прогулку. — „Нельзя не итти. Тебѣ необходимо на чистый воздухъ. Докторъ приказалъ какъ

можно больше гулять". И смѣхъ, и горе! Чтобы я не сдѣлалъ другой попытки, Соколовъ унесъ у меня вьюшки.

Колодкевичъ давно замѣтилъ, что творится нѣчто неладное, и нѣсколько разъ звалъ меня наканунѣ и утромъ на другой день, но я не въ силахъ былъ ему отвѣтить, и только вечеромъ подошелъ къ стѣнѣ и сталъ разсказывать ему обо всемъ происшедшемъ. Когда я дошелъ до того, что Иродъ унесъ у меня вьюшки, то Колодкевичъ перебилъ меня и сказалъ: „то первый порядочный поступокъ въ жизни смотрителя". Я было чуть не разсердился на эту шутку, но Колодкевичъ заговорилъ сейчасъ же со мной такъ тепло, такъ сердечно, что мнѣ стало стыдно за свою вспышку раздраженія, и я порадовался, что не успѣлъ сказать ему какой-нибудь рѣзкости. Я не предупредилъ Колодкевича о своемъ намѣреніи, потому что не хотѣлъ его разстраивать и волновать, и теперь мнѣ было очень тяжело, что мой поступокъ заставилъ его такъ мучиться за меня душой. Но все же я не могъ дать того, что просилъ,—слова, что я не повторю своей попытки. Неудача меня обезкуражила, тѣмъ болѣе, что самый, повидимому, легкій и удобный способъ окончился неудачей, и повторить его, еслибы на это даже нашлась охота, не было возможности, ибо Соколовъ отказался возвратить мнѣ вьюшки, когда я сталъ ихъ требовать, говоря ему, что въ камерѣ холодно, жить нельзя. Онъ очень рѣшительно сказалъ: „коли холодно, велю топить больше; цѣлый день топить буду. А вьюшки тебѣ имѣть нѣтъ надобности".

Пришлось прибѣгнуть къ другому способу, къ тому, который раньше всего пришелъ мнѣ въ голову, а именно—повѣситься. Но тогда я рѣшилъ испробовать угаръ, такъ какъ въ камерѣ положительно негдѣ было приладить петлю; голыя стѣны и только. Можно было, собственно говоря, не повѣситься, а задушиться. Дня черезъ 3 — 4 спустя я сдѣлалъ петлю изъ полосъ, оторванныхъ отъ простыни и привязалъ ее къ столбику кровати. Когда я всунулъ въ нее голову и опустился, вытянувши ноги, стараясь, чтобы туловище было почти параллельно плоскости пола, то ноги то и дѣло прикасались къ полу, и петля затягивалась медленно, слишкомъ медленно и мучительно. Я старался вытягивать ноги такъ, чтобы упираться только носками башмаковъ и

такимъ образомъ увеличить силу напора на петлю моей шеи. Но весьма естественно, что несмотря на всѣ мои усилія, какихъ только сознаніе могло слушаться, ноги мои сгибались и колѣна упирались въ полъ. Я ихъ опять вытягивалъ, пробовалъ насколько возможно туже затянуть петлю руками, но все же дѣло шло плохо. Я хрипѣлъ, глаза выпятились, я чувствовалъ во всей головѣ, и особенно въ глазахъ страшную боль отъ растягиванія сосудовъ задержанной въ нихъ кровью. Наконецъ, я почувствовалъ, что теряю сознаніе и поспѣшилъ сложить руки за спиной, засунувъ кисти рукъ въ штаны, чтобы какъ-нибудь безсознательно не опереться ими о полъ. Вѣроятно, удалось бы въ концѣ концовъ задушиться, если бы я пролежалъ такъ минутъ 15—20. Но увы! Со времени моего перваго покушенія за мной стали очень усердно слѣдить. Вѣроятно, дежурный, увидѣвъ, что меня нѣтъ въ его полѣ зрѣнія, сталъ, по обычаю, щелкать задвижкой. Этого щелканья, понятно, я не могъ ни слышать, ни показаться ему, если бы даже и услыхалъ. У него явились подозрѣнія, и онъ побѣжалъ за смотрителемъ. Дверь отворилась, и Соколовъ съ обоими дежурными кинулись ко мнѣ... У меня тотчасъ же отобрали полотенце, простыню, сдѣлали тщательный обыскъ въ камерѣ, и хотѣли было меня самого раздѣть. Тутъ произошло нѣчто странное, невѣроятное: въ Иродѣ заговорило человѣческое чувство. Когда онъ сказалъ, указывая на меня: „Посмотрите, нѣтъ ли на немъ другой петли подъ одеждой про запасъ“, — жандармы кинулись на меня, какъ собаки. Одинъ сталъ тащить съ меня куртку, другой сталъ шарить за пазухой... Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, и нервная дрожь исказила мое лицо. Взглянувши на меня, Соколовъ сказалъ: „оставьте, оставьте его! Не нужно обыскивать! Оставьте, не раздѣвать—говорю тебѣ!“ прикрикнулъ онъ на унтеръ-офицера, который все еще по инерціи тащилъ съ меня за рукавъ куртку, и даже отстранилъ его рукой. Затѣмъ у меня съ Соколовымъ произошелъ курьезный разговоръ. Онъ началъ мнѣ говорить, что какъ христіанинъ, и „по долгу человѣчества“ онъ не можетъ мнѣ дозволить повѣситься(!!), а обязанъ за мной слѣдить, чтобы я не сдѣлалъ себѣ никакого вреда. Я вспыхнулъ и рѣзко сказалъ ему: „если бы въ Васъ было хоть что-нибудь человѣческое, Вы не стали бы

мнѣ мѣшать!“ — «Какое же въ этомъ будетъ человѣческое, если я человѣка въ петлѣ оставлю? Нѣтъ, долгъ службы и человѣчества мнѣ не дозволяютъ. И какая тебѣ надобность вѣшаться? (Sic). Вѣдь на меня ты пожаловаться не можешь: я за тобой смотрю, какъ за сыномъ (не вспомнилъ ли тутъ Соколовъ эпизодъ съ башмаками?) Я тебя пальцемъ не тронулъ ни разу, слова тебѣ худого не сказалъ. Я знаю, что хотя ты и осужденъ, ты человѣкъ порядочный, человѣкъ съ *понятіемъ*, ну, и обращался съ тобой, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ. А если чего не могу дозволить, то вѣдь не отъ меня зависитъ: я дѣлаю только то, что прикажутъ. А почемъ ты знаешь, что съ тобой будетъ? Ты вѣдь человѣкъ молодой, правительство у насъ „*милостивое*“...».—„Ну“, перебилъ я его, указывая на № 14, гдѣ умеръ Баранниковъ, „мы видимъ, какое ваше правительство милостивое, и чего отъ него можно ждать. Сколько человѣкъ Вы здѣсь уморили?“— „Что было, то прошло, объ этомъ говорить не стоитъ. Теперь все дѣлается къ лучшему. Почемъ еще знать, чѣмъ ты будешь?“ — „Министромъ буду“, отвѣчалъ я съ досадой. — „Всего можно ждать“, самымъ серьезнымъ образомъ замѣтилъ Соколовъ, и посовѣтовавши мнѣ спать, удалился въ свое логовище. Жандармы вышли за нимъ, и я остался совершенно разбитый душой, озлобленный неудачей, озлобленный безысходностью своего положенія.

На другой день мнѣ возвратили полотенце, но простыни уже не давали вплоть до конца моего пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Когда Колодкевичъ узналъ о всемъ происшедшемъ, и я сказалъ ему, что Соколовъ отобралъ у меня простыню, то онъ замѣтилъ: „Умно сдѣлалъ. Я положительно начинаю примиряться со смотрителемъ“. Потомъ онъ началъ очень деликатно и нѣжно упрекать меня за то, что я своими покушеніями заставляю его страдать, что я не хочу подумать, какой тяжелый ударъ былъ бы для близкихъ мнѣ людей, если бы они узнали, что я лишилъ себя жизни, что не хорошо настолько поддаваться чувству, чтобы забывать о страданіяхъ людей, жизнь которыхъ связана съ моею жизнію, и которыхъ мнѣ было тяжело, и по правдѣ сказать, стыдно. Въ концѣ этого разговора я не устоялъ и далъ ему честное слово, котораго онъ

отъ меня уже давно требовалъ. Милый и дорогой товарищъ! Какъ мнѣ тяжела была потомъ мысль, что никогда тебя я не увижу, никогда не выскажу живымъ и свободнымъ языкомъ, что накопилось на сердцѣ.

Съ этихъ поръ въ моемъ настроеніи наступилъ переломъ, и я началъ поправляться и душевно, и физически. Конечно, значительную роль здѣсь играло то, что всѣ условія нашего заключенія стали мягче. Кромѣ того, о чемъ я уже упоминалъ (т. е. книги, пища и пр.), значительно измѣнилось обращеніе съ нами Соколова и Вильмса. Оба они припрятали на время свои волчьи зубы и старались замести лисьимъ хвостомъ воспоминаніе о совершенныхъ ими варварствахъ. Я помню, какъ добродушенъ и заботливъ сталъ Вильмсъ, освѣдомлявшійся даже о настроеніи духа. Онъ разъ спросилъ меня; „ну, а настроеніе наше каково? Подъ кровать больше не полѣземъ?“ (оба они стали избѣгать мѣстоимѣніе „ты“ и старались говорить въ безличной формѣ), и сталъ затѣмъ разсуждать, что я человѣкъ еще молодой, цѣлая жизнь впереди и пр. „Я—вонъ какой старикъ, посѣдѣлъ весь, а все же жить хочется“. Словомъ, и онъ, и Соколовъ совсѣмъ было начали на людей походить. Много значило все это, но еще болѣе значило благотворное вліяніе, какое на меня оказывало сосѣдство Колодкевича, и это становится для меня несомнѣннымъ, когда я припоминаю, какъ мое состояніе снова начало ухудшаться съ того тяжелаго дня, когда я потерялъ этого человѣка, ставшаго для меня безконечно дорогимъ.

Въ мартѣ было у насъ большое горе: умеръ Михайловъ, такъ и просидѣвшій изолированнымъ все время заключенія до послѣднихъ дней своей жизни. Будучи на прогулкѣ, я наблюдалъ за числомъ лампъ въ коридорѣ. Но вотъ однажды я не нашелъ лампы на знакомомъ мнѣ окнѣ маленькаго коридора; что-то, очевидно, случилось. Я сталъ съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдить за всѣмъ, что тамъ творилось, и мои наблюденія подтвердили справедливость печальнаго предположенія: дверь № 1 никогда уже не отворяли.

X.

Въ апрѣлѣ 84 года наше монотонное существованіе оживилось прибываніемъ новыхъ товарищей, переведенныхъ изъ Трубецкого, такъ какъ тамъ стало тѣсно, и нужно было очистить мѣсто для подслѣдственныхъ.

Это были, во-первыхъ, помилованные изъ процесса 18-ти народовольцевъ: (мартъ 83 г.) *Юрій Богдановичъ, Грачевскій, Савелій Златопольскій* (братъ Льва, осужденнаго по процессу 20-ти народовольцевъ 4 февраля 82 г.), лейтенантъ *Буцевичъ, Клименко и Телаловъ.*

Всѣмъ имъ повѣшеніе было замѣнено каторгой на коронаціи 15 мая.

Телаловъ умеръ еще въ 83 г. Остальные же, въ числѣ 22-хъ, составившихъ первый контингентъ Шлиссельбургской тюрьмы, попали туда.

1. Клименко повѣсился въ октябрѣ 84 г.
2. Буцевичъ умеръ отъ чахотки въ апрѣлѣ 85 г.
3) Златопольскій умеръ въ декабрѣ 85 г.
4) Грачевскій сжегъ себя, облившись керосиномъ, въ октябрѣ 87 г.
5) Богдановичъ умеръ отъ чахотки въ іюлѣ 88 г.

Въ теченіе пяти лѣтъ всѣ эти якобы помилованные были замучены. Стоило ли послѣ этого казнить явно?

Во-вторыхъ, тутъ было пять человѣкъ карійцевъ: *Юрковскій, Минаковъ, Крыжановскій, Долгушинъ* и *Малавскій.* Всѣ они были привезены въ Питеръ уже послѣ тѣхъ восьми человѣкъ, о которыхъ упоминалось ранѣе (со словъ Щедрина), и всѣ они, кромѣ Малавскаго, были въ числѣ бѣжавшихъ съ Кары въ маѣ 82 г. Долгушину надбавили 15 лѣтъ каторги за пощечину, которую онъ далъ въ 81 г. смотрителю Красноярскаго острога. Первоначально же онъ былъ осужденъ въ 74 г. на 10 лѣтъ и до 81 г. содержался въ Харьковской централкѣ, когда вмѣстѣ съ другими былъ препровожденъ на Кару.

Малавскій бѣжалъ изъ Красноярскаго острога въ 81 г., но черезъ нѣсколько дней былъ арестованъ тамъ же. Судьба его была замѣчательно трагична. Онъ былъ арестованъ осенью 77 г. по Чигиринскому дѣлу и сидѣлъ въ Кіевскомъ острогѣ. Для освобожденія сидѣвшихъ по этому дѣлу въ

мартѣ 78 г. *Фроленко* поступилъ въ надзиратели острога и въ первыхъ числахъ мая благополучно вывелъ изъ тюрьмы *Стефановича*, *Дейча* и *Боховскаго*. Малавскій тоже могъ бы уйти, но отказался, думая, что ему ничего особеннаго не будетъ. Чигиринское дѣло дало два процесса: процессъ интеллигентныхъ участниковъ, и особый процессъ крестьянъ, которыхъ судилось болѣе 40 человѣкъ. Главные виновники бѣжали, и изъ семи человѣкъ перваго процесса были серьезно осуждены только двое: Малавскій на 4 г. каторги и *Юлія Круковская*—на поселеніе. Это было осенью 79 г., и осужденные, на свою голову, подали кассаціонную жалобу на приговоръ Кіевской судебной палаты. Въ сенатѣ это дѣло пересматривали въ 81 г., вскорѣ послѣ 1 марта, и сенатъ отмѣнилъ приговоръ палаты, замѣнивъ Малавскому четыре года двадцатью годами, а Круковской поселеніе—тринадцатилѣтней каторгой. Малавскій написалъ по поводу новаго приговора письмо, напечатанное въ № 7 „Народной Воли“, что, понятно, вызвало противъ него озлобленіе, и за побѣгъ (изъ Красноярскаго острога) ему не только снова увеличили срокъ, но и перевели въ Петропавловскую крѣпость.

Всѣ они, какъ послѣ оказалось, были предназначены къ отправкѣ въ Шлиссельбургъ, что, вѣроятно, тоже играло роль въ ихъ переселеніи къ намъ. Дѣло въ томъ, что до лѣта 83 года, несмотря на провалъ сношеній съ Алексѣевскимъ равелиномъ и на рядъ принятыхъ строгостей въ Трубецкомъ, тамъ все же сохранялись сношенія съ волей, такъ что можно было передать письма и даже цѣлыя статьи о крѣпости. Эти сношенія были выданы Диковымъ послѣ появленія брошюръ: „Письма отъ мертвыхъ къ живымъ“ и „Пытка и каторга въ Петербургѣ,—(если я только не перевираю заглавія брошюръ, извѣстныхъ мнѣ только по слухамъ). Послѣ убійства Судейкина, власти были ужасно встревожены и не знали, можно ли кому-нибудь и чему-нибудь вѣрить, когда выяснилась двойная измѣна Дегаева. Кто ихъ знаетъ? Дегаевъ предалъ Правотарова (жандарма, носившаго письма), но, можетъ быть, сейчасъ же были заведены новыя сношенія съ крѣпостью. Такъ не лучше ли будущихъ обитателей Шлиссельбурга спрятать въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ могли быть увѣрены, что „безъ лести преданный Соколовъ ничего подобнаго не допуститъ“.

Отъ Мышкина мы впервые узнали положительно о постройкѣ новой тюрьмы въ Шлиссельбургской крѣпости. Между прочимъ онъ удивилъ меня, давши мнѣ порученіе написать его матери, „когда меня повезутъ въ Сибирь“, все, что я знаю о немъ.

Въ № 19 посадили Богдановича. Буцевичъ былъ сильно боленъ и находился въ такомъ угнетенномъ душевномъ состояніи, что не могъ или не хотѣлъ стучать, и всѣ мои усилія вызвать его на бесѣду остались тщетными. Сношенія съ Богдановичемъ у насъ скоро прекратились, потому что съ нимъ нужно было стучать черезъ камеру Арончика, а онъ сошелъ съ ума, такъ что съ іюня нашъ мірокъ состоялъ изъ трехъ человѣкъ: меня, Колодкевича и Мышкина. Въ маѣ мы получили извѣстія о товарищахъ съ большого коридора, и вотъ какимъ образомъ. Я замѣтилъ на книгахъ надписи, сдѣланныя нашими предшественниками 60-хъ годовъ. Первая, которую я нашелъ, была нацарапана чѣмъ-то острымъ и тонкимъ на внутреннемъ полѣ страницы Четьи-Миней, почти въ самомъ сгибѣ. Сначала я не могъ ничего разобрать, но когда я поднялъ книгу, держа ее въ горизонтальной плоскости, такъ, чтобы уголъ зрѣнія былъ очень острый, то я прочелъ совершенно ясно: „Владиміровъ, привезенъ изъ Москвы 10 іюля 62 года“. Послѣ я находилъ много надписей, сдѣланныхъ менѣе конспиративно, просто на просто буквы, нужныя, чтобы составить извѣстное слово, перечеркивались тонкой черточкой перомъ или ногтемъ. Но жандармы это замѣтили и вытирали всѣ подозрительные значки. Однако, нѣкоторыя надписи они проглядѣли, другія все-таки можно было понять, ибо кое-какія буквы остались незатертыми, и при нѣкоторомъ навыкѣ и терпѣніи мнѣ удалось кое-что дешифрировать. Я помню слѣдующія фамиліи: *Н. Ф. Перовскій* № 5 11 I 63 г. *Олимпій Бѣлозерскій, Шевичъ, Ишутинъ, Нечаевъ.* Я упоминалъ уже, что намъ не давали другихъ книгъ, кромѣ духовныхъ. Но впослѣдствіи часть прежней очень богатой библіотеки Алексѣевскаго равелина была передана въ Шлиссельбургскую крѣпость, конечно, пройдя черезъ строгую цензуру департамента полиціи. Пропущены были книги духовнаго содержанія, научнаго (главнымъ образомъ, разнаго рода учебники), путешествія и нѣсколько книгъ по исторіи, но или изъ старыхъ изданій

(40 и 50 гг.) или хоть и новыхъ авторовъ, но относящихся ко времени давно минувшему. У насъ въ Шлиссельбургѣ вплоть до 87 года лежалъ запретъ на всю новую исторію, и когда разрѣшили Всемірную исторію Шлоссера, то предѣломъ было поставлено XVII столѣтіе, почему VI томъ Шлоссера (XVII в.) сначала не былъ пропущенъ въ библіотеку, и его дали только значительно позже. Журналовъ, кромѣ прочтеннаго нами въ Алексѣевскомъ равелинѣ Христіанскаго чтенія и трехъ разрозненныхъ книжекъ Морского сборника 58 года, никакихъ не пропустили, такъ же какъ и всѣхъ исторій революцій, которыхъ было такъ много при Нечаевѣ. Изъ этихъ книгъ нѣкоторыя были въ слѣдственныхъ тюрьмахъ Петропавловской крѣпости (Трубецкой бастіонъ, Невская и Екатерининская куртины), такъ что нельзя ручаться, что всѣ фамиліи, найденныя мною въ этихъ книгахъ уже въ Шлиссельбургѣ, принадлежатъ лицамъ, сидѣвшимъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Напримѣръ, *Ветошниковъ, Андрущенко* *), *Котляревскій, Серно-Соловьевичъ*. Жандармы такъ усердно стирали всѣ преступные значки, что выскабливали иногда цѣлыя слова и даже строки. Это навело меня на мысль, что если буквы не перечеркивать, а выскабливать, то жандармы не поймутъ всей злокозненности такого пріема. Тотъ же, кто возьметъ такую книгу послѣ меня, навѣрно прочтетъ мою надпись. Я такимъ образомъ написалъ, кто и гдѣ сидитъ въ нашемъ коридорѣ. Златопольскій получилъ мое „письмо“ и отвѣтилъ спискомъ фамилій своихъ сосѣдей (№ 6 — Щедринъ, переведенный туда изъ № 4 весной, № 7—Златопольскій, № 8—Исаевъ, № 9—Тригони, № 10 — Морозовъ, № 11 — Фроленко, № 12—Поповъ). Такъ же онъ сообщилъ объ убійствѣ Судейкина и другихъ новостяхъ, принесенныхъ имъ въ нашу глушь изъ такого крупнаго центра цивилизаціи, какъ Трубецкой бастіонъ. Мышкинъ затѣмъ завязалъ болѣе удобныя сношенія, оставляя записки на прогулкѣ. Это дѣлалось такъ. Въ саду была лопата, которой желающіе могли для упражненія мускуловъ пересыпать кучу песку съ одного мѣста на другое. Ручку лопаты онъ обвязывалъ тонкой ниточкой и за нее закладывалъ за-

*) Дѣло Андрущенко разбиралось въ 65 г. (о распространеніи революціонныхъ изданій). Арестованъ въ Черниговѣ въ 63 г.

писку, а кончивъ работу, клалъ на землю такъ, чтобы записка была прикрыта ручкой. Какъ ни зорко слѣдилъ за нимъ Соколовъ и его аргусы, но ни разу не перехватили ни одной записки. Нужно сказать, что это безсмысленное пересыпаніе песку было дано намъ, какъ великая милость и лишь въ виду того, что физическій трудъ есть одно изъ лучшихъ противоцынготныхъ средствъ. Ни копать землю, ни дѣлать что-нибудь разумное не дозволялось. Я попробовалъ было разъ усыпать пескомъ дорожки, но Соколовъ, наблюдавшій изъ окошка въ воротахъ сада, сейчасъ же вышелъ ко мнѣ и сказалъ, что песокъ разсыпать нѣтъ надобности, а замѣтивъ мое изумленіе, добавилъ: „это, должно быть, затѣмъ, чтобы на пескѣ какая-нибудь премудрость"... Онъ не договорилъ, но сдѣлалъ нѣсколько движеній своимъ ключомъ, изъ которыхъ я понялъ, что онъ заподозрилъ меня въ желаніи переписываться посредствомъ черченія „премудрости" на пескѣ. „Здѣсь, заключилъ Соколовъ: *всякую премудрость нужно отбросить въ сторону*".

Кажется, уже въ іюлѣ Мышкинъ получилъ записку, въ которой говорилось, что въ томъ коридорѣ считаютъ нужнымъ что-нибудь предпринять въ виду полной безнадежности нашего положенія. Нѣкоторые предлагаютъ устроить голодовку, а Морозовъ говоритъ, что этимъ нельзя достичь серьезныхъ результатовъ, и лучше всѣмъ намъ начать ломать двери, бить окна и добиться, чтобы насъ всѣхъ перестрѣляли, и чтобы эта исторія пріобрѣла огласку. Колодкевичъ отказался передать мнѣ это предложеніе, а Мышкинъ такъ разсердился на него за это, что нѣсколько дней не хотѣлъ съ нимъ говорить. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, въ Шлиссельбургѣ, я узналъ, въ чемъ было дѣло. А тогда Колодкевичъ ни слова не сказалъ мнѣ ни о бунтарскихъ планахъ, ни о ссорѣ съ Мышкинымъ, хотя мнѣ показалось страннымъ то, что Колодкевичъ дня два подрядъ очень много стучалъ съ Мышкинымъ, такъ что у него не хватало времени на бесѣду со мной, и не говорилъ мнѣ о чемъ у нихъ идутъ такіе оживленные разговоры, а послѣ нѣсколько дней они совсѣмъ не стучали, и когда я хотѣлъ передать черезъ Мышкина коечто Исаеву, то Колодкевичъ сказалъ, что должно быть Мышкину надоѣло стучать, потому что онъ молчитъ уже третій день. Потомъ, конечно, Мышкинъ успокоился, и все вошло

въ обычную колею. Онъ сталъ опять разсказывать Колодкевичу о сибирской жизни, ихъ побѣгѣ, новыхъ арестахъ въ Сибири и въ Россіи, процессѣ Богдановича и Грачевскаго, событіяхъ въ Западной Европѣ. А Колодкевичъ передавалъ эти новости мнѣ, такъ что у меня прервался начатый за эти три дня горячій споръ о „Философіи Безсознательнаго“ Гартмана, которую я прочелъ въ Саратовской тюрьмѣ, и сильно увлекся ею, а Колодкевичъ цѣнилъ ее не очень высоко и совѣтовалъ мнѣ меньше думать объ этой „довольно пустой, но тѣмъ не менѣе зловредной книжкѣ“, а лучше болѣе внимательно наблюдать за моимъ паукомъ.

Я и забылъ сказать, что съ весны у меня появился новый другъ, доставлявшій мнѣ много отрады. Это былъ очень большой паукъ крестовикъ, поселившійся подъ крышкой моего стола. Мы скоро свели съ нимъ знакомство, перешедшее потомъ въ довольно короткія отношенія. Онъ такъ освоился со мной, что лазилъ ко мнѣ на руку, когда я протягивалъ ему палецъ, бралъ мухъ изъ рукъ и, не стѣсняясь моими наблюденіями, плелъ свою паутинку. Онъ очень растолстѣлъ, и я часто рвалъ его сѣть, чтобы доставить ему моціонъ и сбавить съ него жиру, ибо я иногда просто боялся, чтобы онъ, наконецъ, не лопнулъ, а также для того, чтобы полюбоваться на его работу. Паутину онъ ткалъ всегда по вечерамъ, и я сейчасъ же садился на полъ у стола, и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его изящной и обдуманной работой. Послѣднее выраженіе я употребилъ не какъ банальное общее мѣсто,—нѣтъ, я убѣдился, что онъ дѣйствительно *думаетъ*, точно такъ же, какъ думаетъ мастеровой надъ своей работой. Я не разъ наблюдалъ, какъ онъ останавливается въ раздумьѣ, какъ онъ затѣмъ идетъ смотрѣть свою сѣть, какъ продѣлываетъ какую-нибудь клѣтку, какъ онъ разнообразитъ пріемы своей работы. Чувство умиленія охватывало меня, когда я смотрѣлъ на это задумавшееся существо, на этого крошку, который такъ убѣдительно доказываетъ мнѣ, что не одинъ только человѣкъ, не одни только высшія животныя надѣлены разумомъ, что онъ разлитъ во всей природѣ, и что въ этомъ жалкомъ паукѣ горитъ искра того математическаго генія, который далъ намъ Эвклида, Архимеда, Декарта и Паскаля, Ньютона и Лейбница. Въ образѣ жизни, привычкахъ, поведеніи этого паука я ви-

дѣлъ нѣчто большее, чѣмъ инстинктъ, — довольно неудачный терминъ, которымъ мы зачастую стараемся отдѣлаться отъ объясненія того, чего понять и выяснить мы не въ силахъ.

Размѣры, форматъ, рисунокъ его паутины были всегда разнообразны: это была художественная натура. Только одно было общее во всѣхъ его произведеніяхъ, а именно то, что работу онъ начиналъ съ прикрѣпленія къ полу толстой, очень толстой нити, а затѣмъ уже двухъ или одной менѣе толстой къ перекладинамъ, соединяющимъ ножки стола. Иногда онъ работалъ быстро, безостановочно, точно планъ былъ хорошо обдуманъ на дорогѣ; но иногда среди работы его вдругъ осѣняла новая мысль, и онъ начиналъ передѣлывать свою ткань. Иногда онъ останавливался и задумывался надъ какою-нибудь деталью, и такіе моменты я всего болѣе любилъ наблюдать, такъ какъ тутъ сознательность и цѣлесообразность его дѣйствій высказывалась всего яснѣе.

Въ іюнѣ сошелъ съ ума Арончикъ. Это случилось какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно. Быть можетъ, это мнѣ показалось такъ потому, что въ нашихъ условіяхъ, когда единственнымъ сношеніемъ былъ стукъ, да къ тому же стучать могли мои ближайшіе сосѣди, трудно было кому-нибудь, кромѣ этихъ послѣднихъ, замѣтить то уклоненіе отъ нормальнаго состоянія, которое, не будучи еще психической болѣзнью, является, однако, ея предвѣстникомъ. Изъ его сосѣдей, Богдановичъ, который сидѣлъ за нимъ и долженъ былъ сноситься съ нами черезъ самого Арончика, если что и замѣчалъ, не могъ намъ передать этого. А Мышкинъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ вплоть до того дня, когда Арончикъ сказалъ ему, что онъ вовсе не Мышкинъ, а червонный валетъ, Богдановичъ — шпіонъ, такъ себя назвавшій въ надеждѣ что-то вывѣдать, а самого себя назвалъ лордомъ. Дня черезъ три послѣ этихъ открытій Арончикъ пересталъ стучать, находя невозможнымъ для себя, лорда, водить знакомство съ такими субъектами, какъ мы, грѣшные, хотя все же меня и Колодкевича онъ по старому знакомству еще считалъ за людей, а не за валетовъ и шпіоновъ. Помѣшательство его было тихое и ни въ Алексѣевскомъ равелинѣ, ни, насколько помню, въ Шлиссельбургѣ, онъ никогда не буше-валъ. Кажется, онъ скоро впалъ въ слабоуміе. И въ Шлиссельбургѣ онъ никогда не стучалъ, а съ конца осени 84 г.

и вплоть до смерти не выходилъ изъ камеры на прогулку, не ходилъ въ ванну, а въ послѣдніе мѣсяцы жизни даже не вставалъ съ постели, питаясь только молокомъ, которое жандармы вливали ему въ ротъ. Скончался онъ въ апрѣлѣ 88 г.

Въ концѣ іюля умеръ Колодкевичъ. Я совершенно не былъ подготовленъ къ этому трагическому исходу, поразившему меня, какъ громомъ. Состояніе его здоровья настолько улучшилось къ лѣту, что не только по камерѣ, но и на прогулку онъ сталъ ходить безъ костылей. Настроеніе его было очень бодрое, и я помню, какъ за нѣсколько дней до его смерти, когда я поздравлялъ его съ днемъ рожденія, мы проговорили подрядъ два часа очень весело и оживленно. Но потомъ онъ вдругъ началъ опять ходить на костыляхъ. Я спросилъ его однажды,—что съ нимъ такое.—„Да ноги опять начали дурить“, отвѣтилъ онъ. Это было вечеромъ въ субботу. Въ воскресенье ему стало такъ худо, что онъ ужъ не всталъ съ постели. Въ понедѣльникъ докторъ былъ у него два раза, утромъ и вечеромъ, и оба раза оставался у него дольше, чѣмъ при обыкновенныхъ посѣщеніяхъ. А во вторникъ утромъ онъ скончался тихо, безъ малѣйшихъ стоновъ, и совершенно незамѣтно не только для насъ, но и для жандармовъ, увидавшихъ, что онъ мертвъ, только тогда, когда они зашли въ его камеру съ утреннимъ чаемъ. Оттуда прямо пришли ко мнѣ. Я еще ничего не зналъ, но, посмотрѣвъ на Соколова, догадался, что Колодкевича нѣтъ уже на свѣтѣ. Меня поразило выраженіе его лица: онъ былъ блѣденъ, смущенъ, не могъ смотрѣть въ глаза, упорно избѣгая моего взгляда и, право, я замѣтилъ на лицѣ этого злого, жестокаго и тупого палача, проблескъ человѣческаго чувства, можетъ быть, мимолетнаго, можетъ быть, слабаго, но несомнѣннаго чувства угрызенія совѣсти, чувства стыда или состраданія, проснувшагося въ немъ при видѣ трупа замученной имъ жертвы.

Нѣсколько дней я ходилъ какъ въ чаду, апатично относясь ко всему окружающему, и не будучи въ состояніи думать о чемъ-либо, кромѣ Колодкевича. Я вспоминалъ всѣ наши разговоры, споры, его разсказы о пережитомъ въ тюрьмѣ и на волѣ, его привычки, его манеру стучать, его кашель, его походку, стукъ его костылей. Я часто задумывался надъ однимъ изъ нашихъ послѣднихъ споровъ,

когда я доказывалъ, что небытіе предпочтительнѣе бытія, потому что оно составляетъ единственно реальное, единственно доступное человѣку блаженство, что люди должны считать самими счастливыми часами своей жизни тѣ, которые они провели въ крѣпкомъ, глубокомъ снѣ, не нарушавшемся сновидѣніями. Это можетъ подтвердить общее признаніе человѣчества, потому что, хотя разъ явившись на свѣтъ, человѣкъ жадно хватается за жизнь, и упорно создаетъ себѣ иллюзію за иллюзіей, надежду за надеждой по мѣрѣ того, какъ онѣ другъ за другомъ разбиваются дѣйствительностью, но каждый, если его спросить, что онъ предпочелъ бы: родиться на свѣтъ или не родиться — въ томъ случаѣ, еслибы это зависѣло исключительно отъ его желанія,— каждый навѣрно отвѣтитъ: предпочелъ бы не родиться. Колодкевичъ замѣтилъ на это: „я все-таки предпочелъ бы родиться!“—„Какъ?“ спросилъ я: „даже зная напередъ, что будетъ ждать въ жизни, чѣмъ и гдѣ она кончится?“—„Какъ человѣкъ, которому дороже истина“, отвѣтилъ Колодкевичъ: „я говорю—предпочелъ бы родиться и узнать, что такое бытіе, что такое жизнь, чѣмъ не родиться, и не знать этого“. Его слова и тогда произвели на меня сильное впечатлѣніе, такъ какъ въ искренность Колодкевича я глубоко вѣрилъ. И я много размышлялъ по этому поводу. Но теперь ихъ смыслъ пріобрѣлъ для меня особое значеніе. Это было сказано человѣкомъ, который стоялъ уже одною ногою въ могилѣ, человѣкомъ, за плечами котораго было такъ много и физическихъ и нравственныхъ мукъ. И это не были пустыя фразы, а искренное убѣжденіе сильнаго ума и твердой души. Мнѣ долго не хотѣлось вѣрить смерти Колодкевича. Я то прикладывалъ ухо къ стѣнѣ въ надеждѣ уловить хоть какой-нибудь звукъ, хоть какой-нибудь шорохъ, который далъ бы мнѣ возможность надѣяться, что онъ живъ; то прямо начиналъ его звать стукомъ, просить его, если онъ не въ силахъ встать—постучать костылемъ въ полъ, или еще какъ-нибудь дать мнѣ знать, что онъ живъ, что слышитъ меня. Всякій разъ, когда больныхъ обходилъ докторъ, когда раздавали обѣдъ и ужинъ, я съ волненіемъ прислушивался, не зайдутъ ли въ № 16, горячо желая, чтобы оказалось, что я ошибся, что я бредилъ, что мнѣ просто причудилось, будто ужъ тамъ нѣтъ никого. Но день прохо-

дилъ за днемъ, и я все болѣе и болѣе убѣждался, что въ смерти Колодкевича и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что отъ Мышкина съ обѣдомъ идутъ всегда прямо ко мнѣ, не заходя въ № 16, что тамъ не слышно никакихъ признаковъ жизни.

Въ тяжеломъ душевномъ состояніи провелъ я послѣдніе дни моего пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ абсолютномъ одиночествѣ, ибо Буцевичъ не стучалъ, а съ Мышкинымъ стучать не было возможности; провелъ, охваченный горькими ощущеніями, гнетущими мыслями, съ постоянной болью въ сердцѣ и съ неотступной мыслью о невозвратной потерѣ, о вѣчной разлукѣ съ тѣмъ, кого я такъ глубоко, такъ нѣжно полюбилъ, кто былъ моимъ другомъ, братомъ, кому я былъ обязанъ сохраненіемъ моего разсудка и, можетъ быть, и жизни. Я чувствовалъ, что мое существованіе тѣсно сплелось съ существованіемъ Колодкевича, и его смерть была для меня смертью части меня самого; какъ будто что-то внутри меня оборвалось, что-то умерло, чего-то ужъ нѣтъ и не будетъ, не будетъ никогда...

Я не могъ даже приняться за чтеніе моихъ любимыхъ поэтовъ. Память у меня тогда была молодая, хорошая. Я зналъ наизусть множество стихотвореній и возстановлялъ въ памяти произведенія наиболѣе любимыхъ поэтовъ. Изъ русскихъ—Лермонтова, Некрасова, Шевченко; изъ французскихъ—Гюго, Беранже, Мюссе, М-ме Аккерманъ, Барбье. Изъ англійскихъ поэтовъ я читалъ на волѣ одного только Байрона, да и помню изъ него только 3—4 стихотворенія или отрывки. Читалъ я ихъ теперь, конечно, мысленно, либо въ полголоса; иначе Иродъ сейчасъ появился бы съ предостереженіемъ: „нельзя ли потише“! Но подъ гнетомъ разлуки я не могъ прибѣгнуть и къ этому утѣшенію. Трудно было какъ-то сосредоточиться: черезъ 2—3 куплета я останавливался и начиналъ тупо смотрѣть на стѣну, за которой находился теперь пустой № 16, словно стѣна эта меня гипнотизировала.

XI.

На этомъ, собственно говоря, и кончаются мои воспоминанія о Петропавловской крѣпости. Они, конечно, очень не полны, носятъ чисто личный характеръ, и въ нихъ нельзя

искать лѣтописи всѣхъ страданій, вынесенныхъ заключенными Алексѣевскаго равелина, всѣхъ звѣрствъ и ужасовъ, совершавшихся въ его стѣнахъ. Я говорю только о себѣ, о томъ, что я чувствовалъ, что я пережилъ, что я видѣлъ вокругъ себя, да и то было отрывочно. Пусть другіе также разскажутъ о себѣ, пусть будутъ собраны свѣдѣнія о томъ, чего никто изъ насъ, пережившихъ эти мрачные годы, не зналъ и не могъ знать (напримѣръ, о томъ, что сдѣлали съ Нечаевымъ послѣ обнаруженія сношеній, въ какихъ условіяхъ его держали, когда и какимъ образомъ онъ кончилъ свою жизнь, и т., п.),—и тогда можно будетъ нарисовать полную картину нашей тюремной жизни, составляющей одну изъ страницъ исторіи, которая ляжетъ вѣчнымъ проклятіемъ на памяти реакціонной камарильи, властвовавшей въ Россіи съ начала 80-хъ годовъ.

Я разскажу лишь одинъ эпизодъ изъ жизни Алексѣевскаго равелина, который можетъ дать вполнѣ ясное представленіе о нравственномъ уровнѣ людей, во власти которыхъ мы очутились. Тѣхъ изъ осужденныхъ по процессу Суханова, которые были назначены въ Алексѣевскій равелинъ (Клѣточниковъ, Исаевъ, Тригони, Морозовъ, Фроленко, А. Михайловъ, Баранниковъ, Лангансъ, Арончикъ, Тетерка), перевели туда изъ Трубецкого въ ночь съ пятницы на субботу страстной недѣли. Соколовъ, конечно, объявилъ каждому, что здѣсь имени и фамиліи не знаетъ и не долженъ знать никто, даже самъ онъ, смотритель, а потому воспрещается называть себя или кого другого, а также воспрещается перестукиваться между заключенными. Затѣмъ онъ далъ прекрасное тонкое бѣлье, козловые башмаки, халатъ изъ очень хорошаго синяго сукна и удалился безъ всякихъ другихъ внушеній и наставленій. Утромъ жандармы, по прежнему порядку Алексѣевскаго равелина, ходили по камерамъ съ тазомъ, умывальникомъ, мыломъ и полотенцемъ и подавали умываться. На столъ постлали салфетку и подали на подносѣ два стакана чаю, розанчикъ и сахаръ. Обѣдъ былъ прекрасный, изъ трехъ блюдъ и, несмотря на страстную субботу —скоромный. Такихъ обѣдовъ не давали даже слѣдственнымъ въ Трубецкомъ бастіонѣ, когда тамъ отпускалось по 75 копеекъ въ день на заключеннаго (это было отмѣнено во второй половинѣ 81 года). Къ обѣду подали кромѣ

чернаго хлѣба и бѣлый, а также серебряную ложку. Тригони, сообразивъ, что на другой день дадутъ много всякихъ пасхальныхъ снѣдей, рѣшилъ оставить жаркое на ужинъ и спросилъ Соколова можно ли это сдѣлать? — „Можно, можно“, отвѣтилъ Соколовъ самымъ серьезнымъ тономъ и обратился къ унтеру: „слышишь, № 9-му завтра за обѣдомъ жаркое не подавать, а разогрѣть къ ужину“.—„Слушаю, Ваше благородіе“, отчеканилъ жандармъ, вытянувши руки по швамъ. Вечеромъ такъ же церемоніально жандармъ подалъ на подносѣ чай и булку. Наступило пасхальное утро. Соколовъ вошелъ въ камеру и прежде всего велѣлъ раздѣться, жандармы унесли и тонкое бѣлье, и халатъ, и козловые башмаки, а взамѣнъ бросилъ на постель охапку тряпья. — „Можно одѣваться“, замѣтилъ Соколовъ, указывая рукой на это тряпье. Тутъ былъ полный арестантскій костюмъ: и сермяжное платье, и бѣлье изъ мѣшечнаго холста, новенькое, нестиранное, и коты, подбитые гвоздями. Со стола убрали салфетку и серебряную ложку, чаю не дали, а положили краюшку чернаго хлѣба, и по случаю Свѣтлаго Праздника, два яйца, микроскопическій ломтикъ сдобнаго хлѣба, на который была положена ложка творогу. Умываться не подавали, а поставили жестяной умывальникъ,— самъ, значитъ, мойся, и пріучайся на будущее время обходиться безъ мыла. На обѣдъ были поданы щи и каша, описанныя мною выше, и въ тотъ же день Соколовъ со злобною усмѣшкой преподнесъ приснопамятныя „правила“ (со шпицрутенами, розгами и пр.). Затѣмъ все пошло такимъ порядкомъ, какой засталъ я. Спрашивается, кому принадлежитъ честь измышленія этого злобнаго издѣвательства? Какой смыслъ оно имѣло? Зачѣмъ понадобилось показывать столь наглядным образомъ ту разницу въ условіяхъ [illegible]ржанія заключенныхъ Алексѣевскаго равелина, какая [illegible]ла между порядками, установленными при Александрѣ II, и новыми, введенными въ 82 году? Была ли это апрѣльская шутка, или эти люди хотѣли достойнымъ образомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, ознаменовать праздникъ Воскресенія Христова глумленіемъ надъ побѣжденными врагами, заживо похороненными въ стѣнахъ тюрьмы, обреченными на страданія, на униженія, на долгую, мучительную агонію и смерть.

Второго августа я спалъ послѣ обѣда въ полномъ невѣдѣніи того, что судьба готовитъ мнѣ новый сюрпризъ, какъ вдругъ сквозь сонъ стали доноситься какіе-то странные звуки: то хлопанье дверей и грохотъ засововъ, то стукъ молотка и лязгъ желѣза, которые навели меня на мысль, что Соколовъ вставляетъ рамы и заколачиваетъ ихъ гвоздями. Нужно замѣтить, что лѣтомъ 84 года у насъ вынули внутреннія рамы и окно камеры отворялось на то время, когда заключенный находился на прогулкѣ, а у сильно больныхъ, которые не могли вставать съ постели, оно оставлялось на весь день открытымъ вплоть до сумерекъ. Замѣтно было, что Соколовъ обходитъ всѣ камеры подрядъ и приближается къ намъ. „Чертъ его побери", подумалъ я: „онъ съ августа вставляетъ рамы,—это ни на что не похоже!" Вотъ дошли до Буцевича. Какъ только отворилась дверь № 14, я приложилъ ухо къ стѣнѣ и сталъ прислушиваться. Въ камеру вошло нѣсколько человѣкъ. Поставили на полъ что-то тяжелое. Соколовъ отдалъ какое-то приказаніе и бросилъ на полъ какую-то металлическую вещь, зазвенѣвшую при паденіи. На минуту все затихло. Я еще не могъ сообразить, въ чемъ дѣло, какъ вдругъ раздались удары молотка; сразу было замѣтно, что бьютъ по желѣзу, но не забиваютъ гвозди, а дѣлаютъ что-то другое. Но что-же? „Ужъ не заковываютъ ли"? промелькнуло въ головѣ, но по какому случаю? Зачѣмъ? Увозить, что-ли хотятъ? Куда? Или просто насъ хотятъ впредь держать въ кандалахъ, какъ и полагается каторжнымъ? Стукъ молотка прекратился на нѣсколько мгновеній, потомъ опять лязгъ, и опять молотокъ застучалъ. „Заклепываютъ кандалы на другой ногѣ", рѣшилъ я. И дѣйствительно, послѣ того, какъ жандармы ушли отъ Буцевича, мнѣ было отчетливо слышно, какъ цѣпь волочилась по полу, когда онъ ходилъ. Теперь была моя очередь, но ко мнѣ не зашли. Не заходили ни къ Мышкину, ни къ Арончику, ни къ Богдановичу. Я былъ сильно взволнованъ и долго ходилъ по камерѣ, осажденный разными вопросами и предположеніями. Буцевичъ ничего не стучалъ, а съ Мышкинымъ невозможно было стучать, потому что, какъ я уже упоминалъ, № 16 послѣ смерти Колодкевича оставался незанятымъ. Вечеромъ раздали ужинъ обычнымъ порядкомъ. Соколовъ былъ нѣмъ, какъ рыба, а я, конечно, не сталъ къ нему обращаться съ

какими бы то ни было разспросами. Вечеромъ, часовъ въ девять, Соколовъ обходилъ всѣ камеры, гдѣ сидѣли закованные, но оставался тамъ не подолгу. Зачѣмъ онъ приходилъ, я не могъ догадаться. Но послѣ понялъ, что тогда одѣвали наручни (ручные кандалы, состоящіе изъ двухъ браслетокъ, обтянутыхъ кожей и соединенныхъ двумя цѣпочками). Ночью я долго ворочался съ боку на бокъ, но когда, наконецъ, заснулъ, то очень легкимъ безпокойнымъ сномъ. Понятно, что, какъ только гдѣ-то въ коридорѣ щелкнулъ ключъ, я проснулся, соскочилъ съ постели и, наскоро одѣвшись, подошелъ къ двери. Ясно было, что закованныхъ куда-то уводятъ. Сначала отворялась дверь. Потомъ снова слышались торопливые, такъ хорошо мнѣ знакомые шаги Соколова, затѣмъ еще чьи-то, навѣрно жандарма, затѣмъ щелкаетъ ключъ, гремитъ засовъ, дверь отворяется, и снова по коридору лязгаютъ кандалы. Такъ дошли до Буцевича, увели его,—и все окончательно смолкло.

Я въ теченіе остальной части ночи нѣсколько разъ просыпался при самомъ легкомъ шорохѣ въ коридорѣ; — но нѣтъ—все спокойно. „Почему-же насъ не увезли?“ думалось мнѣ. Что-же это значитъ? Хотятъ, что ли, навсегда оставить здѣсь? Или тоже увезутъ? Но куда? Зачѣмъ? Не въ Шлиссельбургъ ли? День прошелъ обычнымъ порядкомъ. Но р[illegible] часа четыре ко мнѣ вошелъ Соколовъ, съ какимъ-то [illegible] гимъ жандармскимъ офицеромъ, двое дежурныхъ [illegible] ровъ и какой-то старичекъ, изумившій меня свои[illegible] обычайнымъ одѣяніемъ: на немъ былъ одѣтъ [illegible]китель безъ погоновъ, штатскія черныя брюки и штиблеты. Но увидѣвъ у него въ рукахъ молотокъ, я сообразилъ, что это тотъ самый крѣпостной кузнецъ, который всегда заковываетъ арестантовъ.—„Нужно заковаться“, буркнулъ Соколовъ. Дежурные поставили на полъ наковальню, а старичекъ очень вѣжливо,—въ немъ, должно быть, сохранились традиціи былыхъ временъ,—попросилъ меня сѣсть на полъ и вытянуть ногу. „Вы не безпокойтесь, только ногу свободнѣе держите. Вотъ такъ“, и онъ придалъ моей ногѣ должное положеніе. Одинъ изъ дежурныхъ подалъ кузнецу кандалы. Онъ надѣлъ мнѣ на правую ногу кандальное кольцо, вынулъ изъ кармана заклепку и, попросивъ меня „держать ногу слабѣе, совсѣмъ свободно“, сталъ заклепывать. Онъ дѣлалъ это арти-

стически, и въ нѣсколько ударовъ все было готово. То же онъ продѣлалъ и съ лѣвой ногой. и Соколовъ сказалъ: „можно встать“. Отъ меня пошли по коридору къ Мышкину, заковали его, потомъ Арончика и Богдановича. Когда я остался одинъ, меня охватило сильное волненіе. Во мнѣ боролись тогда нѣсколько противоположныхъ ощущеній. Я чувствовалъ себя и униженнымъ и озлобленнымъ; но все это побѣдило другое чувство: чувство умиленія передъ страданіемъ, чувство радости, что я удостоился этого униженія за свою преданность тому, что было самымъ дорогимъ и святымъ въ моей жизни. Мнѣ казалось даже, что безъ кандаловъ мнѣ чего-то не доставало въ томъ ряду страданій, на которыя обрекли меня враги, что мнѣ нужно было бы поблагодарить ихъ за то, что они удостоили меня этой чести. Я вспомнилъ о нашихъ революціонныхъ предшественникахъ, которые носили цѣпи въ стѣнахъ тѣхъ же казематовъ, въ которыхъ теперь сидимъ мы, ихъ дѣти, внуки и правнуки,— и слезы выступили у меня на глазахъ, когда я прижалъ цѣпь къ своимъ губамъ такъ же благоговѣйно, какъ вѣрующій прикладывается къ кресту.

Въ коридорѣ наступила тишина, нарушаемая только звуками нашихъ кандаловъ. — а звенѣли они ужасно: намъ не [illegible] ремней для подвязыванія, должно быть, изъ боязни, [illegible] кто-нибудь не повѣсился, и цѣпь волочилась по полу, и звеня, и затрудняя, такъ что подъ ко[illegible]ъ ходить согнувшись, держа ее въ рукахъ. Но это [illegible] утомительно, и мнѣ оставалось только лечь на пос[illegible] Ароничикъ и Богдановичъ скоро перестали ходить. Только Мышкинъ вплоть до вечера волочилъ по полу цѣпь, частыми, нервными шагами ходя изъ угла въ уголъ по своей камерѣ. Утомленный безсонной ночью и нервнымъ возбужденіемъ, въ которомъ прожилъ цѣлыя сутки, я легъ спать раньше обыкновеннаго, но долго не могъ уснуть, отчасти потому, что не улеглось волненіе, отчасти отъ непривычки спать въ кандалахъ, что по словамъ всѣхъ, испытавшихъ это удовольствіе, очень неудобно. Впослѣдствіи къ этому, конечно, привыкаютъ. Но мнѣ не дали времени къ этому привыкнуть, такъ какъ въ Шлиссельбургѣ насъ всѣхъ на третій же день расковали. Въ концѣ концовъ я все-таки заснулъ, но меня скоро разбудили. „Встань и одѣнься“,

приказалъ мнѣ офицеръ, присутствовавшій при заковкѣ с
Соколовымъ. Самъ Соколовъ стоялъ поодаль и молчалъ
изъ чего я заключилъ, что онъ уже сдалъ этому офицер
должность смотрителя Алексѣевскаго равелина. Я одѣлся,
офицеръ сдѣлалъ знакъ унтерамъ. Они подошли ко мн
схватили подъ руки и подняли ихъ. Одинъ изъ унтеров
вынулъ изъ-подъ шинели пару наручней и сталъ ихъ надѣ
вать мнѣ. Эти „браслетки“, какъ, помню, выражался один
арестантъ, объясняя мнѣ въ Саратовскомъ острогѣ про
цедуру заковыванья, были совершенно новенькія, видимо, еш
не ношенныя и даже имѣли красивый видъ. Ручные канда
лы не заклепываютъ, а запираютъ замкомъ. Каждая бра
слетка состоитъ изъ двухъ половинокъ, на одномъ конц
скрѣпленныхъ шарниромъ, а на другомъ имѣющихъ по прямо
угольной довольно толстой пластинкѣ, выступающей вперед
примѣрно на ¾ дальше. Посрединѣ пластинокъ сдѣлан
прорѣзы, приходящіеся другъ надъ другомъ, когда браслет
сомкнутъ. Въ этотъ прорѣзъ вставляется хомутикъ (желѣз
ная палочка), къ обоимъ концамъ котораго прикрѣплен
цѣпочки. Одна изъ нихъ, сплошная, прикрѣплена наглухо к
обоимъ хомутикамъ, а другая посрединѣ разорвана и кажда
половинка ея прикрѣплена только къ хомутику. Свободны
же концы короткихъ цѣпочекъ (половинокъ) и соединяютс
дужкой замка, запирающагося на ключъ. Когда я остало
одинъ, то скоро убѣдился, какъ стѣснительна и неудобн
эта игрушка, имѣвшая столь изящный видъ, пока она н
очутилась на моихъ рукахъ. Цѣпь, соединяющая наручни
очень коротка: сколько помнится, вершковъ [illegible], такъ чт
нельзя сдѣлать никакого движенія только одной рукой,
можно двигать лишь обѣ вмѣстѣ. Легко можно себѣ пре
ставить, какъ ловко я себя чувствовалъ, особенно, есл
принять во вниманіе, что ножная цѣпь не подвязана, воло
чится по полу и мѣшаетъ ходить.

Прошло еще часа полтора. Куранты собора сыграл
¾ второго, и я было снова легъ спать, но въ коридорѣ ра
дались шаги, дверь отворилась, и вошелъ тотъ же офицер
въ сопровожденіи Соколова и дежурныхъ. Одинъ изъ них
держалъ длинный ремень вродѣ чрезсѣдельника, съ мѣ
нымъ кольцомъ на концѣ. Онъ подпоясалъ имъ меня
свободный конецъ ремня продѣлъ въ среднее звено но

ной цѣпи и подтянулъ ее кверху. „Ну, иди“, сказалъ фицеръ. Я окинулъ прощальнымъ взглядомъ свою камеру, въ которой провелъ ровно годъ (съ 4 авг. 83 г. по 4 авг. 84 г.), въ которой я много передумалъ и перечувствовалъ, съ которой у меня было связано одно изъ самыхъ свѣтлыхъ тюремныхъ воспоминаній — воспоминаніе о моемъ дорогомъ сосѣдѣ Колодкевичѣ. И жаль мнѣ стало разставаться съ нею, съ равелиномъ, гдѣ было схоронено столько мнѣ близкаго, гдѣ мнѣ самому хотѣлось окончить свой вѣкъ, если только мнѣ суждено умереть въ тюрьмѣ. Жалко мнѣ было разставаться, — съ кѣмъ бы вы думали? съ тѣмъ самымъ паукомъ, о которомъ я разсказывалъ. Право, жалко мнѣ его стало и больно было мнѣ думать, что завтра, можетъ быть, прихлопнутъ эту животинку, съ которой я такъ сжился. Простившись мысленно со всѣмъ, что я покидалъ навсегда, и покидалъ лишь для новыхъ страданій и униженій, я вышелъ изъ камеры. Впереди шелъ Соколовъ, за нимъ я, за мною два унтера, а въ аріергардѣ новый офицеръ. Въ коридорѣ не было часовыхъ, и онъ тускло освѣщался маленькой лампочкой, поставленной на окнѣ, выходившемъ въ садъ. Я простился и съ нимъ, съ его клумбами, насаженными лиліями, съ кустами, деревьями, яблонями, выращенными декабристомъ Батенковымъ, съ липой, въ тѣни которой сидѣли четыре поколѣнія русскихъ радикаловъ, со всѣмъ, со всѣмъ простился,—съ историческимъ прошлымъ, связь съ которымъ такъ тѣсно ощущалась въ Алексѣевскомъ равелинѣ, со своими личными воспоминаніями, съ тѣнями здѣсь погибшихъ товарищей, и, едва поспѣвая за быстрыми шагами Соколова, очутился въ подворотнѣ. Здѣсь унтера подхватили меня подъ руки, и почти бѣгомъ, точно такъ, какъ въ ту памятную ночь, когда меня переводили сюда изъ Трубецкого, потащили къ воротамъ равелина. Они распахнулись, и я увидѣлъ стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ карету. Она была поставлена задомъ къ воротамъ, чтобы кучеръ не могъ меня видѣть. На козлахъ сидѣлъ кромѣ кучера еще жандармъ. И отъ воротъ равелина до дверецъ кареты сплошной стѣной стояла шеренга синихъ мундировъ, мимо которыхъ меня быстро, быстро проволокли дежурные, передавшіе меня въ дверцахъ кареты двумъ унтерамъ, уже сидѣвшимъ тамъ. Они схватили меня

за руки и не выпускали даже тогда, когда я усѣлся, до тѣхъ поръ, пока Соколовъ не влѣзъ въ карету и не сказалъ имъ: „пустите руки“. Затѣмъ онъ крикнулъ: „пошелъ“, и карета покатила къ настежь раскрытымъ воротамъ Петропавловской крѣпости. Мы переѣхали черезъ знакомый мнѣ мостикъ, въѣхали подъ ворота, но повернули не направо по переулку, лежащему межъ монетнымъ дворомъ и тюрьмой Трубецкого бастіона, какъ это можно было ожидать, а налѣво, и какими-то окольными путями выѣхали на площадь, не далеко отъ воротъ, ведущихъ въ Трубецкой бастіонъ. Не могу теперь опредѣлить, какимъ именно путемъ ѣхали мы, знаю лишь, что мы миновали Зотовъ бастіонъ и все время кружили около собора. Оставивши справа гауптвахту и комендантское управленіе, карета направилась къ Невскимъ (кажется) воротамъ. У нихъ стоялъ Ганецкій, прислонившись спиной къ фонарю, и я никогда не забуду той улыбки, съ какой онъ посмотрѣлъ на меня, когда карета остановилась у воротъ и меня высадили. Тутъ меня ждалъ Домашневъ, тотъ самый, который принялъ меня, когда я былъ привезенъ въ Трубецкой, а потомъ препроводили въ Алексѣевскій равелинъ. Соколовъ поѣхалъ назадъ за Мышкинымъ, а меня опять-таки подъ руки потащили два унтера, при чемъ вышло забавное недоразумѣніе. Домашневъ замѣтилъ, что ножные кандалы, плохо подвязанные, оттянули ремень, и цѣпь опустилась очень низко и мѣшала мнѣ итти. Онъ сказалъ жандарму: „подними кандалы выше!“ А тѣ, не понявши въ чемъ дѣло, подняли мои закованныя руки кверху, и такой фигурой, какъ бы вопія къ небу противъ творившагося надо мной насилія, я прошелъ все разстояніе до пристани.

За крѣпостной стѣной было совершенно темно, и я могъ только разобрать, что передъ нами вдали возвышается какой-то помостъ, на который ведетъ деревянная лѣстница, а дальше ни зги не видно: только чернѣетъ Нева, да на томъ берегу, на набережной, блеститъ рядъ фонарей. Когда мы взобрались на помостъ, то я увидѣлъ, что отъ него идетъ снова спускъ внизъ, къ какой-то баржѣ, на которую переброшены сходни. Не вдалекѣ отъ баржи стоялъ параходъ Петербургской рѣчной полиціи, капитанъ котораго съ какими-то еще 2 — 3 офицерами были на помостѣ, когда я

столь торжественно, съ поднятыми къ небесамъ дланями, дествовалъ по этому сооруженію. Мы сошли по сходнямъ на палубу баржи и остановились передъ люкомъ. Въ глубинѣ, на узенькой лѣстницѣ, стояли жандармы, которые изъ рукъ въ руки передали меня моимъ тѣлохранителямъ, и нельзя ихъ за то не поблагодарить, потому что безъ посторонней помощи, я, со скованными руками и съ ногами, путающимися въ кандалахъ, навѣрно сломалъ бы себѣ шею на этой лѣстницѣ. Этотъ ковчегъ, спеціально построенный для нашего путешествія въ Шлиссельбургъ (очевидно на отечественной верфи), былъ очень оригиналенъ. Подъ палубой по обоимъ бортамъ былъ расположенъ рядъ чулановъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга пустыми пространствами большихъ размѣровъ, чѣмъ самые чуланы. Эти послѣдніе были расположены въ шахматномъ порядкѣ, т. е. чулану на одной сторонѣ соотвѣтствовало пустое пространство на другой, и наоборотъ. Кромѣ того, ковчегъ былъ раздѣленъ по всей длинѣ досчатой перегородкой, не доходившей до палубы, но все-таки выше человѣческаго роста, такъ что не было никакой возможности увидать кого либо изъ товарищей.

Я прибылъ, и меня ввели въ первый же чуланъ, налѣво отъ лѣстницы. Дверь заперли засовомъ, и я остался одинъ. Задней стѣной чулана служилъ бортъ баржи. Остальныя три были сбиты изъ обычнаго барочнаго теса. У задней стѣны была прибита лавка, а въ потолкѣ было сдѣлано отверстіе вершковъ въ шесть въ поперечникѣ, служившее для пропуска свѣта и вентиляціи. Оно выходило на палубу, гдѣ надъ нимъ помѣщалась сбитая изъ досокъ четырехугольная труба. Въ передней стѣнѣ было прорѣзано окошко, противъ котораго сейчасъ же поставили часового съ саблей наголо, который заслонялъ собою это окошко, когда мимо проводили моихъ спутниковъ и будущихъ товарищей по Шлиссельбургу. Одинъ за другимъ проходили они, бряцая кандалами, и этотъ лязгъ бользненно отзывался въ душѣ, словно похоронный звонъ. Да это и на самомъ дѣлѣ были похороны столькихъ молодыхъ жизней, и немного изъ нихъ остается теперь, когда я пишу эти строки (Поливановъ, Морозовъ, Тригони, Фроленко, Поповъ и психически больной Шедринъ—это изъ 22 человѣкъ, перевезенныхъ одновременно изъ Алексѣевскаго

равелина и Трубецкого бастіона въ Шлиссельбургскую тюрьму. Нынѣ—февраль 1906 г.,—живы всѣ, здѣсь названные, кромѣ самого автора, а Щедринъ содержится въ Казани въ психіатрической больницѣ, куда онъ увезенъ вмѣстѣ съ Конашевичемъ въ 1896 г., вскорѣ послѣ посѣщенія насъ министромъ Горемыкинымъ).

Наконецъ, уже передъ разсвѣтомъ привели послѣдняго, и все затихло. Слышался только сдержанный шопотъ жандармовъ, звяканье шашекъ и шпоръ, торопливые шаги Соколова, всюду сновавшаго, чтобы убѣдиться, что все въ надлежащемъ порядкѣ, и по временамъ, то изъ одного, то изъ другого чулана доносился кандальный похоронный звонъ. Я не могу опредѣлить, сколько времени мы такимъ образомъ простояли, но должно быть часовъ до 7—8. На Невѣ началась рѣчная жизнь: то слышался крикъ съ какой-то баржи, то свистокъ парохода, то удары колесъ о поверхность воды. Слышалъ я и фабричные свистки, возвѣщавшіе начало работъ, а мы еще не двигались. Долго я ломалъ голову надъ вопросомъ, куда насъ повезутъ. Сперва я считалъ возможнымъ, что насъ повезутъ въ Сибирь и хотятъ сплавить тихимъ манеромъ по водному пути до Перми, гдѣ присоединятъ къ партіи, идущей въ Сибирь, такъ чтобы мы находились въ пути безостановочно, наша отправка не огласилась бы, можно было бы избѣжать Московской пересыльной тюрьмы, гдѣ мы могли имѣть сношенія съ волей, и прочее. Но чуланы сразу показали мнѣ несообразность такого предположенія. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, насъ такъ прятать и старательно упаковывать въ этомъ ковчегѣ, если всѣ мы въ дальнѣйшемъ пути будемъ вмѣстѣ? Несомнѣнно, что насъ переводятъ въ другую тюрьму; но въ какую? Мышкинъ говорилъ намъ объ устройствѣ новой тюрьмы, для политическихъ каторжныхъ въ Шлиссельбургѣ, и прибавилъ, что по слухамъ, проектируется еще какая-то другая тюрьма, чуть ли не въ одной изъ финляндскихъ крѣпостей. Я считалъ возможнымъ, что разъ началась реставрація давно забытыхъ застѣнковъ, то могли вспомнить про Свеаборгъ, гдѣ при Николаѣ I сиживали политическіе заключенные, да и при Александрѣ II Сибирскихъ сепаратистовъ (Патанинъ и др.), арестованныхъ и осужденныхъ въ Сибири, отправили отбывать каторгу туда же. Такъ что, пожалуй, нѣкоторыхъ ст-

правятъ въ Шлиссельбургъ, а другихъ въ Свеаборгъ, или еще куда-нибудь.

Я задумалъ наблюдать въ отверстіе трубы, чтобы рѣшить, повезутъ ли насъ по теченію рѣки, или противъ, что легко было опредѣлить, п. ч. въ обоихъ случаяхъ нужно было проѣхать подъ мостомъ. Такъ я и сдѣлалъ. Какъ только мы тронулись, я уставился на отверстіе и убѣдился, когда мы подъѣхали подъ мостъ Александра II, что ѣдемъ противъ теченія. „Дѣло ясное,—везутъ въ Шлиссельбургъ“, рѣшилъ я. Путешествіе прошло безъ всякихъ приключеній и даже впечатлѣній, п. ч. я ничего не видѣлъ, кромѣ стѣнъ чулана и неизмѣнно стоявшаго передъ оконцемъ часового, который смѣнялся каждый часъ. Осталась въ памяти только идіотская физіономія одного изъ нихъ. Онъ всю смѣну жевалъ соломину, не спуская съ меня своихъ оловянныхъ глазъ, просто настоящій теленокъ! Часовъ, кажется, въ 12 Соколовъ собственноручно раздалъ намъ по куску чернаго хлѣба и вареной говядины. Когда мнѣ захотѣлось пить, я спросилъ у жандарма воды. Тотъ даже отшатнулся отъ оконца съ какимъ-то испугомъ, и не рѣшаясь отвѣтить, позвалъ старшаго по караулу. Послѣдній оказался либеральнѣе и смѣлѣе, чѣмъ часовой, можетъ быть потому, что чувствовалъ себя начальствомъ, да еще не малымъ. Онъ спросилъ: „Вамъ воды?“ „Да“, отвѣтилъ я. „Сейчасъ принесу“. Но когда онъ хотѣлъ подать мнѣ воду, его остановилъ одинъ изъ равелинскихъ унтеровъ. (Всѣ наши церберы ѣхали съ нами и вошли въ составъ чиновъ Шлиссельбургскаго жандармскаго управленія *), что-то пошепталъ и пошелъ звать Соколова, который, взявши кружку, собственноручно подалъ ее мнѣ. Съ самаго начала нашего переселенія я заподозрилъ, что Соколовъ будетъ смотрителемъ въ Шлиссельбургѣ, и окончательно убѣдился въ этомъ, увидѣвши Яковлева въ сопровожденіи самаго гнуснаго и злобнаго

*) По оффиціальной терминологіи унтеръ-офицеровъ жандармскаго управленія Шлиссельбургской крѣпости. По штату ихъ полагалось 27 человѣкъ. Число ихъ оставалось неизмѣннымъ какъ тогда, когда насъ насчитывалось до 27 человѣкъ, такъ и тогда, когда насъ осталось вдвое менѣе. И даже послѣ 28 октября 1905 года, когда въ тюрьмѣ осталось всего 5 человѣкъ, ихъ не сократили тотчасъ же, а держали весь комплектъ полностью вплоть до окончательной ликвидаціи 31 января.

унтера. Тогда я понялъ, что Шлиссельбургъ будетъ вторымъ изданіемъ равелина. Наконецъ, баржа остановилась. На палубѣ и въ коридорѣ поднялась суетня. Очевидно было, что мы остановились у пристани. „Но почему же мы такъ долго стоимъ?“. Спрашивалъ я себя, когда прошло около часу времени. Въ отвѣтъ засовъ моего чулана брякнулъ, дверь отворилась, въ ней появился Яковлевъ и произнесъ: „выходи“. Мы пріѣхали въ Шлиссельбургскую крѣпость.

П. С. Поливановъ.

Когда Поливанову окончился срокъ заключенія, онъ заранѣе подумывалъ вывезти какъ-нибудь на волю эти воспоминанія, и я, какъ человѣкъ опытный въ техникѣ, не разъ обсуждалъ съ нимъ разные конспиративные пріемы, которыми можно было бы воспользоваться для этой цѣли и осуществить при моемъ содѣйствіи. Но ничто намъ не улыбалось. Неизвѣстенъ былъ намъ самый главный фактъ: даютъ ли возможность уѣзжающимъ оттуда увезти съ собой хоть какую-нибудь вещь, или департаментъ полиціи, не церемонившійся съ нами вообще, конфискуетъ все безповоротно. Въ концѣ концовъ мы порѣшили, что онъ уѣдетъ безъ этихъ „мемуаровъ“, извѣститъ меня (условно) о проходимости вещей, а я буду искать времени сплавить ихъ на волю при первомъ подходящемъ случаѣ. Онъ же, съ своей стороны, думалъ возстановить ихъ на волѣ, насколько ему позволитъ память, сильно ослабѣвшая и отъ возраста, и отъ неупотребленія. Случая я дождался и вывезъ ихъ, хотя еще въ Шлиссельбургѣ слышалъ, что Поливановъ эти воспоминанія возстановилъ и за границей напечаталъ.

Познакомившись съ этимъ вторымъ изданіемъ и тщательно сравнивши съ первымъ, я нашелъ: 1) что второй пересказъ довольно близокъ къ первому, 2) что онъ содержитъ не мало дополнительныхъ свѣдѣній и 3) что литературно онъ несравненно слабѣе того, который былъ написанъ Поливановымъ въ болѣе молодые годы и при полномъ досугѣ. Поэтому, переписывая для печати, я взялъ за основу текстъ, вывезенный мною изъ Шлиссельбурга, и внесъ въ

него изъ второго изданія все то, что было въ немъ добавочного, частію прямо въ текстъ, частію въ примѣчанія. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ я позволилъ себѣ сдѣлать вставки отъ себя. По содержанію ихъ это замѣтно безъ особыхъ оговорокъ.

На возстановленіе первоначальнаго текста мнѣ пришлось затратить не мало труда, но этотъ трудъ былъ для меня истиннымъ удовольствіемъ. Въ этомъ трудѣ я видѣлъ не только дань вниманія и уваженія къ памяти дорогого для насъ Петра Сергѣевича, но и серьезное дѣло, съ цѣлью ознакомить широкій кругъ читателей съ безчеловѣчіемъ нашихъ мучителей. Вѣроятно, всѣ мы напишемъ что-нибудь о пережитомъ нами. Но, что бы мы ни написали, едва ли кому-нибудь изъ насъ удастся такъ кратко и живо и въ такой увлекательной формѣ схватить и изобразить все наиболѣе типичное и наиболѣе трагическое въ этомъ режимѣ, который безпорно долженъ считаться позоромъ для нашей цивилизаціи. Всѣ мы, жившіе только въ Шлиссельбургской крѣпости, на самомъ дѣлѣ переживали то же, что описываетъ Поливановъ въ своемъ „отрывкѣ". Режимъ, установленный для равелина, полностью былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ вмѣстѣ со своей стражей и съ самимъ начальникомъ ея, Иродомъ. То, что разсказалъ Поливановъ о равелинѣ, можно, перемѣнивши имена, разсказывать и о Шлиссельбургѣ. Перемѣна мѣста и нѣкоторыя частности чисто внѣшняго характера не измѣняли существа дѣла. Та же грубость, злоба и бездушіе, то же лишеніе физической и духовной пищи, то же абсолютное бездѣйствіе, та же безсмысленная изоляція другъ отъ друга, и тѣ же свирѣпыя кары и расправа за малѣйшую попытку посягнуть на нерушимость столь возмутительнаго „порядка".—все это въ неизмѣнномъ видѣ встрѣчалъ и въ Шлиссельбургѣ каждый изъ насъ, отправляемый туда усмотрѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ тотчасъ послѣ суда. Поэтому въ характеристикѣ тюремной жизни нельзя сказать, что здѣсь кончается равелинъ, а тамъ начинается Шлиссельбургъ. И всякій, интересующійся первыми годами жизни Шлиссельбурга, можетъ читать воспоминанія Поливанова о равелинѣ въ увѣренности, что они дадутъ ему въ существенныхъ чертахъ все то, чего онъ хочетъ. А для тѣхъ, кто любитъ задаваться вопросами „о

происхожденіи“ и пожелаетъ узнать, откуда взялся Шлиссельбургъ, воспоминанія П. С. дадутъ наилучшій отвѣтъ. Самый переносъ равелина въ Шлиссельбургъ, насколько помнится, оффиціально мотивировался тѣмъ, что неудобно держать такое мѣсто (пытки и казни) рядомъ съ мѣстомъ упокоенія русскихъ государей. Очевидно мы пережили тотъ антропологическій періодъ, когда считалось доблестью—на гробахъ вождей закалывать ихъ враговъ.

М. П.

Второе изданіе своихъ воспоминаній Поливановъ закончилъ личнымъ обращеніемъ къ друзьямъ, которое и здѣсь приводимъ цѣликомъ.

„Вотъ, дорогіе друзья, все, что могу сказать вамъ въ отвѣтъ на ваши частые вопросы о моемъ тюремномъ прошломъ. Надо признаться, что въ перенесеніи страданій я не обнаружилъ не только героизма, но и обычной твердости. Что дѣлать? Такой ужъ я человѣкъ, нервный, болѣзненно впечатлительный, реагировавшій на всякія раздраженія гораздо интенсивнѣе, чѣмъ обычные здоровые люди. Да и у самыхъ мужественныхъ, твердыхъ людей бываютъ въ тюрьмѣ тяжелыя минуты, когда утрачивается контроль надъ чувствами. По этому поводу вспоминаю стихотвореніе одного изъ тюремныхъ поэтовъ моего времени:

О, братство святое, святая свобода!
Въ вину не поставьте мнѣ жалобъ моихъ;
Я слабъ, человѣкъ я, и въ мигъ, какъ невзгода
Сжимаетъ въ желѣзныхъ объятьяхъ своихъ,
Проклятій и стоновъ не въ силахъ сдержать я:
Ужасны тоски и неволи объятья!

Пусть же найдется въ этихъ строкахъ смягчающее мою вину обстоятельство въ глазахъ тѣхъ, кто испыталъ на себѣ ужасъ „объятій тоски и неволи“.

П. П.

28 февраля 1903 г.

Памяти П. С. Поливанова.

(Перепечатано изъ Р. Р. 1903 г. № 30.)

Петра Поливанова не стало.

Въ его лицѣ сходитъ въ могилу, собственной рукой обрывая нить жизни, уже третій шлиссельбуржецъ. При всѣхъ частныхъ особенностяхъ смерти Яновича, Мартынова, Поливанова, есть въ нихъ и нѣчто общее. И это общее ярко выступаетъ въ разсказѣ Поливанова „Кончился", героемъ котораго является одинъ изъ умирающихъ страстотерпцевъ-мучениковъ Алексѣевскаго равелина и Шлиссельбургской крѣпости.

„Жажды жизни въ немъ не было... Трудно было жить послѣ всего пережитаго, послѣ того, какъ одна за другой обрывались нити жизни— и теперь его ничто не привязывало къ ней. Выйди онъ даже на волю - и то неизвѣстно, могъ ли бы онъ жить, сталъ ли бы онъ жить...

„Это — страдальцы, которыхъ уже ничто не можетъ вознаградить за перенесенное ими. Они желаютъ лишь одного — забвенія, покоя..."

Но казалось, что П. С. Поливановъ своимъ примѣромъ наглядно опровергнетъ справедливость этихъ своихъ собственныхъ словъ. Онъ, вынесшій двадцать лѣтъ Шлиссельбурга, прошедшій черезъ всѣ муки ада, сумѣлъ вырваться изъ когтей томительной ссылки въ степяхъ средней Азіи и твердой ногой вступилъ на старый тернистый путь революціонера. И мы увидѣли его въ своихъ рядахъ — человѣка, еще такъ недавно замурованнаго въ глухой каменной могилѣ, и вышедшаго оттуда не только съ хрустально-чистой душой, но съ отвагой закаленнаго бойца, готоваго къ новымъ и новымъ битвамъ...

Изумительнымъ казалось, какъ въ этомъ слабомъ, маленькомъ тѣлѣ сохранилось столько силы, столько нравственной энергіи, столько твердой, несокрушимой воли...

Онъ рвался на поле битвы, онъ рвался къ непосредственной боевой дѣятельности. Старый боецъ, онъ не понималъ, какъ интенсивность борьбы можетъ въ такой степени отставать отъ экстенсивнаго развитія движенія, отъ его развитія вширь. Онъ чувствовалъ, что нашему движенію сильно недостаетъ тѣхъ желѣзныхъ, боевыхъ натуръ, которыми была такъ богата славная эпоха Народной Воли. Самъ — одинъ изъ сыновъ этой эпохи, онъ видѣлъ, до какой степени нужны такіе бойцы нашему современному движенію. Предложеніе остаться за границей на сколько-нибудь долгій срокъ было имъ отвергнуто рѣшительно и безусловно. Объ этомъ онъ не хотѣлъ даже и слушать. Никакія упрашиванія, никакіе аргументы на него не дѣйствовали. Воспитанный на идеѣ о необходимости желѣзной дисциплины въ организованныхъ рядахъ дѣйствующей партіи, въ одномъ пунктѣ онъ не допускалъ и мысли о возможности для себя подчиненія: если бы отъ него потребовали, чтобы

онъ остался за границей. Въ такомъ случаѣ онъ грозилъ взбунтоваться. „Я не могу остаться здѣсь, вдалекѣ отъ прямой борьбы, я здѣсь умру“— таковы были его послѣднія слова. И онъ лихорадочно рвался прекратить періодъ того недолгаго отдыха, который считали для него необходимымъ его товарищи и друзья. Онъ торопился жить... быть можетъ, потому, что смутно предчувствовалъ, какъ неожиданно окажутся на исходѣ его силы.

Двадцать лѣтъ жизни въ каменномъ мѣшкѣ не проходятъ даромъ. Нервное напряженіе, которое поддерживало его все послѣднее время, создавало иллюзію жизнерадостной свѣжести и силы. Казалось. что онъ провелъ вдали отъ жизни не двадцать лѣтъ, а только вчера жилъ и работалъ, и послѣ краткаго перерыва вернулся къ этой работѣ. И только какой-то особенный землистый цвѣтъ лица свидѣтельствовалъ о безконечно долгихъ годахъ мукъ и лишеній. Поливановъ уже страдалъ болѣзнью сердца, припадки которой подрывали силу, парализовали волю. Обозначались и другіе зловѣщіе признаки — признаки чахотки. Вѣчно повышенная температура, обильный потъ по ночамъ, первыя появленія крови въ горлѣ... Опьяненный нахлынувшимъ на него потокомъ жизни, потокомъ новыхъ впечатлѣній, покойный сначала не отдавалъ себѣ полнаго отчета въ своемъ положеніи. Не вѣрилось, не думалось и друзьямъ его, что болѣзнь такъ скоро сломитъ эту твердую, желѣзную волю, эту спокойную рѣшимость умереть только на полѣ битвы, умереть не иначе, какъ успѣвши еще много-много поработать для торжества великаго дѣла революціоннаго соціализма...

Но предательски подкралось внезапное ухудшеніе здоровья и нанесло мученику-герою послѣдній ударъ: оно открыло ему глаза на подтачивающую силы болѣзнь и ея быстрыя завоеванія. Это открытіе подорвало его вѣру въ свои силы, въ способность работать и бороться такъ, какъ онъ считалъ нужнымъ и обязательнымъ. Работой, борьбой въ истинномъ смыслѣ этого слова онъ считалъ лишь нѣчто такое, для чего требовалось слишкомъ много силъ, здоровья, энергіи. Жить инвалидомъ или полу-инвалидомъ онъ не могъ и не хотѣлъ. И вотъ, какъ только закралось въ его душу трагическое сомнѣніе въ возможности жить полною жизнью, а не жизнью полу-инвалида—въ его душѣ что-то оборвалось и жизнь стала невыносимой мукой...

Вотъ письмо, оставленное товарищамъ П. С. Поливановымъ:

„Дорогіе товарищи! Болѣзнь сердца, развившаяся у меня въ послѣдніе годы тюремнаго заключенія, стала очень быстро прогрессировать со времени моего выхода на волю. Благодаря ей, я сталъ жалкимъ инвалидомъ, не способнымъ вести нелегальную жизнь въ Россіи, а, уѣзжая за границу, я мечталъ о скоромъ возвращеніи на родину, о скоромъ возвращеніи къ революціонной дѣятельности, ставшей для меня теперь невозможной. Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ, дорогіе, и желаю вамъ лучшей доли, успѣха въ борьбѣ; желаю дожить до той минуты, когда рухнетъ позорящее Россію самодержавіе и съ нимъ исчезнетъ зло, которое оно порождало. О, какъ мнѣ хотѣлось бы принимать участіе въ героической борьбѣ за свободу, въ борьбѣ не словами, а фактами, но теперь я не могу быть ни террористомъ, ни бунтаремъ по одному тому, что я совершенно разбитый физически человѣкъ,

а жить внѣ дѣла, внѣ борьбы я не могу и потому убиваю себя.

Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ Боевая Организація!

П. Поливановъ.

P. S. *Убѣдительно прошу лицъ, обѣщавшихъ сохранить мои воспоминанія, доставить ихъ редакціи „Рев. Россіи", принявъ всѣ мѣры предосторожности при пересылкѣ".*

* * *

Еще 31-го іюля 1903 г. *) писалъ онъ одному товарищу о своихъ планахъ, почти прощался... но не передъ вѣчной разлукой, а передъ поѣздкой въ Россію. „Во всякомъ случаѣ—писалъ онъ—я хочу сказать здѣсь, если мнѣ не удастся сдѣлать этого лично, что я горячо люблю и помню всѣхъ, что я никогда не забуду той сердечности и ласки, какую я встрѣтилъ въ Женевѣ. Не только тогда, но и теперь, при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ меня встрѣтили, какъ отнеслись ко мнѣ съ перваго дня, я чувствую себя глубоко растроганнымъ и это свѣтлое воспоминаніе сохраню до гроба. Всѣхъ васъ, дорогіе мои, горячо обнимаю и прошу вѣрить, что снова встрѣтиться съ вами было бы для меня счастьемъ. Будетъ ли это когда-нибудь?.. Ну, да что загадывать о будущемъ".

Судьба рѣшила иначе... И какъ неожиданно рѣшила!..

* * *

Обстоятельства его смерти еще разъ заставляютъ вспомнить его разсказъ объ умирающемъ въ стѣнахъ тюрьмы бойцѣ. „Ему страстно захотѣлось умереть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, — ну, хоть бы даже въ тюремномъ садикѣ, чтобы до послѣдней минуты онъ видѣлъ надъ собою клочекъ голубого неба, чтобы вокругъ колыхались вѣтки кудрявыхъ березокъ, чтобы онъ слышалъ щебетанье пташекъ и вдыхалъ теплый, нѣжащій весенній воздухъ"...

Поливановъ также хотѣлъ умереть, до послѣдней минуты ощущая разлитую кругомъ жизнь—жизнь, которая обманчивымъ миражемъ блеснула передъ нимъ и ушла безъ возврата. Онъ выбралъ мѣстомъ самоубійства общественный садъ, расположенный террасой, садъ, носящій поэтическое названіе Bodelio. Онъ спустился къ самому низу, гдѣ общественный садъ граничитъ съ частнымъ, сѣлъ въ уединенномъ уголкѣ, на первой скамьѣ и долго писалъ что-то въ свою записную книжку. Окончивъ, онъ вынулъ револьверъ и „однимъ движеніемъ пальца" кончилъ все...

Въ этой записной книжкѣ оказался дневникъ, или, лучше сказать, отрывки изъ дневника, — такъ какъ онъ вырвалъ изъ него нѣсколько листковъ и мѣстъ. Здѣсь онъ набросалъ рядъ послѣднихъ впечатлѣній и слова прощанія съ друзьями. Вотъ эти послѣднія слова передъ его отходомъ въ вѣчность.

„...Я нѣсколько минутъ стоялъ и смотрѣлъ, вспоминая былое. Оно такъ близко, но въ то же время такъ далеко; словно вѣка лежатъ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ утромъ. Мнѣ кажется уже, что я умеръ и смотрю на прошлое изъ глубины вѣчности...

*) Петръ Сергѣевичъ П овъ умеръ 17 августа года въ Лоріанѣ, гдѣ и погребенъ.

„...Вѣтеръ колышетъ верщинами сосенъ, и ихъ гулъ напоминаетъ мнѣ многое въ еще болѣе отдаленномъ прошломъ, — но довольно, довольно. Прошлое умерло, кануло въ вѣчность, и я иду на смерть и нечего зря бредить воспоминаніями.

„...Какъ досадно, что я не могу обстоятельно разсказать свои дорожныя впечатлѣнія и ощущенія... Странно какъ-то: такой чудный день, такая кругомъ чудная природа, а я готовлюсь къ смерти и до сихъ поръ ни разу не пришло мнѣ въ голову, что все это я вижу въ послѣдній разъ. Теперь я это подумалъ—и точно удивился: неужели это правда? Неужели черезъ 2—3 часа, —не знаю самъ, черезъ сколько времени, но очень скоро — я буду трупомъ, и все для меня погрузится въ мракъ, молчаніе, сонъ небытія?

„...Жить остается съ четверть часа. Странно все мое волненіе. Съ полчаса назадъ я сильно волновался: не трусилъ, нѣтъ, а, какъ написалъ я Рубановичу, испытывалъ ощущеніе человѣка, который раздѣлся и собирается нырнуть, но ежится при мысли о холодной водѣ...

„...Меня нѣсколько смущаетъ мой револьверъ: онъ небольшого калибра, но пули оболоченныя, бьетъ, должно быть, сильно. Теперь я совершенно спокоенъ. Мнѣ даже забавно, что еще нѣсколько минутъ, когда я найду себѣ укромный и достаточно поэтическій уголокъ, одно движеніе моего пальца покончитъ все. Исчезнетъ нѣжная лазурь неба, свѣжій вѣтерокъ, который такъ пріятно обвѣваетъ мою вспотѣвшую голову, свѣтъ, зелень деревьевъ, шумъ уличной толпы, все, все умретъ для меня.

„Теперь я мало думаю о себѣ. Меня заботятъ тѣ, кого я такъ любилъ, кого я такъ преступно—съ ихъ точки зрѣнія—покидаю.

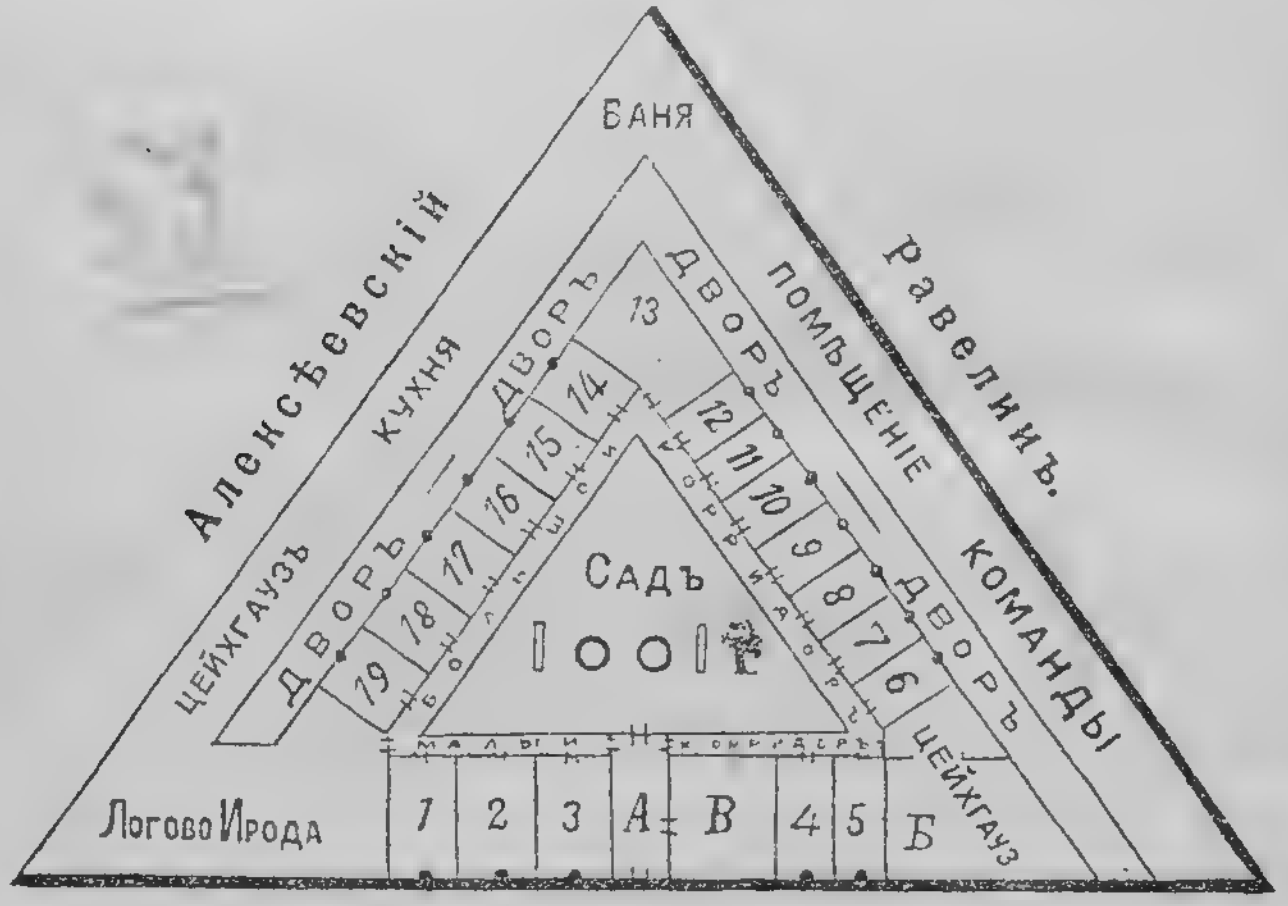
„Простите, родные, любимые мои! Всѣ вы, одинъ за другимъ, проходите передо мною, всѣхъ я мысленно обнимаю, у всѣхъ прошу прощенія и прошу вѣрить, что это для меня лучше. Ну, выкурю послѣднюю сигару и пойду на мѣсто вѣчнаго покоя...

„..... Всѣхъ, всѣхъ еще обнимаю. Теперь, должно быть, два часа—когда я еще сидѣлъ въ кафэ и пилъ свой послѣдній café noir, было безъ десяти два. Прощайте, мои дорогіе, жму до боли ваши руки, обнимаю, цѣлую. Я нашелъ себѣ мѣсто, гдѣ разрѣшится для меня тревожный вопросъ вѣчности. Прощайте, прощайте. Дай вамъ Богъ счастья и лучшей судьбы. Позаботьтесь, чтобы мои воспоминанія, оставленныя *тамъ*, увидѣли свѣтъ..."

Товарищу И. Рубановичу, которому Поливановъ адресовалъ свое послѣднее письмо, пришлось увидѣть его въ послѣдній разъ — въ покойницкой. Онъ лежалъ на чистой кровати въ чистой комнатѣ маленькой больницы, лицо его не измѣнилось и было страшно своимъ спокойствіемъ отдыхающаго бойца. Изъ праваго виска брызнула и застыла струя мозга...

Спи, спи вѣчнымъ сномъ, дорогой, незабвенный страдалецъ!

Петропавловская крѣпость.



Внутри трехугольный садъ, ▯ скамейки, ○ клумбы, 🌳 липа.

Логово Ирода,—квартира смотрителя Соколова.

№№ 1—12 и 14—19 — камеры.

№ 13,—поддежурная комната, гдѣ приготовлялись ванны для сидѣвшихъ въ большомъ корридорѣ.

Б.—цейхгаузъ, гдѣ приготовл. ванны для сидѣвшихъ въ №№ 4 и 5.

А.—подворотня; В.—караульная комната; ‖ —двери; •—окна.

Библиот. д № 8 въ 3-Районе